

801-13
2302

к пог
на

~~92~~
14

Гр. Алексѣй Н. ТОЛСТОЙ

0076

M 56
204

Т. VIII

ЗЕМНЫЯ СОКРОВИЩА

(ДВѢ ЖИЗНИ)

РОМАНЪ—ХРОНИКА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

25

Мас

И тшетьно тамъ пришлецъ унылый
Искаль бы гетманской могилы:
Забуть Мазепа съ давнихъ поръ.

(Полтава. Пушкинь).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ саду еще не просохли отъ росы деревья и печально въ кущѣ березъ ворковаль дикій голубь. Мягко зашумѣвшіе листья осинъ, громкое чирикание воробьевъ подъ окномъ и свѣжій вѣтеръ, залетѣвшій въ комнату, разбудили генеральшу Степаниду Ивановну. Она повернулась на бокъ и тотчасъ вспомнила не только вчерашнюю ссору, но и послѣднія слова мужа—Алексѣя Алексѣевича, сказанныя со зла.

Гнѣвно свинула Степанида Ивановна, подведенныя съ вечера, узкія брови, и въ нетерпѣннн и досадѣ перекутыла всѣ простыни, шитыя изъ тончайшаго холста.

Шелкъ Степанида Ивановна не употребляла на простыни и рубашки, зная, что электричество, находящееся въ тѣлахъ спящихъ супруговъ, разъединяется отъ шелковой ткани, и слабѣетъ любовное влеченіе, о которомъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, заботилась генеральша пожалуй даже сильнѣе, чѣмъ въ дни молодости.

Глядя въ окно на зеленыя вѣтки, думала Степанида Ивановна, подь свистъ иволги и стрекотъ кузнечиковъ,

2011123836

70608-40

о жестокихъ мужниныхъ словахъ, сказанныхъ съ хлопаньемъ дверьми, когда, противно всѣмъ привычкамъ, ушелъ Алексѣй Алексѣевичъ спать одинъ въ кабинетъ.

— Не смѣй ревновать, — крикнулъ тогда Алексѣй Алексѣевичъ, поднявъ руки, словно расквашивалъ ими загородку, — гадко это и гнусно! Э, да что съ тобой говорить, — онъ побагровѣлъ и, отшвырнувъ по пути ногою стулъ и круглый столикъ, распахнулъ дверь, — пойми, что ты старуха, старая старуха...

— Да, о женѣ вспомнилъ, о первой женѣ, — думала Степанида Ивановна, — а Софью любить потому, что на первую жену похожа.

Степанида Ивановна быстро повернулась на другой бокъ, откинувъ на ногахъ одѣяло; свѣжесть утра ознобила тѣло; генеральша стукнула кулачками по перинѣ.

— Нѣтъ, Алексѣй, — воскликнула она, — одна я для тебя, не смѣешь ни о комъ больше думать... Ахъ, Боже мой!

Склонясь къ подушкѣ замерла Степанида Ивановна, въ отчаяніи. Но сухи были ея глаза и сердце ожесточенно.

Тридцать четыре года прожила она съ мужемъ своимъ, теперь генераломъ въ отставкѣ, раньше красавцемъ военнымъ, любимцемъ начальниковъ, сотоварищей и женщинъ, проигравшимъ въ карты три имѣнья, знаменитымъ своими любовными и не любовными похождениями и въ особенности женитьбой на Степанидѣ Ивановнѣ, которую взялъ онъ за себя необычайно.

Тогда она — дѣвица на выданьи, жила въ уѣздномъ городѣ, съ отцомъ, помѣщикомъ, котораго съѣлъ банкъ.

Ничего, кромѣ деревянныхъ домишекъ, выгоравшихъ до тла черезъ каждые три года, выбоинъ отъ колесъ на немощенной улицѣ, да мухъ не было въ городѣ.

Мухъ же особенно было много. Отецъ Степаниды Ивановны — Иванъ Африкановичъ, охотился на нихъ, шаркая туфлями, по цѣлымъ днямъ.

Салфеткой ударяя по стѣнѣ или окну убивалъ онъ заразъ сотни и мертвыхъ отдавалъ цыплятамъ, которые отъ этого жирѣли.

А Степанида Ивановна, затянувъ грудь въ высокій корсетъ, сиживала у окна, съ тоскою глядя на пыльную улицу; отъ мокраго удара салфеткой вздрагивала она каждый разъ и, сжавъ маленькія губы, разсматривала, какъ напротивъ у забора стоитъ ободранный пестъ, жмурясь и грѣя носъ на солнцѣ, или по жарѣ бредеть писарь, ковыряя на щекѣ прыщъ.

— Замужъ хочу! — говорила Степанида Ивановна сначала тихо, потомъ все громче и злѣе и, когда Иванъ Африкановичъ входилъ въ комнату, держа въ одной рукѣ салфетку, въ другой банку съ набитыми мухами, кричала, глядя на улыбающееся его лицо:

— Выдай меня замужъ, старый мухой, выдай, тебѣ говорю.

Худенькое ея тѣло выпрямлялось, глаза становились сухи и огромны, а отъ тяжести черныхъ волосъ, подрѣзанныхъ на лбу челкой, болѣлъ затылокъ.

Однажды, услышавъ звонъ бубенцовъ, выглянула Степанида Ивановна въ окно и увидала тройку сѣрыхъ лошадей, мчавшую коляску, въ которой сидѣлъ молодой офицеръ съ трубкой въ зубахъ.

Офицеръ обернулъ къ изумленной дѣвушкѣ красное, усатое лицо, послалъ воздушный поцѣлуй и тройка скрылась за угломъ, гдѣ былъ домъ уѣзднаго предводителя.

Степанида Ивановна поблѣднѣла, схватилась за грудь и едва не лишилась чувствъ — такъ велико было у ней предчувствіе.

На слѣдующій день предводитель въ честь пріѣзжаго офицера — племянника своего, молодого вдовца Алексѣя Алексѣевича Брагина далъ веселый балъ. Степанида Ива-

новна надѣла единственное свое нарядное платье из голубой кисеи, и весь вечер слѣдила изъ-за вѣра за Алексѣем Алексѣвичемъ, лихо отбивавшимъ мазурку въ красныхъ съ лампасами чикчирахъ.

Алексѣй Алексѣвичъ, тоже, замѣтивъ красоту Степаниды Ивановны, оглядывался на нее неоднократно и, подъ конецъ сѣлъ рядомъ съ ней на диванчикъ, отирая тонкимъ платкомъ лобъ.

Степанида Ивановна опустила было глаза, но офицеръ взглянулъ на нее такъ открыто, простодушно и весело, что не могло быть сомнѣнія—его нужно полюбить, какъ можно скорѣе, не теряя времени, не думая ни о чемъ.

Въ маленькой гостиной, гдѣ они сидѣли, никого больше не было, за стѣной слышалась музыка, шелестъ и шорохъ танцующихъ... И Степанида Ивановна никогда не могла вспомнить—сказала ли она тогда что-нибудь молодому офицеру, отвѣтилъ ли онъ...

Отъ мужского, здороваго запаха раздулись у нея ноздри, медленно клонясь подставила она въ забытїи Алексѣю Алексѣвичу пунцовыя губы и вскрикнула, когда онъ поцѣловалъ.

Хотя въ двери гостиной не заглядывалъ ни одинъ носъ—все-же, минутъ черезъ пять всѣ узнали съ большими подробностями про поцѣлуй.

Предводительша, чтобы разсѣять сомнительное впечатлѣніе такого слуха, велѣла играть русскую и сама пошла плясать съ платочкомъ, при чемъ полная ея грудь такъ подпрыгивала, что пришлось ее поддерживать сверху рукой; предводитель, шелкнувъ тузомъ козырного короля у помѣщика Тараканова, крякнулъ и сказалъ:—«Эге, племянникъ, не дасть маху!»—при чемъ слова эти тотчасъ облетѣли всѣхъ гостей и на кухнѣ деньщикъ молодого Брагина примѣнилъ ихъ на дѣлѣ, за что и получилъ отъ горничной затрещину. Иванъ же Африкано-

вичъ, стоя въ закуской около спиртного, только сморкался трубой и теребилъ за пуговицы двухъ кулюкавшихъ съ нимъ помѣщиковъ, не рѣшаясь итти объясняться съ обидчикомъ.

На все это Алексѣй Алексѣвичъ объявилъ, что тогъ или стрѣляться или жениться, какъ того пожелаетъ Степанида Ивановны отецъ, но не раскаивается и при удобномъ случаѣ готовъ повторить проступокъ...

Иванъ Африкановичъ, услышавъ это, зарыдалъ и, вода носомъ, болѣе похожимъ на огурецъ, чѣмъ на что-либо человѣческое, по красному мундиру красавца Брагина, лепеталъ:—«я Степочкинъ отецъ—старый мухой, а ты Алексѣя Алексѣвичъ, благодѣтель» и, обнявъ его, тут же назвалъ зятемъ.

Потомъ только догадались, что Иванъ Африкановичъ свыше всякой мѣры—«набодался» наливками и увели его въ садовую бесѣдку спать.

Степанида Ивановна, отклонивъ отъ себя заботы хозяйки и дамъ, сидѣла въ гостиной прямая и бѣлая, какъ свѣча и, какъ свѣча, горѣли ея глаза, такъ что страшно было взглянуть; узнавъ же, что Брагинъ не отказывается отъ предложенія, она поднялась и вышла, высоко поднявъ голову, сжавъ губы.

Такъ, выйдя замужъ, измѣнила Степанида Ивановна тоскливую, дѣвичью жизнь на новую, полную страсти, роскоши и горя.

Ревновала Степанида Ивановна мужа ко всѣмъ, но больше всего къ памяти первой жены его, и, если бы Алексѣй Алексѣвичъ говорилъ о той первой, сравнивалъ бы ихъ обѣихъ, поддразнивалъ бы свою теперешнюю супругу, все же легче было бы Степанидѣ Ивановнѣ, зная съ кѣмъ бороться и что говорить.

Но Алексѣй Алексѣвичъ никогда не вспоминалъ, кромѣ одного раза, имя первой жены, и во время ссоръ, когда,

поплѣднѣвъ, съ трясущимися губами, выкрикивала Степанида Ивановна: «ты ее любишь, ты о ней только думаешь... поди ищи ее...»—пожималъ плечами, задумчиво глядя каштановые усы.

Со временемъ ревность къ той не только не сгладилась, но перешла въ характеръ Степаниды Ивановны и та стала какъ бы существующей, но неуловимой.

Ночью, просыпаясь отъ толчка во всемъ тѣлѣ, знала Степанида Ивановна, что та—по имени, Вѣра, только что была между ней и Алексѣемъ. Невидимая и неслышанная ложилась она на постель къ Степанидѣ Ивановнѣ и дѣлала свое страшное дѣло съ мужемъ... Степанида Ивановна поспѣшно будила Алексѣя Алексѣвича и, когда онъ, большой и сонный, мычалъ, закрывая голову одеяломъ, лънула къ нему, со злостью требуя ласкъ.

Временами наступало затишье. Алексѣй Алексѣвичъ, довольный миромъ, сидѣлъ дома въ вышитыхъ бисеромъ туфляхъ и курилъ трубки, а Степанида Ивановна работала. Но ненадолго успокоивалась горячая ея голова. Думая о мужниной военной карьерѣ, о необходимыхъ визитахъ, о быстро уменьшающихся средствахъ, благодаря огромнымъ суммамъ, проигрываемымъ Брагинымъ въ карты, шла неуклонно въ своихъ мысляхъ Степанида Ивановна къ одному пункту: въ такіе-то часы мужъ былъ неизвѣстно гдѣ, значить... Она опускала вязанье, начинала допрашивать, ставила колкіе вопросы и, смущенный, сбитый съ толку, Алексѣй Алексѣвичъ сознавался, что дѣйствительно поухаживалъ у князя Т. за какой-то тамъ Варенькой.

Степанида Ивановна швыряла вязанье на полъ, заламывала руки и лишалась чувствъ.

Страстная во всемъ, за что бы ни бралась, не разъ вырuchала Степанида Ивановна мужа изъ бѣды. Алексѣй Алексѣвичъ уѣзжалъ иногда въ провинцію, отправляя

ежедневно съ пути письма, полныя увѣреній въ любви и вѣрности.

Однажды онъ, уѣхавъ, не прислалъ писемъ въ продолженіе трехъ дней.

Степанида Ивановна не велѣла никого принимать, разогнала прислугу и днемъ и ночью ходила по комнатѣ, прижавъ руки къ груди.

Ей представлялось, что Алексѣй Алексѣвичъ обезглавленный брошенъ въ подвалъ, гдѣ тѣло его пожираютъ крысы...

На четвертыя сутки утромъ пришла телеграмма:— «проигралъ сорокъ тысячъ, стрѣляюсь, Алексѣй».

Степанида Ивановна спокойно приказала себя одѣть, взяла драгоценности, все серебро и поѣхала въ ломбардъ. Тамъ ей выдали десять тысячъ. Въ дворянскомъ банкѣ, гдѣ былъ хорошо знакомъ директоръ, выдали подъ залогъ тульского имѣнія еще двадцать пять тысячъ, не хватало пяти, которыя, безъ труда можно, было-бы достать въ другое время, но вечеромъ того же дня рѣшила Степанида Ивановна ѣхать и была часъ, когда измѣнили ей силы, и дома, упавъ на кровать, она нѣсколько разъ коротко зарыдала.

Но волей заставила себя выпить воды, сѣла и, сжавъ виски холодными пальцами, принялась думать.

Къ вечеру Степанида Ивановна рѣшила, и велѣла податъ бальное платье.

Карета, все время ждавшая у подъѣзда, помчала ее по мокрому улицамъ на Гагаринскую, гдѣ жилъ въ особнякѣ молодой, дѣлавшій блестящую карьеру, дипломатъ—Ртищевъ, всегда явно ухаживавшій за красавицей Брагиной.

Безъ доклада, войдя прямо въ кабинетъ Ртищева, затворила Степанида Ивановна дверь на ключъ и глядя на изумленного дипломата, молча, движеніемъ руки сбросила

сила къ своимъ ногамъ съ обнаженныхъ плечъ собою шубку.

Что произошло между ними, Степанида Ивановна никогда никому не рассказывала; съ пятью добавочными тысячами помчалась она въ той же каретѣ на вокзалъ, откуда на слѣдующее утро поѣздъ привезъ ее въ городъ N.

Въ N, она тотчасъ же отыскала гостиницу, гдѣ стоялъ Алексѣй Алексѣевичъ, и половые не мало были изумлены, увидавъ даму въ бальномъ платьѣ, съ кожаной сумкой въ рукѣ, бѣгущую по грязному половику коридора.

Одинъ загородилъ было ей дверь, но Степанида Ивановна съ силой оттолкнула его и вошла въ номеръ: на коврѣ, на диванахъ, положивъ ноги на кресла, дремали офицеры, валялись вокругъ бутылки и карты, было сизо отъ табачнаго дыма... Пробѣжавъ межъ пьяными, Степанида Ивановна увидала на постели мужа, онъ крѣпко спалъ держа въ рукѣ пестрый, шелковый платокъ, съ нашитыми монетами. Степанида Ивановна платочекъ вырвала и растоптала ногами, затѣмъ сумочкой, полной денегъ, принялась колотить Алексѣя Алексѣевича по щекамъ. Но все-же была слишкомъ рада (или чувствовала и себя отчасти не безгрѣшной), чтобы долго сердиться.

Когда наступила турецкая война, Алексѣй Алексѣевичъ перевелся въ дѣйствующую армію, и Степанида Ивановна уѣхала съ мужемъ.

Въ палаткѣ, несмотря на холодъ и дождь, чинила она мужнино бѣлье, за нерасторопность ругала денщика, который такъ боялся барыни, что лишился языка и только мычалъ, въ отвѣтъ, давала мужу совѣты, одинъ разъ даже собственноручно выстрѣлила въ турка, который оказался бабой маркитанткой, но промахнулась.

Въ палаткѣ, родила она дочку, въ то время какъ горнисть игралъ утреннюю зорю, но дѣвочка не прожила и

трехъ дней, а Степанида Ивановна на девятыя сутки переѣзжала уже верхомъ Дунай...

Война окончилась счастливо, и Алексѣй Алексѣевичъ, отличившись, быстро пошелъ по службѣ, Степанида Ивановна была принята при дворѣ, но волосы ея уже стали сѣдѣть, тѣло подсыхать и, несмотря на удовлетворенное честолюбіе, мучилась она пуще прежняго, глядя на дородную веселую фигуру мужа, всегда окруженнаго влюбленными женщинами...

Когда Алексѣй Алексѣевичъ получилъ генерала, хватилъ его легкой ударчикъ; поправившись, онъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ съ женой въ деревню—родовую свою вотчину Гнилопята на луговой сторонѣ Днѣпра.

Тамъ, успокоившись отъ свѣтской суеты, возобновилъ онъ переписку съ нѣкоторыми друзьями и съ братомъ своей первой жены—Ильѣй Леонтьевичемъ Рѣпьевымъ, отвѣчавшимъ пространными и мудрыми разсужденіями о жизни и христіанской любви на меланхоличныя письма друга.

Начитавшись писемъ этихъ, рѣшилъ Алексѣй Алексѣевичъ сдѣлать небогатому Рѣпьеву удовольствіе и попросилъ отпустить на лѣто погостить въ Гнилопята младшую дочку его Сонечку, которой самъ Алексѣй Алексѣевичъ доводился крестнымъ отцомъ. Степанидѣ же Ивановнѣ объявилъ, что желаетъ сдѣлать доброе дѣло и проявилъ столько характера и политики, что она уступила, сказавъ:

— Пусть присылаеть, у меня долго не засидится, выскочить живо замужъ, вотъ я напишу кое-кому. Только знай, Алексѣй, новую обузу кладешь на мои плечи.

Степанида Ивановна отлично помнила, чья была Сонечка племянница, и согласилась такъ быстро оттого, что всѣ помыслы ея заняты были новымъ, особеннымъ, необыкновеннымъ дѣломъ, о которомъ она не сообщала никому.

Про дѣло это прослышала Степанида Ивановна передъ отъѣздомъ въ деревню отъ старичка шведа, приходившагося Алексѣю Алексѣевичу дальнимъ родственникомъ по бабушкѣ—шведкѣ, урожденной Вальдштремъ, и теперь на свободѣ обдумывала планъ, долженствующій имя Алексѣя Алексѣевича внести въ страницы исторіи.

Но для выполненія плана надобно было много денегъ, состояніе Брагиныхъ сильно поиздержалось, Гнилопята приносили тысячъ пять дохода, что вмѣстѣ съ пенсіей хватало едва на жизнь, и Степанида Ивановна рѣшила отыскать кладъ...

По берегамъ Днѣпра въ камышахъ, на островкахъ среди заводей, издавна хранились забытые польскими панами клады, казацкая казна и татарское золото.

Прослышала объ этомъ Степанида Ивановна отъ монашенокъ сосѣдняго монастыря и сама ѣздила къ игуменѣ разспрашивать.

Монашенки толкомъ ничего не знали, но однажды одна изъ нихъ сообщила, что недавно у игуменьи появился планъ сокровищъ украинскаго гетмана Мазепы, собранныхъ имъ для воцаренія на малороссійскомъ престолѣ и покинутыхъ во время бѣгства съ Карломъ, шведскимъ коземлемъ.

Монашенка во всемъ этомъ клялась и божилась; Степанида Ивановна совсѣмъ было собралась къ игуменѣ, какъ пріѣздъ Сонечки отвлекъ на время ея помыслы на мужа и эту дѣвушку, такъ похожую на портретъ покойной Вѣры.

Вчера произошла ссора съ мужемъ, не первая, но особенно язвительная для генеральши, и Степанида Ивановна, припомнивъ поутру всѣ мученія долгой своей жизни, едва не ослабѣла духомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Боже мой, сколько тяготъ на мнѣ, ахъ, Алексѣй, все для тебя, неблагодарный, жестокій человѣкъ!..

Проговоривъ это, Степанида Ивановна съела, натянула на колѣни одѣяло, поправила чепецъ и позвонила въ колокольчикъ.

Вошла горничная Люба, неся чашку шоколада и серебряный подносъ съ печеньями. У окна въ клѣткѣ закричалъ попугай.

— Любочка!

Люба, улыбаясь, поставила подносъ на столикъ, подошла къ клѣткѣ и просунула между мѣдными прутьями палецъ, о который попугай тотчасъ же сталъ тереться зеленой головкой.

— Оставь попугая,—сердито сказала генеральша, глядя на молоденькую горничную,—генераль встать?..

— Ихъ превосходительство сюда идутъ,— улыбаясь отвѣтила краснощекая, хорошенькая Люба,—а барышня давно въ столовой.

— Подай зеркало и пуховку, скорѣй же,—воскликнула генеральша.

Люба, схвативъ овальное въ бронзовой рамѣ зеркало, подошла и, оперевшись колѣномъ о кровать, откинулась немного назадъ, такъ чтобы Степанида Ивановна, поднявшая пальцы къ съдымъ буклямъ, могла, сидя

въ подушкахъ, видѣть маленькое свое, съ синевой подъ черными глазами, въ мелкихъ морщинахъ, смуглое лицо.

Проведя пуховкой по щекамъ, Степанида Ивановна налила изъ хрустальнаго флакона на плечи и руки сладкихъ духовъ и карандашомъ отчеркнула тонкія брови...

— Теперь хорошо, ваше превосходительство,—сказала Люба,—только бровка одна чернѣе вышла...

— Безъ замѣчаній,—прикрикнула Степанида Ивановна, посмотрѣла на круглое съ приподнятымъ носомъ, лукавое лицо горничной, перевела взоръ на себя, повернулась въ профиль и подрисовала бровь.

Въ дверь постучали; Люба поспѣшно прислонила зеркало къ кровати и побѣжала открывать; вошелъ генераль.

Высокую его дородную фигуру свободно охватывалъ китель безъ погонъ, на ногахъ были одѣты панталоны съ лампасами и бархатные туфли; львиное, насуспенное лицо розовѣло отъ здоровья, а полныя губы добродушно улыбались въ бѣлыхъ, съ подусниками, усахъ.

— Проснулись, ваше превосходительство,—сказалъ Алексѣй Алексѣвичъ, заложивъ руки въ карманы,—а вѣдь я недурно выпался въ кабинетъ. А!—И, взглянувъ на горничную, захохоталъ, довольный, что побѣда на его сторонѣ...

Люба, поймавъ взглядъ генеральши, выскользнула изъ комнаты. Алексѣй Алексѣвичъ прошелся по коври, говоря:—съ вечера у меня въ бокъ немного кололо, а я думалъ—лучше покалываетъ, чѣмъ упреки твои, душа моя, слушать...

Генераль понизилъ голосъ, желая очевидно примиренія, и болталъ всякій вздоръ; Степанида Ивановна, поджавъ губы, раздражалась все больше.

— Я ответственна за Софью,—наконецъ сказала она сухимъ голосомъ,—я не могу допустить, чтобы ты ее цѣловалъ и сажалъ на колѣни.

Генераль сразу остановился, вынувъ изъ кармановъ руки.

— Она не кровная родня, чтобы относиться къ тебѣ, какъ къ дѣду,—продолжала генеральша,—ваше съ ней поведеніе я считаю легкомысленнымъ, если не...

— Молчать!—сказалъ генераль.

— Если ты меня вчера старухой называлъ,—не сдерживая себя закричала генеральша,—значитъ находишь эту дѣвчонку слишкомъ молодой. И она на тебя поглядываетъ не по-родственному.

— Что!—воскликнулъ Алексѣй Алексѣвичъ, багровѣя...

Но бѣсъ генеральшинъ сорвался и, чѣмъ больше раздвигался генераль, чѣмъ больше ей было опасности, тѣмъ безразсуднѣе, ядовитѣе придумывала она слова...

— Охъ, охъ,—повторялъ Алексѣй Алексѣвичъ, оглядываясь, чтобы найти метательный предметъ. Солнце, сквозь листья бросивъ зайчики на коверъ, заиграло на рѣзбѣ серебрянаго подноса.

— Замолчи же,—воскликнулъ генераль, поднимая надъ головой подносъ и отступилъ къ двери...

— Я ее выгоню,—взвизгнула генеральша...

— Генераль, ура!—закричалъ попугай...

И Алексѣй Алексѣвичъ, цѣлясь такъ, чтобы не попасть, бросилъ въ супругу подносомъ.

Печенья разсыпались по простынѣ; Степанида Ивановна тотчасъ же затихла, а генераль вышелъ, ударивъ дверью.

Когда испугъ прошелъ, Степанида Ивановна усмѣхнулась, сбросила съ колѣнъ печенья и, босая подоидя къ двери, повернула ключъ.

Тѣмъ, что Алексѣй Алексѣвичъ едва не убилъ ее подносомъ, генеральша была довольна. Вчера, увидѣвъ нѣжную привязанность мужа къ Сонечкѣ, рѣшила она

выдать во что бы то ни стало дѣвушку поскорѣ замужъ и въ умѣ подыскала жениха—молодого дипломата Смолькова, котораго тутъ же же и надумала выписать изъ Петербурга.

Смолькова Алексѣй Алексѣвичъ терпѣть не могъ, можетъ быть потому, что приходился тотъ племянникомъ Ртищеву, съ которымъ у генерала были старые счеты, и наотрѣзъ отказался его видѣть... Поэтому особенно хотѣлось Степанидѣ Ивановнѣ выдать Сонечку за Смолькова. Теперь же представлялся удобный случай: генераль будетъ каяться въ необдуманномъ поступкѣ съ подносомъ, сдѣлается мягокъ, какъ воскъ, и напишетъ Смолькову письмо.

Затворивъ дверь, генеральша выпила шоколадъ, накинула бѣлый пенюаръ, легла на диванчикъ и принялась громко вздыхать, по временамъ стеная:—Боже мой, Боже мой...

Знала она, что Алексѣй Алексѣвичъ будетъ на цыпочкахъ подходить къ двери и прислушиваться, но рѣшила изъ комнаты не выходить, пока генераль не дастъ нужнаго обѣщанія.

Алексѣй же Алексѣвичъ, какъ только выбѣжалъ отъ жены, отеръ платкомъ потъ съ откинутаго лба своего и, выпустивъ изъ надутыхъ щекъ воздухъ, пошелъ по коридору въ столовую, дверь въ которую была изъ разноцвѣтныхъ стеколъ.

— Фу, какъ гадко,—сказалъ Алексѣй Алексѣвичъ,—вѣдь довела же человѣка,—и, чтобы войти въ столовую веселымъ, помедлить, взявшись за скобку.

Смотря сквозь красное стекло двери, увидѣлъ онъ столовую, обитую дубомъ, съ рѣзными панелями, съ саксонскими блюдами на стѣнѣ и за столомъ дѣвушку, терпѣливо сложившую руки, въ ожиданіи прихода дѣда. Сквозь стекло все это казалось краснымъ.

Алексѣй Алексѣвичъ передвинулся налѣво къ зеленому стеклу, и комната и дѣвушка стали зелеными. Генераль пріотворилъ дверь и шопотомъ позвалъ:

— Сонюрка, поди-ка сюда...

Сонечка тотчасъ же встала, улыбаясь, и вдвоемъ они съ дѣдомъ стали смотрѣть сквозь цвѣтныя стекла.

— Ахъ,—молвилъ вдругъ Алексѣй Алексѣвичъ,—задала мнѣ бабушка феферу, я въ нее подносомъ кинулъ,—и генераль, зажмурясь, помоталъ головой...

— Зачѣмъ вы сердитесь,—отвѣтила Сонечка, цѣлуя дѣда въ плечо.

— Знаю, что не надо. А ты пила кофе?..

— Я васъ ждала.

— А думала о чемъ?

Сонечка опять улыбнулась, и они сѣли къ столу, развернувъ накрахмаленныя салфетки.

Лакей Афанасій, курносый, рыжій и нахальный—любимецъ бабушки, налилъ кофе. Генераль, мѣшая ложечкой, задумался, положивъ локоть на столъ.

Глядя на ласковое, вдругъ опустившееся, его лицо, на приподнявшіяся отъ печальнаго недоумѣнія брови, пожалѣла Сонечка дѣда и вновь стала думать о вчерашней ссорѣ, обвиняя во всемъ себя.

Стараясь не стучать, налила Сонечка сливокъ въ кофе, отломилла кусочекъ сладкаго хлѣба, положила въ ротъ, но, уже поднятая къ губамъ, вызолоченная внутри чашка, задрожала въ ея рукѣ, и на рѣсницахъ возникли изъ синихъ глазъ двѣ слезы.

— Поди ко мнѣ,—взволнованно сказалъ генераль, привлекая Сонечку,—не надо плакать, бабушка тебя любить и сама знаетъ, что говорить напрасну,—у нея характеръ не очень хорошій, но она добрая... А ты поменьше къ сердцу принимай... Вотъ и я тоже...

— Нѣтъ,—отвѣчала Сонечка, качая головой,—я знаю,

что мнѣ нужно уѣхать отсюда, я только горе причиняю.

— Да тебя никто не отпустить. Знаешь что—идемъ и помиримся съ бабушкой. Хорошо?

Алексѣй Алексѣевичъ бодро всталъ, обнявъ Сонечку за плечи, но должно быть не очень вѣрилъ въ это—«хорошо», такъ какъ замедлялъ шагъ, идя по коридору и уже совсѣмъ тихо постучалъ въ дверь.

Сонечка взглянула на дѣда, какъ бы спрашивая: а что, если?.. На стукъ громко застонали за дверью; Алексѣй Алексѣевичъ поднялъ брови, прошепталъ: слышишь! — и смѣлѣе постучалъ.

— Кто тамъ?—былъ слабый голосъ.

— Это мы, бабушка,—радостно проговорилъ Алексѣй Алексѣевичъ, — отопрѣ пожалуйста, — и съ хитрымъ видомъ мигнулъ Сонечкѣ глазомъ.

Но за дверью не отозвались; потомъ съ шумомъ упало тамъ что-то и зазвенѣло стекло...

— Ай!—воскликнула Сонечка, но Алексѣй Алексѣевичъ зажалъ ей ротъ и третій разъ постучалъ... Отвѣта не было.

— Съла въ бѣсть!—сказалъ генераль уныло,—надолго, — и пошелъ къ себѣ, а Сонечка поднялась наверхъ въ антресоли.

Сонечкина комната, небольшая и бѣлая, выходила единственнымъ окномъ на часть сада и дворъ.

Надъ кроватью надъ пологомъ висѣлъ небольшой образъ Сладчайшаго Спаса, въ жемчужной ризѣ.

Даль его Сонечкѣ отецъ Илья Леонтьевичъ, напутствуя дочь передъ отъѣздомъ къ дѣду, догадываясь, что тамъ можетъ рѣшиться ея судьба.

„Вотъ образъ, — сказала Илья Леонтьевичъ, — помни, что это только изображеніе силы, которая править нами. Держи его всегда подлѣ себя и, поступая такъ или иначе, спрашивай сперва совѣта у Него, то есть у своего сердца.

Всѣ уѣхи жизни пролетятъ такъ же, какъ твоя молодость, поэтому старайся, чтобы не оставили онѣ горькаго слѣда. Ты хмельна сейчасъ молодостью и все вокругъ видишь какъ бы сквозь туманъ, въ которомъ легко заблудиться. Одинъ Онъ есть твой вожатый. Не слушая Его, ты заблудишься, станешь метаться, безумствовать, и пресытишь себя... А, пресытивъ, упадешь въ потемки души и все станетъ отвратнымъ.“

Говоря такъ, Илья Леонтьевичъ, трясъ съдой бородой и дѣлалъ три жеста: одинъ—поднимая руку вверхъ, другою—приставлялъ палецъ къ груди, третьимъ—повергалъ кого-то долу.

„Если же ты всегда будешь видѣть свѣтъ Его, твои земныя страсти найдутъ свободный исходъ и тихая радость осѣнитъ тебя отъ ихъ удовлетворенія. Года уйдутъ, ты успокоишься, развѣтается туманъ, и какъ бы въ осеннемъ, прозрачномъ воздухѣ ты увидишь, что свѣтъ исходитъ отъ яснаго лица Сладчайшаго Спаса, отраженнаго въ каждомъ листкѣ. Это созерцаніе будетъ твое послѣднее и самое высокое счастье.“

Войдя къ себѣ, Сонечка оглянула стѣны комнаты, прогнала платкомъ муху съ портрета, вздохнула и, сѣвъ къ окну, открыла томикъ—«Вешнія Воды».

— Я не виновата,—подумала Сонечка,—я ничего такого не сдѣлала.

И она наклонилась надъ книгой, чувствуя сладкую грусть отъ одного только названія повѣсти.

Сонечкѣ шель девятнадцатый годъ; овальное ея, опущенное свѣтлыми волосами, лицо, казалось дѣтскимъ отъ припухлага рта, глаза, были синіе и круглые. Жолстинковое платье охватывало ея небольшое, съ покатыми плечами, худенькое тѣло.

Пробѣгая глазами по строчкамъ, Сонечка, поднимала голову и взглядывала въ окно на сухую вѣтку, на ко-

торой вотъ уже полчаса неподвижно сидѣла старая ворона, вертя головой.

— Ахъ, какая глупая,—думала Сонечка и, начавъ новую страницу, забывала немного предыдущее, заглядывала назадъ, говорила:—ахъ, да,—и перечитывала по нѣскольکو разъ любимыя мѣста.

Но кончилась глава, въ ухахъ звенѣло, и Сонечка, глядя передъ собой, уже не видѣла вороны; откинувшись на спинку стула, мечтала она, ставя себя на мѣсто героини. Герой же всегда былъ одинъ и тотъ же.

На немъ до верху застегнуть черный сюртукъ, прядь черныхъ волосъ падаетъ на блѣдный лобъ и жгучіе, честные глаза подняты. Онъ выходитъ изъ той вонь боковой аллеи, держа шляпу въ рукѣ; полы сюртука отдуваются вѣтромъ. Онъ мучается о чемъ?

Сонечка не умѣла придумать—о чемъ, но, конечно, о благородномъ и возвышенномъ. Себя она считаетъ недостойной и съ трепетомъ и съ гордостью думаетъ, какъ онъ возьметъ ее за руку и поведетъ.

Дальнѣйшій ходъ мыслей былъ таковъ, что Сонечка поспѣшно вставала, на цыпочкахъ шла къ умывальнику, мочила конецъ полотенца въ холодной водѣ и прикладывала къ вискамъ. Тогда наступило раскаяніе въ грѣшныхъ мысляхъ и страхъ, что такіе мысли повторяются все чаще и чаще, и все труднѣе ихъ побороть.

Вспоминая сегодня слова отца, Сонечка отложила книгу, изъ рабочаго столика вынула шелкъ, канву, наперстокъ, поставила ноги на скамеечку и, плотно сжавъ колѣни, прилежно стала вышивать.

— Какъ же съ бабушкой,—думала она,—можетъ быть; обойдется, а я ужъ все сдѣлаю, постараюсь съ дѣдушкой быть меньше вдвоемъ.

Иглою прокалывая канву, она ставила крестикъ, при-

держивала его сверху большимъ пальцемъ и свѣрялась съ примѣрнымъ рисункомъ.

— Какая все-таки гадость,—громко сказала она,—ревновать меня къ дѣду... Если бы папа зналъ...

Сквозь окно слышался стукъ ножей на кухнѣ и гдѣ-то курица, должно быть снеся яйцо, тихо стонала, не въ силахъ закричать, пѣтухъ же подхватилъ ея крикъ и хлопалъ крыльями. Плелась по двору собака, наступая лапами на обрывокъ веревки и въ безвѣтренномъ, словно полинявшемъ небѣ плавалъ коршунъ, высматривая цыплятъ.

Скучно и томительно въ июльскій зной сидѣть у окна, глядя на опустѣвшій дворъ усадьбы. Весь народъ въ полѣ косить овесъ и рожь, а немного позже стануть серпами срѣзать шляпки подсолнечника, насаживая ихъ обратно на стебель, чтобы хорошенько провяло и не осыпалось сѣмя.

На усадьбѣ осталась только стряпуха, которая съ утра до ночи печетъ ржаные хлѣбы, отправляемые вмѣстѣ съ солью, бараньимъ саломъ и пшеномъ въ поле, или, угорѣвъ отъ печи, выскакиваетъ изъ людской на дворъ и кричить благимъ голосомъ, требуя расчета и скребя волосы на головѣ. Но на крики ея никто не отвѣчаетъ, развѣ пріѣхавшій съ работъ приказчикъ дастъ ей по спинѣ раза и она съ ревомъ бросится назадъ въ пекарню.

Да двое бѣлоголовыхъ мальчиковъ, одинъ въ штанахъ, другой безъ штановъ, съ большимъ пузомъ, вьются около опрокинутой телѣги, набивая золой продранный чей-то валенокъ.

Жарко, безвѣтренно и тихо. Глаза у Сонечки слипаются, игла скользитъ въ пальцахъ; пойти бы къ дѣду, да нельзя теперь; искупаться бы, да вода такая теплая, что по всему тѣлу отъ нея зудъ; хорошо гдѣ-нибудь въ густомъ лѣсу у ручья, въ травѣ; вода журчитъ; голова у Сонечки клонится, и она засыпаетъ.

Въ полдень не легче и Алексѣю Алексѣвичу.

Пять разъ подходилъ онъ къ генеральшиной двери, говоря то шутя, то ласково:

— Полно, Степочка, отвори же... Ей Богу я раскаиваюсь... А?

Заманчиво кажется ему сидѣть въ генеральшиной комнатѣ: тамъ должно быть, прохладно, не то что въ обращенномъ на югъ кабинетѣ, гдѣ нагрѣлась кожа дивана отъ солнца, бьющаго сквозь спущенную штору, а по мокрому лицу ползаютъ ошальѣя мухи.

Въ генеральшиной спальнѣ можно развалиться въ креслѣ у прохладнаго окна, закурить сигарку и, попивая что-нибудь прохладительное, посмѣяться надъ давешней исторіей. А теперь безъ Степаниды Ивановны даже квасу нельзя достать...

— Ей-Богу, видишь—вотъ я перекрестился, никогда больше не стану подносами бросать и вообще...—въ отчаяніи говорилъ генераль, шестой разъ подойдя къ двери.

— Что тебѣ надобно?—былъ наконецъ отвѣтъ.

— Мириться, мириться,—радостно воскликнулъ Алексѣй Алексѣвичъ и потянулъ ручку двери,—ну полно же.

— Я спрашиваю: что тебѣ отъ меня надо?

Генераль опѣшилъ:—какъ что? Я думалъ...

— А что ты думалъ, когда убивалъ меня подносомъ?

— Степочка!

— Я до сихъ поръ дрожу отъ страха, можетъ ты сейчасъ войдешь и зарѣжешь меня. Уйди!

— Степочка,—воскликнулъ Алексѣй Алексѣвичъ, становясь на колѣни въ темномъ коридорчикѣ;—прости меня, ну скажи,—я все сдѣлаю.

— Ахъ, мнѣ ничего не нужно, я скоро умру.

— Боже мой, что же тебѣ нужно?

Степанида Ивановна помолчала, потомъ молвила тихо:—напиши письмо Смолькову...

— Кому,—спросилъ генераль, хотя отлично слышалъ...

— Смолькову,—громко сказала генеральша, — чтобы сюда прѣхалъ.

Алексѣй Алексѣвичъ нахмурился, стоя на колѣняхъ, потомъ всталъ; Степанида Ивановна громко принялась стонать и сморкаться.

— Все равно,—подумалъ Алексѣй Алексѣвичъ,—Смольковъ не хуже другихъ, напишу ему—руки не отвалятся.

Такъ состоялось перемирие и было отослано въ Петербургъ княгинѣ Лизѣ Тугушевой политическое письмо, гдѣ говорилось, что супруги Брагины хотѣли бы видѣть у себя Смолькова, а въ Р. С. сдѣлана помѣтка: гостить у насъ Сонечка Рѣпьева, милое и кроткое существо...

Письмо отправили въ село на почту съ нарочнымъ, и Степанида Ивановна, приласкавъ, наконецъ, разстроганнаго супруга, приказала заложить коляску, чтобы ѣхать въ монастырь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Монастырь лежалъ подъ горкой въ густомъ вишневомъ саду. Пирамидальные тополя росли вдоль невысокихъ стѣнъ, сложенныхъ изъ щебня когда-то бывшей здѣсь въ давнія времена крѣпости.

За стѣной шла дорога въ гору, у воротъ стояли заколоченные балаганы для продажи съѣстного во время праздниковъ, тремя же остальными краями уходилъ монастырь вмѣстѣ съ садомъ въ дубовую рощу, откуда вытекалъ и по листьямъ и вѣткамъ бѣжалъ подъ стѣну и въ садъ студеной ключъ.

Въ саду на полянкахъ, очищенныхъ отъ вишенника, подъ грушей или яблоней стояли мазанныя изъ глины и выбѣленные кельи. У каждаго порога лежало по камню для отдохновенія и на двери былъ нарисованъ синею краской осьмиконечный крестъ. Въ глубинѣ сада, тамъ, гдѣ сходились проторенныя въ травѣ тропки, надъ зеленою поднимались пять голубыхъ луковицъ ветхаго храма, съ пятью желѣзными крестами.

Но теперешняя игуменья—мать Голендуха, не пожелала, чтобы монашенки жили порознь въ далеко одна отъ другой стоящихъ кельяхъ. Являлось отъ этого великое баловство, особенно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда сокращали службы, чтобы болѣе оставалось времени для садовыхъ работъ. Монашенки тогда ходили, какъ пьяныя, въ чер-

ныхъ своихъ рясахъ, утомленные постомъ и зимою, щеки ихъ загорали и напѣвы духовныхъ стиховъ, вылетая изъ пышной зелени, смущали не одного прохожаго за бѣлой стѣной, а мать Голендуха только взыхала, говоря:—какое же это ангельское пѣніе, одинъ блудъ!

Поэтому, съ благословенія архіерея, собственнымъ иждивеніемъ, былъ построенъ деревянный домъ близъ церкви. Въ одной половинѣ его, лицомъ въ садъ, находилась трапезная и келья игуменьи, а въ другой, окнами на скотный дворъ и курятники, кельи сестеръ.

Пусть ихъ на курей посмотрятъ,—говорила мать Голендуха,—курая всегда ногой въ навозѣ зерно найдетъ, значить имѣетъ настоящую вѣру. А мой-то: подай имъ того, сего—пироговъ да моченыхъ яблоковъ, а сами только и наровяютъ побаловаться.

Вообще о паствѣ мать Голендуха мнѣнія была не важнаго:—тоже вотъ въ прошлое Христово воскресеніе,—разказывала она,—сестра Клитинья двадцать пять яицъ заразъ поѣла, двадцать вѣдь пять... Соборовали; я ее стыдила: какъ говорю, тебя съ такимъ брюхомъ на тотъ свѣтъ возьмутъ? Ничего, отдыhalась.

Росту мать Голендуха была небольшого, но сложенія весьма тучнаго. И вся насквозь она пропиталась кильею ладаномъ, что особенно усугубляло веселость, которую испытывалъ, встрѣчаясь съ нею, всякій.

Но монашенки боялись игуменьи, какъ огня. Бывало въ зимніе вечера, собираясь у длиннаго стола трапезной вышивать воздухи, бисерные кошельки да колпачки на ламповыя стекла или скатерти, слушали они, шурша шелкомъ работы, какъ мать Голендуха, сидя на краю стола въ креслѣ, разговаривала, попивая грушевый квасъ:

— Что же вы, дуры, думаете, что васъ всѣхъ и забе-

руть въ рай. Да вѣдь, не къ ночи будь помянуть, дьяволъ долженъ чѣмъ-нибудь пропитать себя...

— Гдѣ ужъ намъ,—отвѣчала самая шустрая изъ се-стерь, снимая нагорѣвшую съ сальной свѣчи свѣтильню,— намъ только смиреніе показать надобно...

— Закрой ротъ,—говорила мать Голендуха, стукнувъ кружкой, ишь, разговорилась, за языки васъ возьмутъ, подвѣсятъ.

Монашенки, низко склоняясь, молчали; мать Голендуха вытирала платочкомъ ротъ, складывала на животѣ руки и закрывала глаза, громко вздохнувъ...

— Нѣтъ,—продолжала она,—ты его побори сначала, загни въ щель, а потомъ смиреніе показывай... А то тратата, тратата цѣлый день: мать игуменья, дозвольте въ лѣсъ добѣжать, сушняку принестъ. Сушняку!.. Сушнякъ-то у васъ на двухъ ногахъ ходить... А не видала я развѣ какъ сестра Гликерья въ ручѣ мужескія вретнища полоскала?..

Мать Голендуха открывала совершенно круглые глаза и, стуча костяшками по столу, ужасно шептала:

— Вотъ въ старья-то времена надѣли бы на васъ колкія рубашки, да заставили бы ножищами гвозди толочь!..

Но душеспасительныя бесѣды не занимали всѣхъ помысловъ матери Голендухи. Хозяйство монастыря тревожило ее всегда и беспокоило. Кромѣ вишневаго сада обитель владѣла еще только тридцатью десятинами пахотной земли, на которой сажали свеклу, да «Свинными Овражками»—неизвѣстно кѣмъ и когда перекопаннымъ мѣстомъ, полнымъ щебня и камней, откуда вытекалъ монастырскій прохладный ключъ по имени «Пчелиная Сладость».

Всего этого едва хватало для пропитанія тридцати душъ и благолѣпія церкви, а о приколѣніи денегъ или покупкѣ земли—нечего было и думать.

Поэтому мать игуменья благословляла одну изъ се-стерь, испытанную мать Нонну, для сбора пожертвованій на храмъ.

Мать Нонна шла по деревнямъ и городамъ быстрой поступью, всегда веселая и говорливая, собирая съ крестьянъ по копеечкѣ, купцовъ по рублю. Память у Нонны была чрезвычайная: не только имена живущихъ, но дѣдовъ и прадѣдовъ ихъ помнила она по всей Руси; прійдя въ городъ тотчасъ же справлялась на базарѣ, кто умеръ, кто родить, кто сына женить, и стучалась изъ дома въ домъ, хозяйшкѣ предлагала просфору, безъ малаго фунтовъ въ пять, присовокупая подарочекъ словами—не въ бровь, а прямо въ глазъ. На купцовъ и старосвѣтскихъ дворянъ дѣйствовало это особенно, и считали мать Нонну наполовину святой.

Попивая чаекъ, любила рассказывать Нонна привѣтливымъ своимъ голосомъ—какихъ видѣла людей, да гдѣ какія святыя иконы проявились, да кто на комъ женится... Чертей видѣла она три раза, а одинъ—маленькій былъ къ ней даже привычный, и звала она его не христіанскимъ, конечно, именемъ, а собачьимъ—Полканка.

Возвращалась мать Нонна обыкновенно къ Рождеству и приносила немало денегъ, но иногда пропадала года по два, забредя за Окіянь. Тогда мать Голендуха, для поддержанія средствъ, объявляла ключъ «Пчелиная Сладость» цѣлебнымъ отъ криксы и продавала въ склянкахъ—три копейки за штуку, пятакъ пара,—дивную воду.

Но недавно Господь воистину сжалился надъ монастыремъ. Сестра Клитинья, послѣ того какъ на Пасху обѣ-ѣлася ящиками, стеною и призывая скорую смерть въ из-бавленіе отъ коликъ, открылась на духу священнику, а потомъ отдѣльно матери игуменьѣ, что помираетъ не отъ своего аппетита, а отъ того, что хранить страшную тайну—старинный кладъ, зарытый на крови.

Мать Голендуха выпросила все подробно—словно су-сѣкъ выскребла, какъ говаривали сестры и, отобравъ у Клитины какой-то документъ, возликовала въ своемъ сердцѣ радостью, ожидая для монастыря великій приплодъ.

Сначала мать Голендуха подумала сама копать кладъ, но разсчитавъ, что это стоитъ много денегъ, да пожалуй и бѣсъ тамъ замѣшанъ, подослала монашенку къ Степанидѣ Ивановнѣ, ожидая со дня на день прїѣзда генеральши.

Генеральша Степанида Ивановна ѣхала въ монастырь на парѣ вороньихъ, по имени: Геркулесь и Ахиллесь, которые въ древности и были, можетъ быть, героями, но теперь, неспѣшно волоча покойную коляску, старались поставить кривыя ноги гдѣ помягче. И всегда садясь на коней этихъ, говорила генеральша кучеру: смотри, держи какъ бы не разнесли!—на что кучерь отвѣчалъ безпечно:—помилуйте, не впервой!

По дорогѣ Степанида Ивановна обдумывала политичный разговоръ съ игуменьей. Когда показались надъ зеленою синія главы церкви, потомъ бѣлыя ворота и коляска мягко зашуршала по песку въѣзда, генеральша безпкойно задвигалась на подушкахъ коляски, вынула изъ ридикюля англійскую соль и поднесла къ носу.

На деревянное крыльцо вышла мать игуменья, прївѣтливо кланяясь по уставу. Степанида Ивановна сложила зонть, кивкомъ отвѣтила на поклонъ и, подхвативъ лиловое свое, шелковое, покрытое кружевной сѣткой, платье, вышла изъ коляски и поднялась по ступенямъ.

— Благодѣтельница, — запѣла мать Голендуха, закрывъ глаза, — все это вы порхаєте, все порхаєте, какъ птица-голубь, а я то, грѣшная, все сырѣю, все толстѣю; такъ и думаю—выйду въ лихой день на крылечко, оступлюсь и расколуюсь, какъ дыня. При этихъ словахъ щеки у ма-

тери Голендухи расплылись, дѣйствительно ставъ похожими на спѣлую дыню, что лежить, прикрытая листомъ, на бахчѣ.

↑ Степанида Ивановна съела на крылечкѣ, и, глядя на темно-зеленый, сбѣгающій внизъ вишенникъ, молвила со вздохомъ:

— Отдохнуть прїѣхала въ вашъ рай земной; устала отъ семейныхъ заботъ...

При этомъ она поглядѣла искоса на игуменью; игуменья въ свою очередь также поглядѣла на генеральшу:

— И, какой у насъ, сударыня, рай, мы еще многихъ иныхъ грѣшнѣе.

Обѣ женщины хитрили и ни одна не начинала нужной разговоръ. Съ вишенника вѣялъ пахнущій смолою вѣтеръ, пролетали грузныя пчелы, а невдалекѣ, должно быть изъ кельи, слышалось монотонное пѣніе духовнаго стиха. Умиротворилась, казалось, душа пѣвуньи, не дивится болѣе ничему и поетъ только потому, что по всей землѣ, въ каждомъ листѣ, во всемъ, что живетъ и дышитъ, бѣется вѣчный, однообразный шумъ живыхъ ключей.

На крыльцо изъ дома вышла монашенка, принесла столъ, накрыла его вышитой ширинкой и поставила синія грубыя чашки; другая принесла самоваръ, положивъ въ трубу березовую вѣтку, чтобы дымъ отгонялъ мошекъ.

— Грѣшница, люблю чаекъ попить, — проговорила мать Голендуха, — но не такой это грѣхъ, какъ сумасшедшія капли. Вонъ у насъ священникъ на Пасху наприкладывался сумасшедшихъ капель, ровно насосъ какой, и молебень служить пошелъ къ доктору, а у доктора аптечный шкапъ картинками обклеенъ, разнаго веселаго содержанія. Попъ-то кинулся къ шкапу и давай кадиломъ махать; докторъ ему «батюшка, образъ-то вонъ въ томъ углу, а это непотребство; извините, что я его простыней не закрывъ...» «Это, — говоритъ попъ, — мнѣ все равно, я

къ этому отношусь negliжа.» Такъ передъ шкапомъ мо-
лебенъ и отслужилъ. Видишь—до negliжа и довели его
сумасшедшія капли.

Степанида Ивановна сдѣлала губами звукъ тссь... и,
качнувъ кружевной наколкой, сказала:

— Варенье прекрасное у васъ, мать игуменя, изъ
своей вишни варили?..

— Изъ своей, для гостей держимъ хорошихъ...

— А говорить, въ этой мѣстности клады всевозможные
зарыты.

— Множество.

— Говорять, вы знаете одинъ такой, мнѣ бы интересно
послушать...

Глаза игуменьи тотчасъ же изъ ласковыхъ сдѣлались
строгими, на лобъ набѣжали морщины; ударивъ въ ла-
доши, она воскликнула:

— Сестра Клитинья, подойди къ намъ.

Тотчасъ же, словно давно дожидаясь, вошла въ по-
рыжьлой ватной ряскѣ Клитинья. Сложивъ руки на груди,
она поклонилась, посмотрѣла на яства, уставлявшія столъ
и, опустивъ желтое, скуластое лицо, стала у притолки.

Въ глухихъ деревняхъ рождаются такія большеголо-
вые дѣти, которыя ѣдятъ и не могутъ насытить голодное
свое тѣло; чувство голода передается имъ по наслѣдству,
какъ инымъ музыкальное ухо, напримѣръ. Такъ и у Кли-
тиньи былъ большой ротъ, полный слюны.

Степанида Ивановна со страхомъ и отвращеніемъ огля-
дѣла монашенку, а игуменя, степенно сунувъ пальцы въ
пальцы, молвила:

— Расскажи намъ, сестра, что знаешь.

Клитинья облизнула губы и тихимъ голосомъ, стала
разсказывать все, что знала изустно отъ отца и дѣда о
предкѣ своемъ Осипѣ Кабанѣ.

— Былъ онъ, Осипъ Кабанъ, мальчишкой о двѣнад-

цати годкахъ, когда позвали его на гетманскій дворъ и
ночью повели съ двѣнадцатью молодыми казаками рыть
подвалы въ горѣ. Туда же имъ и пищу приносили. Рыли
они три мѣсяца, а когда кончили, подарилъ имъ гетманъ
красные шаровары, бѣлыя свитки и шапки изъ сѣрыхъ
смущекъ и сказалъ: идите за мной, слуги мои, возьмите
сундуки кованные, поставьте ихъ въ тѣ подвалы, а какъ
все сдѣлаете по моему слову—награжу васъ по-царски.

Зажгли они головни и понесли кованные сундуки.
Шесть было ихъ насыпано серебромъ, да три краснымъ
золотомъ, да три жемчугомъ и камнями, а Осипъ Ка-
банъ несъ на подушкѣ корону золотую, вѣсомъ пять
фунтовъ и съ четвертью.

А позади всѣхъ шель самъ гетманъ Мазепа съ острой
саблей въ рукѣ.

Дошли казаки до самаго дальняго подвала, поста-
вили сундуки, замуравили дверь и приказалъ гетманъ
всѣмъ казакамъ стать на колѣни, самъ вынулъ книгу
и началъ читать заклятыя слова, а Осипъ свѣтилъ ему
головнею. Потомъ Мазепа поднялъ острую саблю и от-
рубилъ всѣмъ двѣнадцати казакамъ головы, а Осипу
приказалъ заваливать двери подвальныхъ одну за другой
до самаго входа и ставить примѣты: *каменную голову,
орла и четырехконечный крестъ*.

Послушался Осипъ, а когда дошелъ до выхода, по-
нялъ, что будетъ лежать здѣсь тринадцатый, всталъ на
колѣни и попросилъ передъ смертью прочесть Отче Нашъ...
Когда Осипъ сказалъ: аминь, гетманъ взмахнулъ саблей,
но невидимая рука ухватила клинокъ и понялъ Мазепа,
что неправильно все сотворилъ и убѣждалъ изъ подзе-
меля, зовя слугъ громкимъ голосомъ.

А Осипъ Кабанъ, какъ преклоняющій на молитвѣ кол-
лѣни, такъ и остался на всю жизнь колченогимъ, чтобы
никогда не забыть Божьяго чуда.

Клитинья кончила говорить, а Степанида Ивановна все еще слушала, глядя на голодные ее большие глаза, горьшіе на скуластомъ лицѣ...

— Къ тому имѣются у насъ документы и планъ,— сказала игуменья строго,—Осипъ Кабанъ снялъ ихъ наизусть и, помирая, не велѣлъ никому сказывать.

Степанида Ивановна вздрогнула, поблѣднѣвъ отъ волненія, и положила руку на грудь, не въ силахъ молвить слова. Мать же Голендуха, вынувъ изъ-подъ рясы ветхіе листки синеватой бумаги, продолжала:

— Вотъ планъ и надпись:—«сей планъ снималъ Осипъ Кабанъ, Господней милостью остался живъ и руку приложилъ», вотъ описаніе плана и примѣты, а вотъ опись, что есть въ сундукахъ... Уйди Клитинья,—окончила мать Голендуха и, прикрывъ полной своей рукой ветхіе листки, сдѣлала сладчайшее лицо.

— А лежатъ сіи подвалы, благодѣтельница Степанида Ивановна, на нашей монастырской землѣ, какъ разъ на Свиныхъ Овражкахъ. Ни въ одной лаврѣ нѣтъ такого богатства, какъ у насъ; но мы не хотимъ земного, а гонимся за небеснымъ, потому что не земного ждемъ, а небеснаго жениха...

При этомъ у матери Голендухи глаза укатились подъ лобъ, ротъ раздвинулся, показавъ единственный передній зубъ и все лицо изобразило наглядно, какъ они ожидаютъ жениха.

— Такъ продайте же мнѣ Свиные Овражки!—необдуманно воскликнула генеральша, отъ волненія зсавъ со стула.

На это мать Голендуха печально покачала головой и ничего не сказала, но было ясно, что на продажу склонить ее возможно...

Съ этой мыслью и уѣхала Степанида Ивановна изъ монастыря; за экипажемъ поднялась легкая пыль, золо-

тистая отъ низкаго солнца, а Геркулесъ и Ахиллесъ, бодро сначала тронувъ, скоро пришли въ отчаяніе, что нужно опять взлѣзать въ гору.

Степанида Ивановна не могла найти мѣста въ коляскѣ, открывала и закрывала зонтикъ, сбросила съ колѣнъ пледъ и, оглядываясь на монастырь, шептала:

— *Корона тамъ, его корона*, сама судьба ведетъ меня. Ахъ, Алексѣй, если бы ты зналъ, какъ вознесу я тебя...

Степанидѣ Ивановнѣ казалось, что если такъ внезапно и просто дается въ руки огромное богатство, не можетъ не осуществиться ее завѣтная цѣль. Необходимо было пока скрыть даже отъ мужа существованіе клада, чтобы не пошли слухи и правительство не потребовало львиной доли. Потомъ достать денегъ для раскопокъ и выкупить мѣсто у монастыря. Можно продать Гнилопятскій заповѣдникъ и всю рожь. Потомъ скорѣе, скорѣе сбъсть съ рукъ Софью—помѣху въ такое важное время.

Степанида Ивановна сжимала пальцами виски такъ сильно, что разболѣлась голова. Вспомнивъ о Сонечкѣ и, желая отогнать волновавшія мысли, генеральша смягчилась, думая:

— Въ сущности она хорошая дѣвочка и ей не такого нужно мужа, какъ этотъ вѣтрогонъ Смольковъ. Но все равно, сдѣлано—не воротишь, а выходить замужъ надо же когда-нибудь. Приѣду,—приласкаю ее и бѣднаго Алексѣя. Ахъ, глупый, глупый! вѣдь все это для тебя, для твоего счастья, милый, старый мопсъ.

Чуя домъ, кони побѣжали подъ горку рысью, околицу отворилъ пастухъ съ котомкой на спинѣ и долго смотрѣлъ, не надѣвая шапки, на блестящій экипажъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сонечка сильно перетрусилась, когда горничная Люба таинственным шопотом сообщила, что генеральша требует барышню к себе.

Сбѣжав по деревянной, винтовой лѣстницѣ внизъ, мимоходомъ взглянула Сонечка въ зеркало на себя, и, увидавъ, что щеки блѣдны, похлопала ихъ ладонями. Въ это время дверь кабинета пріотворилась и генераль, пресунувъ одну голову, прошептала, подмигнувъ:

— Не робѣй, Сонюшка, бабушка добрая, ты только молчи, да ручку поцѣлуй.

— Хорошо,—сказала Сонечка, улыбаясь,—я потомъ къ вамъ забѣгу, расскажу...—и пошла на цыпочкахъ по коридору.

Генеральша сидѣла бокомъ къ туалету, играя вѣеромъ. Когда вошла Сонечка она улыбнулась, привлекла дѣвчушку къ себѣ, усадила на скамеечку у ногъ и потрепала по щекамъ...

— Зачѣмъ ты такъ туго закручиваешь косы,—сказала генеральша,—ихъ нужно плести совсѣмъ легко...

— Хорошо,—отвѣтила Сонечка, робѣя,—я больше не буду.

— Я на тебя не сержусь, глупая, сядь прямо, я покажу, какъ нужно убирать волосы.

Быстро распустивъ Сонечкины двѣ косы, упавшія до

полу, Степанида Ивановна стала черепаховымъ гребнемъ медленно ихъ расчесывать, говоря: А

/ — Вся сила женщины въ волосахъ—въ нихъ заключено электричество и, смотри, никогда не надѣвай на ночь шелковыхъ чепцовъ. Когда твой мужъ ляжетъ подлѣ тебя, распусти волосы, чтобы они касались его лица; тебя онъ можетъ забыть, но запахъ твоихъ волосъ никогда. Никогда волосы не души духами, они должны пахнуть тобой.

— Бабушка,—прошептала Сонечка, пряча лицо въ рукавъ генеральши,—я не собираюсь замужъ.

Степанида Ивановна медленно засмѣялась, расчесала, заплела Сонечкѣ двѣ косы, обвила ихъ вокругъ лба и перевязала синей лентой.

— Теперь ты красива,—проговорила генеральша, держа ладонями Сонечкину голову,—посмотри на меня. Ахъ, дитя мое! И ты женщина, и тебя ждетъ та же участь.

Она встала отъ туалета и, шурша лиловымъ платьемъ, прилегла на диванъ у окна... Становилось сумеречно.

— Тебѣ нужно замужъ,—проговорила генеральша инымъ, таинственнымъ голосомъ,—ты совсѣмъ поспѣла, какъ яблочко...

Сонечка молча наклонила голову; Степанида Ивановна, раскрывъ и закрывъ кружевной вѣеръ, продолжала:

— Я нашла тебѣ подходящаго мужа, онъ красивъ. Хорошо имѣть красиваго мужа. Но для этого нужно каменное сердце...

Вспомнивъ должно быть старое, генеральша вытянулась на диванѣ; шелкъ ея платья засвистѣлъ подъ ногами. Сонечка знала, что нужно сказать во вскомъ случаѣ что-нибудь, но не могла пошевелиться. За окномъ тормозились воробьи, укладываясь спать, а попугай нѣжнымъ голосомъ звалъ себя по имени: попочка, попочка...

— Мнѣ писали изъ Рима—святой отецъ занемогъ, вдругъ молвила генеральша...

- Я не знаю,—пробормотала Сонечка, вздрогнувъ.
- Такое горе для христіанскаго мира, что?
- Да, бабушка...
- Это возвышено думать о Богѣ, мы всё его дѣти..

И генеральша продолжала болтать деревяннымъ голосомъ чепуху. Это была ея манера—свѣтскій, по ея мнѣнію, тонъ, который генераль терпѣть не могъ и называль—лущить горохъ.

Но Сонечка не знала еще этой особенности за генеральшей и была изумлена, сбита съ толку и отвѣчала невпопадъ.

Въ сумеркахъ маленькая генеральша казалась восковой, съ нарумяненными щеками; лѣвой рукой она качала вѣеръ и притворно улыбалась...

— Когда Апраксину дали ленту черезъ плечо, онъ сказалъ моему мужу: «помилуйте, генераль, я не заслужилъ ее, право не заслужилъ»; онъ былъ очень милъ тогда...

«Почему лента,—думала Сонечка,—почему боленъ римскій папа; причеъ тутъ имѣть молодого мужа и каменное сердце... Должно быть, я дѣйствительно глупа, ничего не пойму изъ этого...»

— Что же ты молчишь, ты глуха?—спросила наконецъ генеральша.

— Я, бабушка?

— Ты не отвѣтила—хочешь ли замужъ?

— Я постараюсь...

— Что постараюсь?..

— Я не знаю...

— Хорошо, ступай къ себѣ. Я все рѣшу за тебя. Можешь на меня положиться. Я не зла тебѣ хочу, а счастья.

Притворивъ дверь спальни, Сонечка перекрестилась, сказавъ:—слава Богу, обошлось!—и пошла къ Алексѣю Алексѣвичу въ кабинетъ.

Алексѣй Алексѣвичъ лежалъ на турецкомъ диванѣ,

держа въ рукѣ чубукъ. На коврѣ, прибитомъ надъ диваномъ, было въ порядкѣ развѣшано всевозможное оружіе, которымъ генераль очень гордился.

У противоположной стѣны за столомъ стоялъ шкафъ съ книгами военнаго содержанія и историческими, но Алексѣй Алексѣвичъ ихъ не читалъ, а любилъ, взявъ въ руки, разрѣзать книгу костянымъ ножомъ и приглаживать листы у корешка ногтемъ, специально для этого выощеннымъ и холненнымъ на мизинцѣ.

— А я сейчасъ думалъ,—сказалъ генераль, сажая Сонечку рядомъ съ собою,—что наша русская сабля имѣетъ преимущество противъ турецкаго ятагана, вонъ видишь того, кривого.

Сонечка, аккуратно сложивъ руки на колѣняхъ, подняла на Алексѣя Алексѣвича синіе глаза, разсѣянно слушая преимущество русской сабли противъ ятагана.

— У ятагана есть достоинства, онъ самъ рѣжетъ, саблю же надо тянуть при ударѣ къ себѣ. Но зато я могу колотъ саблей, а ятаганомъ, какъ уколешь?

Генераль всталъ съ дивана, показалъ выпадъ и защиту тѣмъ и другимъ оружіемъ:—поняла теперь, объ этомъ-то я, мой другъ, и хочу написать кое-куда статейку.—Онъ сѣлъ опять, вытеръ лобъ платкомъ и, взявъ Сонечкины руки въ большія свои ладони, спросилъ ласково:

— Что, помирилась съ бабушкой?

— Да,—отвѣтила Сонечка кротко.

Генераль покрутилъ усы, ему нужно было до конца высказаться.

— Вотъ, какъ иллюстрація,—молвилъ онъ,—ѣду я около крѣпостной стѣны (во время послѣдней войны турецкой) и насакиваетъ на меня преогромный турокъ съ эдакой кривой штукой... Я выстрѣлилъ, но промахнулся, сабли наши скрестились, онъ рубилъ и я кололъ. Что же думаешь—лошадь моя Султанка выручила, ухватила турка

зубами за ногу, завизжалъ онъ, а я въ это время и про-
ткнулъ его насквозь.

— Вотъ ужасъ,—вадрогнувъ сказала Сонечка,—вамъ
не было страшно?

— Страшно не было, но потомъ все представлялось,
что я разрѣзалъ лимонъ и на губахъ была оскомина...

Алексѣй Алексѣевичъ, удовлетворенный, что исчер-
палъ вопросъ о сабляхъ, похлопалъ Сонечкину руку,
говоря:

— Ну, а теперь расскажи мнѣ, какъ вы съ бабушкой
порѣшили, сватала она тебя?

Глаза Сонечки испуганно взметнулись,—вы серьезно,
дѣдушка, говорите? Да, она говорила о какомъ-то госпо-
динѣ. Но я не знаю, мнѣ не хочется замужъ, это такъ
важно, а всѣ какъ-то такъ говорить...

Она запуталась; голось ея задрожалъ, и слезами за-
волоклись огорченные глаза...

Алексѣй Алексѣевичъ привлекъ къ себѣ ея голову и
говорилъ, глядя по волосамъ:

— Ты права, дѣточка, для тебя это очень серьезный
шагъ. И въ этомъ и во всѣхъ движеніяхъ ты сейчасъ
похожа на мою покойную Вѣрочку. Бывало она такъ же...
Вспоминаешь и думаешь, какъ было намъ хорошо, мы
нѣжно и свято любили другъ друга. А знаешь, какъ вѣнча-
лись?.. Въ деревенской церкви зимой. Всѣ окна завалило
снѣгомъ и потолокъ дрожалъ—такая разыгралась пурга.
Мы стояли позади священника и на насъ сошелъ Святой
Духъ. Потомъ у Ильи Леонтьевича, твоего отца, былъ
пиръ, а послѣ пира вечеромъ насъ отправили на парныхъ
санкахъ въ мое имѣніе. Вѣрочкинъ сватъ Степанъ Наль-
мовъ—тучный былъ старикъ, всталъ, по обычаю, на за-
пятки и провожалъ насъ всѣ сорокъ верстъ въ расте-
гнутой медвѣжьей шубѣ, безъ шапки на головѣ.

Алексѣй Алексѣевичъ долго еще улыбался въ густые

свои усы, потомъ глаза его потускнѣли, а рука, найдя,
слабо пожала Сонечкину руку...

— Тогда все по-другому было,—молвилъ онъ,—ка-
залось конца края не хватить веселью, ожидалось замѣ-
чательное что-то въ жизни. А жизнь прошла и ничего
замѣчательнаго не сдѣлалось. Конечно скучно. Ходишь
и думаешь—зачѣмъ пошелъ; книгу возьмешь—зачѣмъ, ду-
маю, читать, когда помирать надо. /

— Что это, дѣдушка,—воскликнула Сонечка жалоб-
но,—въ какой вы меланхоліи.

— Меланхолія, ты права; дѣломъ мнѣ надо заняться.
Вотъ скоро поѣду рожъ продавать на базаръ.

— Послѣ вашихъ словъ, дѣдушка, мнѣ-то что же
остается дѣлать? Если вы, такой умный и добрый, хотите
умереть, то я и подавно...

Алексѣй Алексѣевичъ быстро оглянулся на Сонечку,
подхватилъ усы и воскликнулъ:

— Такъ нѣтъ же, попляшу я на твоей свадьбѣ, Сонюрка;
меланхолія у меня отъ сумерекъ стала дѣлаться; а мы
ее по боку: слушай, что бабушка-то придумала!

И онъ рассказалъ про планъ Степаниды Ивановны и
про письмо, добавивъ:

— Понравится тебѣ Смольковъ—бери его въ мужья,
а не понравится другого същемъ...

Сонечка ничего не сказала, только руки ея похоло-
дѣли и, думая, представила она Смолькова своимъ всегдаш-
никъ героємъ.. /

Въ дверь осторожно стукнули, вошелъ Аванасій и,
доложивъ, что поданъ ужинъ, зажегъ на письменномъ
столѣ четыре свѣчи, соединенныя вмѣстѣ зеленымъ кол-
пачкомъ.

Ужинъ, благодаря теплему времени, былъ накрытъ
на каменной террасѣ, и Степанида Ивановна уже сидѣла
на длинномъ концѣ стола, жеманно облокотясь на кресло.

Два канделябра тихо оплывали от легкаго дуновения ночи и множество бабочек и жучковъ кружилось около свѣта, падая на бѣлую скатерть.

Генераль тотчасъ же, какъ сѣлъ на свое мѣсто, зануль салфетку за воротникъ кителя и сталъ ѣсть, весело поглядывая; въ подливку упалъ жукъ, Алексѣй Алексѣевичъ выловилъ его на край тарелки, сказавъ:

— Сколько ихъ налетѣло, прямо мамаево нашествіе.

— А вотъ карамора,—сказала Сонечка,—комариный царь.

— Не царь, а главнокомандующій,—воскликнулъ генераль.—Афанасій, принеси картофель. А ты, Степочка, ничего не ѣшь?

Къ ѣдѣ генеральша, дѣйствительно, не притрагивалась: таинственная улыбка морщила тонкія ея губы...

— Если бы ты зналъ, что я знаю, то и ты тоже бы не ѣлъ,—проговорила она медленно и, поставивъ локоть на столъ, затѣнила ладонью лицо отъ свѣта...

— Что развѣ случилось?..

— Алексѣй, мы скоро будемъ имѣть царское богатство...

Генераль выронилъ ножъ и вилку, открывъ ротъ. Сонечка отъ неожиданности поперхнулась; Афанасій, поставивъ въ это время блюдо съ картофелемъ на столъ, отошелъ къ двери, внимательно слушая.

— Откуда же,—спросилъ, наконецъ, Алексѣй Алексѣевичъ,—развѣ кто-нибудь умеръ?

— Нѣтъ, Алексѣй, никто не умиралъ,—генеральша оглядѣла собесѣдниковъ, думая сказать или не говорить, но сказать такъ и подмывало,—я нашла кладъ гетмана Мазепы.

— Гдѣ, расскажите!—воскликнула Сонечка, а генераль, опустивъ въ тарелку длинные усы, старался скрыть ими предательскую улыбку. Но Степанида Ивановна все-таки замѣтила ее, разгорячилась и, вопреки данному

себѣ слову молчать, рассказала о кладѣ, все что слышала и видѣла въ монастырѣ...

— Ты понимаешь теперь,—окончила генеральша рѣшительно,—что я *должна* купить Свиные Овражки.

— Но это безуміе,—воскликнулъ генераль,—покупать никому не нужные Овражки.

— Это безуміе такъ отвѣчать,—прикрикнула генеральша...

— Что?—спросилъ генераль, хмурия брови, но Сонечка взглянула на него умоляюще, и онъ поспѣшилъ прибавить:—я знаю, что ты пошутила, не будемъ ссориться...

— Я ничуть не шучу,—крикнула генеральша, стукнувъ кулачкомъ,—я должна имѣть чрезъ двѣ недѣли деньги для покупки. Ахъ, я знаю—ты хочешь сдѣлать меня нищей. Мало всѣхъ огорченій, которыя ты мнѣ доставилъ, ты вырываешь послѣдній кусокъ хлѣба, который я могу заработать...

Генераль началъ пыхтѣть и надуваться; быть бы сорѣ, но Афанасій, почтительно наклоняся надъ Степанидой Ивановной, выждалъ роковое многоточіе въ разговорѣ и сказалъ:

— Осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство, все вѣрно, какъ вы изволили говорить...

— Что, какъ ты смѣешь,—закричалъ генераль внѣ себя,—пошелъ вонъ...

— Оставь его,—простонала Степанида Ивановна, надломленнымъ голосомъ,—продолжай, Афанасій...

— Когда я еще, ваше превосходительство, мальчишкой въ здѣшнихъ мѣстахъ бѣгалъ, находилъ на Свиныхъ Овражкахъ монеты. Изволите посмотрѣть.

Афанасій вынулъ изъ жилетнаго кармана старинный польскій золотый и подаль генеральшѣ.

— Вотъ видишь, я всегда права,—радостно воскликнула Степанида Ивановна,—посмотри, это 1703 года. Спасибо, Афанасій.

Если бы генеральша продолжала говорить колкія слова, Алексѣй Алексѣевичъ разбушевался бы навѣрно, но радостный тонъ супруги неожиданно смутилъ его мысли и, разсматривая монету, все еще хмурясь, онъ протянулъ:

— Да, старинная, странно.

Степанида Ивановна въ это время встала и говоря:— Боже мой, здѣсь такъ сыро!—ушла, зная, что, выигравъ первое сраженіе, выиграетъ и остальные.

Проводивъ взоромъ супругу и Афанасія, поддерживающаго ее подъ локоть, выпустилъ генераль воздухъ изъ надутыхъ щекъ, отчеканилъ:—ерунда!—и швырнулъ монету въ садъ.

Затѣмъ, сунувъ руки въ карманы, онъ всталъ и зашагалъ по верандѣ. Сонечка притихла; сидя за самоваромъ вглядывалась она въ свое изображеніе на изогнутой мѣди; подняла голову и лобъ ея выросъ, а сверху приставилась вторая голова; опустила голову—щеки тогда раздались шири и лицо сплющилось.

— Кто уродину такую полюбить,—подумала Сонечка и молвила вслухъ:—правда, интересно; я бы то же хотѣла найти кладъ.

— Никакого клада нѣтъ, одна, чортъ знаетъ, глупость,—сказала Алексѣй Алексѣевичъ, остановившись,—а денегъ уйдеть—фить! Я уже знаю; а попробуй я не дать денегъ—она все перевернетъ, какъ Мамай!

Чертыхнувшись нѣсколько разъ, генераль лягнулъ стулъ и ушелъ попытаться разговаривать Степаниду Ивановну, пока еще она не окрѣпла въ своемъ рѣшеніи.

Сонечка долго сидѣла одна, перетирая столовое серебро, потомъ вздохнула, задула одинъ изъ канделябровъ и вышла въ темный садъ.

Въ ея головѣ никакъ не укладывались разговоры и впечатлѣнія сегодняшняго дня, поэтому она и вздохнула, отгоняя недоступныя дѣвичьему ея разумѣнію мысли.

Ни звука не слышалось въ липовой аллеѣ, ни шелеста, только шорохъ шаговъ по песку, а сквозь черное кружево вѣтвей просвѣчивали звѣзды на безлунномъ небѣ, да отъ запруженной рѣки Гнилопята стлался по травѣ еле видный туманъ...

— Вотъ идетъ,—думала Сонечка,—дѣвушка въ темнотѣ; на ней бѣлое платьѣ; въ саду таинственно и тихо; у дѣвушки опущены руки и никого нѣтъ кругомъ; она одинока, гдѣ же ея другъ; онъ не слышитъ!.. Ахъ, какъ сильно пахнетъ резедой. Вотъ скамейка. Дѣвушка въ бѣломъ садится на скамейку и сжимаетъ хрупкіе пальцы.

Сонечка дѣйствительно сѣла, смахнувъ съ лица и шеи прильнувшую паутину...

— Ночной холодокъ,—продолжала Сонечка,—пробѣгаетъ по спинѣ; дѣвушка печальна въ заброшенномъ саду она не слышитъ, что онъ уже близко; онъ въ плащѣ и шляпѣ, надвинутой на глаза; его шаги близко... Въ самомъ дѣлѣ кто-то идетъ!—испуганно прошептала Сонечка и прислушалась: отъ пруда по аллеѣ кто-то шель, ступая на всю ногу.

По мѣрѣ того, какъ приближались шаги, испуганнѣе билось Соничкино сердце, но въ темнотѣ нельзя было разсмотрѣть идущаго.

— Не убѣжать ли?—Она повернулась; подъ ногой хрустнула вѣтка и тотъ, кто шель, спросилъ, остановясь.

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа дозвольте женщинѣ безпріютной ночь провести.

— Пожалуйста,—отвѣчала Сонечка, успокаиваясь,— а вы кто такая?

— А Павлина,—какъ будто изумясь, что ее не знаютъ, отвѣтила женщина... и подошла ближе, вглядываясь.

— Вы на богомолье идете?

Павлина отвѣтила не сразу, протянула усталымъ, равнодушнымъ голосомъ:

— Куда намъ Богу молиться, не сподобилась; бродячая я, брожу все. А вы барышня?

— Барышня...

— Степанидъ Ивановичъ внука?

— Да. Вы пойдите на кухню, васъ покормятъ...

— Пойду, пойду; спаси васъ Господь!

Но Павлина не двигалась; въ просвѣтъ между вѣтвями стала видна ея обмотанная шалью голова и опущенныя плечи.

Сонечкѣ было неловко сидѣть молча, она встала, но Павлина вдругъ подняла руку и кликушечьимъ высокимъ голосомъ заговорила нараспѣвъ:

— Чую дому сему великій достатокъ, и веселье; понаѣдутъ челоѡвки, будутъ вино пить, пѣсни пѣть, плясать, а одна голубка слезы прольетъ, да вспомнется слово мое, аминь...

Сказавъ: аминь! поклонилась Павлина пояснымъ поклономъ и молча пропала въ темнотѣ, стуча по землѣ палкой.

Такъ въ дому Степаниды Ивановны появился новый челоѡкъ, рѣшительно повліявшій на судьбу дальнѣйшихъ событій.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Николай Николаевичъ Смольковъ лежалъ на широкой мягкой постели и долго старался сообразить, что было вчера.

Вчера было очень похоже на позавчера, а позавчера на третьяго дня, но случилось какая-то, помимо обычнаго, непріятность, и Николай Николаевичъ застоналъ, чувствуя ломоту въ головѣ и тошноту, будто во всемя тѣлѣ бродило еще неразумно много выпитое шампанское, а во рту ночевалъ эскадронъ.

Въ комнатѣ отъ спущенныхъ шторъ было темно и только ночникъ, вдѣланный внутрь розовой раковины, слабо освѣщаль край столика, портсигаръ и стаканъ съ водою.

— Буду вспоминать по порядку,—думалъ Николай Николаевичъ,—всталъ я, надѣлъ коричневый костюмъ и этотъ галстукъ съ горошкомъ, поѣхалъ завтракать, нѣтъ,—сначала къ парикмахеру, потомъ завтракать, потомъ въ манежъ, нѣтъ съ визитомъ... какъ же я въ пиджакѣ съ визитомъ поѣхалъ... Ахъ да, къ княгинѣ... Вотъ что...

Въ волненіи онъ приподнялся на локтѣ, но винныя пары опять ударили въ голову, прервавъ послѣдовательность мыслей, и, уткнувшись въ подушку, пролежалъ онъ такъ минутъ двадцать, потомъ позвалъ слабымъ голосомъ (до кнопки трудно было дотянуть руку).

— Тить!

Никто не отвѣтилъ... Николай Николаевичъ, пошаривъ, нашель портсигаръ, спички и закурилъ; табачный дымъ еще пуще затуманилъ мысли, но потомъ все-таки прояснилось, и Николай Николаевичъ, вспомнивъ о княгинѣ, вспомнилъ все: какъ вчера, послѣ годовой разлуки, встрѣтилъ Муньку Варвара, какъ она обрадовалась, а онъ хотѣлъ удрать, но это не удалось; какъ они обѣдали, потомъ катались и въ «Самаркандѣ» ужинали съ цыганами; какъ пришли какіе-то офицеры съ пьянымъ англичаниномъ, кричавшимъ почему-то: «батюшки, матушки»; какъ на столѣ лежали Мунькины толстыя ноги, и такъ далѣе, и такъ далѣе... цыгане, шампанское, Мунькины духи... Даже сейчасъ пальцы сохраняли этотъ запахъ. Но скверное случилось послѣ, когда въ два часа возвращались на автомобилъ: на углу Кирочной поровнялась съ ними карета, изъ окна выглянула сама княгиня Лиза и устроила такую гримасу, что... фу... фу...

Николай Николаевичъ вытеръ мокрый лобъ, привсталъ и крикнулъ:—Тить, осель, иди же!

Вошелъ мрачный мальчикъ-грумъ, по имени Тить, отогнулъ штору, и дневной свѣтъ залилъ небольшую, низкую комнату, кровать изъ корельской березы и желтое, длинное, съ прыщемъ на лбу, лицо Николая Николаевича, въ коротко постриженныхъ черныхъ усахъ...

Николай Николаевичъ зажмурилъ глаза отъ боли, а Тить, захвативъ платье, ушелъ и вернулся, держа въ рукахъ поднось со стаканомъ крѣпкого кофе и яйцомъ въ серебряной рюмкѣ.

— А что, вчера я очень напился?—спросилъ Николай Николаевичъ.

— Обыкновенно,—отвѣчалъ Тить, глядя въ сторону.

— Все-таки, сильнѣе, чѣмъ всегда?

— Пожалуй сильнѣе.

— Знаешь, Тить, сколько вчера я выпилъ?—послѣ ↓

нѣкотораго молчанія спросилъ Николай Николаевичъ и принялся мечтательно перечислять сорта и марки выпитыхъ имъ вчера винъ.

— Вставать надо,—перебилъ Тить,—французикъ сейчасъ придетъ.

— Я сколько разъ запрещалъ тебѣ называть его французикомъ.

— Ладно ужъ...

— Дуракъ!..

Тить помолчалъ,—рубль тридцать копѣекъ всего осталось вашего капиталу,—сказалъ онъ,—больше нѣтъ!—и вздохнулъ.

Николай Николаевичъ поморщился; дѣйствительно денегъ больше не было и трудно было, какъ всегда, доставать... Придется у Лизы просить или у дяди... Бросивъ окурокъ на поднось, Николай Николаевичъ выпилъ кофе, потянулся и одну за другой лѣниво спустилъ на коврикъ худыя свои въ рыжихъ волосахъ ноги.

— Тить, одѣнь,—проворчалъ онъ.

Тить надѣлъ барину гимнастическое трико на все тѣло, затынулъ живогъ ремнемъ и, поправляя кровать, молвилъ:

— Сегодня эта по утру приходила, толстая-то ваша прошлогодняя.

— Ну!—воскликнулъ Николай Николаевичъ, съ испугу садясь опять,—что же ты?

— Не пустилъ, только она грозилась еще прийти, я, говорить, все у него въ квартирѣ перекрошу.

Смольковъ долго молчалъ, потомъ молвилъ уныло:

— Она такъ и сдѣлаетъ... эхъ, Тить!

— Потомъ портной прибѣгалъ, я прогналъ, да еще этотъ вертлявый насчетъ векселя...

Въ прихожей позвонили, и Тить пошелъ отпирать.

Плохо начинался сегодняшний день. Но между всѣми

неприятностями главная была та, что вчера ночью его съ публичной женщиной встрѣтила княгиня Лиза.

Княгиня Лиза — троюродная Николаю Николаевичу тетка, являлась главной опорой въ жизни. Въ министерство иностранныхъ дѣлъ, Николай Николаевичъ не ходилъ, о карьерѣ отзывался, что *les gens du monde font toujours carriѣre*, жалованье получилъ ничтожное, а средства къ жизни добывалъ, переписывая векселя, черезъ ломбардъ, и посредствомъ букиниста, которому продавалъ отцовскую библиотеку диванами по двадцать рублей за штуку, то-есть накладывая на кожаный диванчикъ фоліантовъ сколько туда влѣзетъ. Но главной поддержкой все-таки была княгиня Лиза.

Года два тому назадъ Николай Николаевичъ увлекся ею и зашелъ въ изысканіи своихъ чувствъ такъ далеко, что княгинѣ пришлось заняться спиритизмомъ, чтобы въ потустороннихъ откровеніяхъ найти оправданіе преступной любви.

Тогда завязалась у ней со Степанидой Ивановой, въ то время ярой спириткой, переписка, въ которой княгиня не открыла имени Смолькова, даже земного его происхожденія, но увѣряла только, что смущаетъ ее нѣкто, имя которому Эдипъ...

Имя это Степанидѣ Ивановнѣ показалось страннымъ и она провѣрила его на опытъ два раза. Одинъ разъ вышло дѣйствительно Эдипъ, другой же—Единъ. Степанида Ивановна отвѣтила княгинѣ письмомъ, въ которомъ просила Лизу остерегаться, такъ какъ Единъ или Эдипъ не есть ли это одно изъ именъ Люцифера.

Странно было это имя и для Николая Николаевича, забывшаго давно лицейскій курсъ миеологіи, но во время свиданій онъ сталъ называть себя Дипой, такъ же и подписывался въ любовныхъ запискахъ.

Ревновала княгиня Лиза своего любовника сильно,

не только не позволяла думать ни о комъ кромѣ себя, но когда Николай Николаевичъ рассказывалъ о скачкахъ или другихъ невинныхъ развлеченияхъ, страшно сердилась, прося замолчать. Выходило, что у него—Смолькова, ни тѣла, ни тѣлесныхъ желаній нѣтъ, одна душа, и то ея.

Поэтому, вспоминая вчерашнюю встрѣчу, морщился Николай Николаевичъ, моталъ головой и говорилъ:

— Плохо, очень плохо.

Въ это время вошелъ профессоръ бокса—маленькій французъ *m-r Loustaleau* и, сдѣлавъ привѣтствие рукой, лягнулъ жирной ножкой.

Николай Николаевичъ потянулся, зѣвая, надѣлъ толстыя перчатки и ткнулъ француза въ лицо, на что тотъ сказалъ:—очень хорошо!—и велѣлъ присѣсть три раза. Потомъ Смольковъ колотилъ кожаный шаръ, который, отскакивая, преобильно ударялъ по головѣ; французъ показывалъ, какъ нужно лягать въ животъ, и Николай Николаевичъ лягалъ Лустало, дверь, позвалъ Тита, и лягалъ и Тита, смѣясь дребезжающимъ смѣхомъ.

Наконецъ, взмокнувъ такъ, что щеки порозовѣли, сѣлъ на кровать, отдуваясь, а Титъ растеръ его тѣло мохнатымъ полотенцемъ. Французъ попросивъ денегъ, ушелъ; Титъ подаль умыванье, свѣжее бѣлье, выглаженный костюмъ, галстуки, и Николай Николаевичъ, одѣтый, бодрый и почти веселый, вышелъ на подъѣздъ. Швейцаръ подаль письмо; онъ узналъ почеркъ княгини Лизы и, вздохнувъ, сунулъ письмо въ карманъ.

Мѣсячный извозчикъ на сѣромъ рысакѣ понесъ Николая Николаевича по Галерной мимо Ксеніинскаго института, повернулъ направо вдоль Гвардейскаго Экипажа и налѣво на Морскую, гдѣ, не спрашивая, только обернувъ красивое въ русской бородѣ лицо, остановился около парикмахерской.

Дома Николай Николаевич не причесывался, представляя это дѣлать ловкимъ рукавъ парикмахера—Жана, родомъ изъ Турціи, имѣющаго сто двадцать секретовъ краски для волосъ; Жанъ во время работы рассказывалъ свѣжія новости, тѣ, что прочелъ въ газетѣ, и тѣ, что сообщили утренніе посѣтителы. Парикмахера этого Николай Николаевичъ звалъ—мой журналъ, и давалъ рубль на чай, самъ иногда занимая у него небольшія суммы, какъ думалъ сдѣлать и на этотъ разъ.

— Сегодня князь Тугушевъ заѣзжали, подстригали бакенбарды,—сообщилъ парикмахеръ,—объ васъ спрашивали,—онъ тонко улыбнулся,—вчера князь тоже въ «Самаркандѣ» былъ.

Николай Николаевичъ нахмурился, но, вспомнивъ, что нужно перехватить денегъ, спросилъ безопасно:

— Ну что жъ изъ этого?

— Много князь смѣялись, говорили, что Варваръ опять въ ходъ пойдетъ.

„Тугушевъ не преминетъ доложить обо всемъ Лизѣ: чортъ!—подумалъ Николай Николаевичъ, и завертѣлся на стулѣ.

Парикмахеръ, окончивъ туалетъ, сказалъ—merci; и крикнулъ:—мальшикъ! здоровенному мужику, стоящему у дверей съ метелкой въ рукѣ... Расплатившись и давъ рубль на чай, Николай Николаевичъ уже одѣтый помянулъ парикмахера пальцемъ въ уголь, сказавъ:—понимаете, мой другъ, ужасно глупо, вчера потерялъ ключъ отъ стола. Что?

Парикмахеръ сдѣлалъ серьезное, немного презрительное лицо, быстро сунулъ Николаю Николаевичу двадцать пять рублей, расшаркался и самъ растворилъ дверь.

«Дуракъ,—подумалъ Николай Николаевичъ,—я ему завтра же отдамъ весь долгъ», и, садясь на извозчика, вскрылъ письмо отъ княгини Лизы.

«M-r Smolhoff,—писала княгиня,—я очень прошу Васъ быть у меня сегодня между тремя и четырьмя. Необходимо обсудить очень важное дѣло. Княгиня Е. Тугушева».

«Начинается,—подумалъ Николай Николаевичъ,—такъ и зналъ, ледяное письмо.—Дмитрій на Литейный, къ князю.

Князь и княгиня Тугушевы занимали вдвоемъ двухъ-этажный особнякъ съ такимъ количествомъ комнатъ, залъ и галлерей, что было необходимо приобрести особья привычки, чтобы наполнить собою пустой домъ.

Поэтому у князя было пять кабинетовъ: въ одномъ онъ принималъ, въ другомъ писалъ мемуары, въ третьемъ ничего не дѣлалъ, а два другихъ служили для куренья и на случай, если князь получитъ министерскій портфель, который, къ удивленію Тугушевыхъ, правительство не спѣшило ему дать.

Въ залахъ давались балы, самая большая комната въ два свѣта служила для приема высокыхъ гостей, въ остальные только заходили.

Княгиня же Лиза особенно любила въ глубинѣ дома темный закоулокъ, куда входила всегда испытывая страхъ.

Комната эта соединялась съ остальнымъ домомъ черезъ узкій коридорчикъ и потайную дверь. Говорили, что тамъ, лѣтъ сто назадъ, одинъ гвардейскій офицеръ, проникнувъ черезъ тайникъ, убилъ старуху-владѣтельницу дома и ушелъ никѣмъ незамѣченный. Про старуху эту написали будто бы цѣлую исторію подъ названіемъ «Пиковая Дама», но княгиня брезговала русской литературой и не читала повѣсти. Обита была комната кожей, уставлена старыми диванами, креслами и единственнымъ окномъ изъ цвѣтныхъ стеколъ выходила въ глухую стѣну.

Въ полумракѣ, никѣмъ не слышимая, принимала здѣсь княгиня Лиза своего любовника и занималась спиритизмомъ.

Ливрейный лакей доложилъ Смолькову, что княгиня

въ приемной, и пошелъ впередъ, распахивая двери. Николай Николаевичъ бросилъ въ глаза моноклъ, отличающій его, какъ молодого дипломата, сдѣлалъ скучающее лицо и, втайнѣ довольный, что объясненію помѣшаютъ гости, вошелъ въ залъ, описывая букву S, какъ человѣкъ свѣтскій, воспитанный и желающій нравиться. Въ глубинѣ залы на невысокомъ помостѣ, покрытомъ сукномъ, сидѣли трое. Посрединѣ — фрейлина и кавалерственная дама графиня Арчеева-Ульрихстамъ — родная сестра княгини Лизы Тугушевой, налѣво сидѣлъ князь Тугушевъ, слегка раскрывъ ротъ и опустивъ тощія бакенбарды, направо въ низкомъ креслѣ княгиня Лиза восторженно глядѣла на сестру.

Всѣ трое говорили о политикѣ. Графиня Арчеева-Ульрихстамъ, очень толстая дама, глядя въ лорнетъ произнесла:

— Я вообще рекомендую *служить* царю-батюшкѣ. Тотъ, кто не служить, есть врагъ своего отечества...

— Я тоже такъ думаю,—отвѣтилъ князь, подумавъ,—но развѣ нельзя не служить, а быть полезнымъ... напри- мѣръ, музыкантъ!—и князь раскрылъ ротъ.

— Музыкантъ это шутъ, онъ увеселяетъ общество,— строго отвѣтила графиня.

— Я не могу служить,—опять проговорилъ князь;— у меня есть государственный планъ, онъ таковъ: сначала нужно дать плетку, а потомъ реформу, и мы процвѣтемъ.

Столь торжественные и странные приемы устраивалъ онъ свояченицѣ-графинѣ каждый разъ, когда она забѣжала минутъ на десять къ сестрѣ на большихъ своихъ рысакахъ. Ему нужно было ея вліяніе, чтобы получить портфель или, по крайней мѣрѣ, концессию на ловлю котиковъ въ Тихомъ Океанѣ. На котиковъ онъ и намекалъ, отрицая службу, и жаловался, что русскихъ обкрадываютъ на Дальнемъ Востокѣ. Графиня поняла и указала на входящаго

Николая Николаевича, какъ на племянника Ртищева, въ рукахъ котораго было нужное князю дѣло.

— Котики, котики, графиня,—воскликнулъ Николай Николаевичъ, кланяясь,—я сказалъ бы коты, они стоятъ мнѣ много крови.

Графиня поднялась.

— Ты уходишь!—жалобно воскликнула Лиза,—пріѣзжай, ты знаешь, какъ ты намъ дорога.

И, привставъ, она вся изогнулась, голову склонила на бокъ и, словно въ забытій, лепетала слова, прижимая къ себѣ локоть графини и отталкивая...

Графиня освободилась отъ «припадковъ» сестры и вышла, сопровождаемая княземъ. Княгиня Лиза точно безъ силъ опустилась въ кресло, закрыла рукой глаза и послѣ молчанія простонала:

— Развратникъ...

— Ради Бога, Лиза,—въ тоскѣ пролепеталъ Николай Николаевичъ.

— Развратникъ, который обманываетъ на каждомъ шагу, ничтожный человѣкъ.

Но въ это время вернулся князь, морща узкій свой лобъ...

— У графини государственный умъ,—сказалъ онъ,— это дипломатъ и дѣятель; я всегда былъ въ ней увѣренъ.

— Ахъ,—молвила княгиня,—я ее обожаю...

— Да, m-r Смольковъ,—продолжалъ князь,—я все забываю, какъ называется эта проволочка, послѣ которой я войду въ свои права... Ну вотъ эта съ котиками. Я рѣшилъ энергично приняться за дѣло...

Опустивъ голову, онъ заморгалъ свѣтлыми рѣсницами. Николай Николаевичъ сталъ объяснять дѣло.

— Николай Николаевичъ, я васъ жду,—молвила княгиня и вышла, кривляясь на ходу всѣмъ тѣломъ такъ, что едва не споткнулась о коверъ; выйдя же за дверь, она схватилась рукой за грудь и прошептала:

— Боже мой, дай мнѣ силы перенести еще и этотъ ударь!—поноухала кружевной платочекъ, надушенный густыми духами, вынула письмо Степаниды Ивановны о Смольковѣ и, стараясь не шумѣть платьемъ, поспѣшно прошла черезъ среднюю залу и зимній садъ въ темную комнату, неплотно притворивъ за собою дверь, въ красный коридорчикъ.

Волненіе и гнѣвъ княгини происходили отъ двухъ причинъ: письма Степаниды Ивановны и вчерашней встрѣчи.

Вчера, возвращаясь съ вечера, она встрѣтила Николая Николаевича, обнимавшаго толстую женщину, съ лицомъ каторжанки, ѣхали они на красномъ автомобилѣ. Княгиня разсердилась такъ, что не могла дышать, но потомъ красный цвѣтъ автомобиля навелъ ее на мысль, что не замѣшанъ ли тутъ одинъ изъ злыхъ духовъ, часто путавшій ее во время спиритическихъ сеансовъ: духъ, очевидно, ревновалъ и, принявъ личину того, кого люди называли Смольковымъ, захотѣлъ посорить его съ княгиней. Но сегодняшніе рассказы князя о «Самаркандѣ» и еще письмо Степаниды Ивановны убѣдили ее, что на автомобилѣ ѣхалъ Николай Николаевичъ, что каторжница—его любовница и самъ Смольковъ не Эдипъ, а ничтожный обманщикъ, чловѣкъ какъ всѣ—изъ мяса и костей и притомъ блудливый.

— Пусть женится, —шептала княгиня, десятый разъ перечитывая письмо Степаниды Ивановны, — пусть плодитъ дѣтей, обыкновенный, жалкій чловѣкъ.

Услышавъ поспѣшные шаги Смолькова, она сложила руки на груди, подняла молитвенно глаза и не повернулась, когда онъ вошелъ.

— Помолись о моемъ грѣшкѣ, —прошепталъ Николай Николаевичъ, шаловливо присѣвъ на диванъ.

Лиза отодвинулась.—Прочтите, —сказала она, подавая письмо. Онъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ холоднаго ея тона, прочелъ письмо и засмѣялся:

— Они меня хотятъ женить на этой Рѣпьевой. Если бы они знали, Лиза...

— Вы женитесь, —сказала Лиза.

— Я?.. Но я не собирался...

— Вы соберетесь, мой другъ...

— Лиза, почему ты холодна!..—Николай Николаевичъ надуль губы, сдѣлавъ видъ шаловливаго ребенка:— не шути такъ, мнѣ больно за нашу любовь...

— Нашей любви больше нѣтъ, мой другъ...

Блѣдныя щеки княгини порозовѣли, сѣрые ея глаза подернулись влагой и молодое еще въ сумракѣ комнаты лицо, съ неувимымъ очертаніемъ овала, освѣтилось словно изнутри... Николай Николаевичъ въ испугѣ отодвинулся...

— Грубые люди, —молвила княгиня печально, —что имъ нужно—кусокъ хлѣба и крѣпкій сонъ. Живите, я не изъ вашей породы.

«За что ты меня лишаешь всего», —хотѣлъ сказать Николай Николаевичъ, но вмѣсто этого сдѣлавъ привычную при ихъ свиданіяхъ надутую гримасу и прошепталъ:

— Поцѣлуй Дина...

Княгиня покачала головой:—въ моемъ поцѣлуѣ смертельный ядъ, а вамъ нужно жить... Встаньте!—воскликнула она, такъ какъ Николай Николаевичъ, присѣвъ на коверъ, обнялъ ея ноги...

— Лиза, я пошалилъ, прости..

— Я запрещаю, —шептала княгиня Лиза и, заплакавъ, откинулась назадъ, скользя руками по кожѣ дивана...

Когда, послѣ пятиминутнаго молчанія, Николай Николаевичъ хотѣлъ подняться, Лиза удержала его голову въ своихъ ладоняхъ, нѣжно поцѣловала въ глаза, молвила сквозь слезы:—милый мой мальчикъ, отдаю тебя чужимъ людямъ, такъ надо. Прощай!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Николай Николаевичъ, думая, что Лиза простила ему грѣхи, жестоко ошибся; княгиня не только не простила, но со страннымъ упрямствомъ настояла, чтобы Смольковъ тотчасъ ушелъ и болѣе не возвращался: какъ будто тѣ нѣсколько минутъ слабости окончательно утвердили ея рѣшеніе—разорвать связь. Отстранивъ Николая Николаевича, княгиня подошла къ потайной двери и вздрогнула, увидавъ ее полуоткрытой:

— Вы забыли запереть дверь, мой другъ,—сказала она,—насъ вѣроятно слышали.

И княгиня почти побѣжала впередъ. Около дверей въ оранжерею они увидѣли князя. Онъ сидѣлъ, глядя на полъ и дергалъ себя за бакенбарду...

— Я показывала нашему другу комнату, гдѣ была убита старая графиня,—молвила княгиня Лиза холодно и прошла впередъ. Князь посмотрѣлъ на нее, на Николая Николаевича, но не въ глаза, а пониже, и ничего не сказалъ, только повернулся нѣсколько разъ на стулѣ.

— Я ѣду сейчасъ къ дядѣ,—быстро заговорилъ Николай Николаевичъ,—все узнаю относительно котиковъ и постараюсь устроить вамъ, князь, это дѣло. До свиданья, князь. Княгиня, я ухожу, до свиданья...

Николай Николаевичъ ушелъ и, садясь на извозчика,

ворчалъ:—вышвырнула, какъ котенка, дура мистическая. Эй ты, болванъ, на Итальянскую къ Ртищеву.

Иванъ Семеновичъ Ртищевъ занималъ покойную должность съ приличнымъ окладомъ и былъ не столь высокъ въ чинахъ, сколько внушалъ къ себѣ уваженіе и боязню со стороны даже болѣе высшихъ сановниковъ.

Въ молодости Иванъ Семеновичъ блестяще началъ карьеру при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, служилъ въ Берлинѣ, гдѣ называли его графомъ, потому что онъ первый подавалъ руку и трепалъ собесѣдника по плечу. Въ Парижѣ онъ завелъ блестящій выѣздъ, спаивалъ журналистовъ и однажды въ татарскомъ халатѣ и красныхъ сапогахъ явился на балъ къ герцогу Орлеанскому, за это французы называли его *top rince*; въ Мадридѣ давалъ серенады и дрался на ножахъ, въ Римѣ и Константинополѣ, всюду куда ни пріѣзжалъ, чувствовалъ себя какъ бы въ своемъ помѣстьѣ и не измѣнялъ ни одной изъ привычекъ... Такъ, поутру любилъ онъ, чтобы тѣлу было просторно и не душно, даже халатъ стѣснялъ его, поэтому, если приходили съ визитами, или по дѣламъ, Иванъ Семеновичъ въ нижнемъ, шелковомъ бѣльѣ принималъ посетителя, красиво облокотясь на ручку кресла и запуская холеные свои пальцы въ русыя бакенбарды. Гость, встрѣчая веселое привѣтствіе и добродушный смѣхъ, убѣждался, что все такъ и должно быть.

Дѣла жъ Иванъ Семеновичъ дѣлалъ быстро и превосходно. Все въпослѣдствіи сулило ему постъ министра, но на радость врагамъ Ртищевъ какъ будто подвѣлялъ, сталь туго подвигаться въ гору, чему была причина—его необузданная страсть къ азартной игрѣ. Каждую полночь въ Парижѣ, Петербургѣ или Лондонѣ, гдѣ приходилось въ то время ему быть, лакеи игорнаго дома бросались къ дверямъ, и высокая, дородная фигура Ртищева проходила въ залъ, кивая головой небрежно направо и налево.

Тотчасъ у золотого стола очищалось мѣсто. Иванъ Семеновичъ садился на услужливо пододвинутый къ-то стулъ, клалъ на столъ маленькія холенія руки и быстро двумя пальцами разрывалъ съ сухимъ трескомъ обложку картъ...

Трескъ разорванной колоды заставлялъ смолкнуть всѣхъ, крупныя игроки дѣлались серьезны, мелкіе проталкивались къ столу, глядя черезъ плечи другъ друга. Иванъ Семеновичъ закладывалъ въ банкъ помногу тысячъ.

Выигрывая, онъ всегда раздавалъ тысячю на чай и арапамъ, проигрывая же, спокойно откидывался на спинку стула, говорилъ:—tiens! и шель въ буфетъ пить шампанское.

Откуда бралъ онъ столько денегъ—никто не зналъ. Но каждое утро съ черной лѣстницы лакей впускалъ какихъ-то людей и бѣгалъ за вексельной бумагой, по пути заворачивая въ мелочную лавку—попросить отсрочить платежъ по книжкѣ.

Кромѣ картъ увлекался еще Иванъ Семеновичъ лошадьми, слоновой костью, картинами и старинной бронзой; но всѣ эти превосходныя вещи время отъ времени продавались за долги, кромѣ чучела любимца медвѣдя, который подохъ, потому что его однажды долго не кормили.

Страсти Ивана Семеновича были извѣстны при дворѣ, ихъ опасались и Ртищеву туго шло повышеніе. Но лѣтъ пять тому назадъ онъ объявилъ, что усталъ, переѣхалъ въ Петербургъ навсегда и, получивъ наконецъ почетное мѣсто, сталъ писать всеобщую исторію въ ста томахъ, проникая въ дѣянія великихъ людей однимъ чувствомъ, такъ какъ до него бывшимъ историкамъ никому не довѣрять.

Находя, что когда руки заняты, думать невозможно, держалъ Иванъ Семеновичъ секретаря и диктовалъ ему отъ двѣнадцати до четырехъ часовъ ежедневно, иногда,

при описаніи битвъ такъ увлекаясь, что секретарю становилось жутко сидѣть.

Сегодняшній день былъ посвященъ Людовику XIV. Иванъ Семеновичъ, исполненный гордости къ королю, стоялъ посреди комнаты, дѣлая величественныя жесты...

— Король больше всего любилъ лошадей и женщинъ,—продиктовалъ онъ,—тѣ и другія ночевали въ его спальнѣ. Пишите.

Въ это время вошелъ Смольковъ. Иванъ Семеновичъ указалъ ему мѣсто около камина, куда Николай Николаевичъ всталъ, глядя на концы своихъ башмаковъ, а дядюшка продолжалъ диктовать...

— Зачѣмъ пожаловалъ,—обратился онъ къ Смолькову, когда у секретаря вышла путаница въ королевскихъ любовницахъ.

— Я по дѣлу о котикахъ, дядя. Для князя Тугушева.

— Это бревно хочеть взять дѣло на себя? Но сначала нужно выиграть въ англійскомъ судѣ процессъ. Онъ знаетъ...

— Я ужъ не знаю. Онъ хочеть купить право на ловлю...

— Ты сколько возьмешь?

Николай Николаевичъ вздохнулъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что я не возьмю. Послушай, дорогой дядя, я собственно за этимъ пріѣхалъ къ тебѣ. У меня были расходы за послѣднее время у парикмахера, онъ такой нахаль.

— Что? Ты уже у парикмахера берешь,—Иванъ Семеновичъ раздвинулъ ноги въ голубыхъ кальсонахъ и опустилъ руки въ бока,—ты можеть быть у моего лакея занять? Ты надѣешься, что я стану отдавать локусамъ твои долги. А ты читалъ когда-нибудь исторію Людовика XIV?

Иванъ Семеновичъ, сдѣлавъ шагъ, ударилъ ладонью по кипѣ бумагъ и, выпрямивъ косматую грудь, закинулъ львиную свою, сѣдую голову.

мальчишка за даромъ не глядѣлъ на ея прелести, и принялась за ѣду, громко крикая послѣ водки.

Николай Николаевичъ глядѣлъ на Муньку и къ неависти его примѣшивалось странное уваженіе передъ силой дѣвушки и здоровьемъ... «Жуетъ она вкусно и твердо, такъ что даже щекотно въ скулахъ, а пища навѣрно отлично переварится въ желудкѣ; ляжетъ Мунька въ постель и тотчасъ заснетъ, жаркая, какъ печь, и будетъ видѣть глупые сны, а на утро ихъ расскажемъ... Но все-таки она свинья», подумалъ онъ. Въ это время позвонили въ прихожей... Тить, убѣжавшій отворять, вернулся, испуганно шепча:—Князь Тугушевъ!—и подалъ карточку, Мунька весело подмигнула, а Николай Николаевичъ кинулся къ ней, шипя:—уйди же уйди,—затѣмъ метнулся въ прихожую. Мунька же проворчала:—вотъ еще—уйди, у князя глаза не лопнуть те меня поглядѣть, чай не чужіе, слава Богу...

Въ прихожей, снимая перчатки, стоялъ князь и руки Николаю Николаевичу не подалъ, а, глядя на вѣшалку, сказалъ по-русски:—мило, очень мило...—То же самое онъ пробормоталъ, войдя въ столовую... Николай Николаевичъ пододвинулъ стулъ, князь сѣлъ и слегка раскрылъ ротъ...

—Здравствуйте,—обиженно сказала Мунька,—не узнали?

—Ахъ это вы, крошка, я узналъ, очень мило.—Князь вынулъ серебряный портсигаръ, осторожно, словно драгоценность, взялъ худыми своими пальцами папироску, но, спохватившись, положилъ обратно... Затѣмъ пробормоталъ что-то невнятное:

—Что?—спросилъ Смольковъ предупредительно, но князь, не глядя на него, показалъ портсигаромъ на Муньку.

—Вотъ ее, у насъ дѣловой разговоръ...

Николай Николаевичъ сдѣлалъ испуганно-сердитые глаза, Мунька пожала плечами и нехотя ушла въ спальню...

—Я принужденъ,—сказалъ князь, одутловатыя щеки его подпрыгнули, онъ закрылъ глаза,—однимъ словомъ я все видѣлъ и слышалъ сегодня, я принужденъ бить васъ по лицу.

При этомъ онъ слегка поклонился. Николай Николаевичъ быстро всталъ, застегивая пуговицы и глядѣлъ на перстень поднятой руки князя.

—Но это не все; я принужденъ, но этого не сдѣлаю; я не хочу скандала и прочее; вы должны уѣхать и какъ можно скорѣе сдѣлать что-нибудь, жениться, напримѣръ, этимъ вы спасете честь... честь... — князь заикнулся и всталъ, все еще не открывая глазъ:—я вамъ напишу рекомендательное письмо...

Смольковъ поклонился. Князь открылъ глаза и усмѣхнулся...

—Съ этими котиками вы тоже мнѣ устройте, услуга за услугу...

Николай Николаевичъ сдѣлалъ жестъ, изображающій нетерпѣніе и бѣшенство:

—Имѣю честь.—Тить, проводи князя...

Князь бокомъ вышелъ изъ комнаты, держа въ рукѣ цилиндръ и трость. Николай Николаевичъ оторвалъ пуговицу и сказалъ:

—Когда же все это кончится. Сговорились они, что-ли. Женись! Превосходно. На зло имъ всѣмъ женись.

Онъ присѣлъ къ столу и, сжимая виски, думалъ о себѣ, о княгинѣ Лизѣ, о князѣ...

—Охъ да, Мунька,—вспомнилъ онъ и пошелъ въ палатку. Мунька лежала въ одной смятой рубашкѣ на кровати и, зѣвая до слезъ, разсматривала картинки во

французскомъ романѣ. Николай Николаевичъ подошелъ, взявъ книгу и швырнулъ ее подъ кровать...

— Ты что?—спросила Мунька,—князь ушелъ?

— Пошла отсюда вонь,—прикрикнулъ Николай Николаевичъ,—хватить съ меня. Я женюсь...

— Вотъ дуракъ,—равнодушно отвѣтила она и повернулась къ Смолькову спиной.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

По травянымъ межамъ къ господскому гумну тянутся, скрипя и колыхаясь, полныя сноповъ телѣги; одна часть ихъ поворачиваетъ налѣво; лошади останавливаются, звеня уздечками, а снопы сбрасываютъ внизъ, образуя высокій, золотой ометъ.

Другая часть телѣгъ подъѣзжаетъ къ убитому гладко току, на концѣ котораго гудить и пылить, бросая соломою, паровая молотилка. Стоящія на ея помостѣ бабы подхватываютъ снопы, разрѣзаютъ свясла серпами и подаютъ задатчику, у котораго борода и волосы полны цвѣточной пыли, а руки въ голицахъ ходятъ быстро вправо и влево, вдвигая въ хрустящую пасть машины разбитый полотномъ хлѣбъ.

Барабанъ, пожирая колосья, глухо и ровно гудить; заторопится вдругъ, когда задатчикъ, остановившись, отираетъ рукавомъ потъ и грязь съ лица своего; ухааетъ отъ поданнаго вновь и, пережевавъ, переколотивъ, бросаетъ въ нутро молотилки солому, зерно и пыль.

Соломотрясъ дребезжитъ въ это время и, подпрыгивая, выкидываетъ солому на убитый токъ, откуда дѣвки гонятъ ее граблями въ кучу, а кучу подхватываетъ конный возильщикъ доской, привязанной тяжами къ хомуту и рысью ѣдетъ къ новому омету; мелкая мякина отдувается крыльями внизъ; желѣзный грохотъ просѣи-

васть зерно через сита въ мѣшки. Неподалеку, соединенный вѣчно бѣгущимъ ремнемъ, попыхиваетъ длинной трубою зеленый локомобиль; на колесахъ его и на мѣди блеститъ августовское солнце... Свѣтитъ оно и на жеребятъ, со ржаніемъ бѣгающихъ около возовъ, на пестрыхъ рубахи и платки бабъ, на запачканныя въ дегтю шаровары веселыхъ парней и въ зеленые, обрадованные глаза Сонечки, пріѣхавшей съ Алексѣемъ Алексѣвичемъ на работы.

Все—и запахъ дегтя. и хлѣбной пыли, и заглушенные шумомъ голоса, окрики и пѣсни были знакомы Сонечкѣ давно. Къ хвосту молотилки, откуда дѣвки отгребали солому, подѣхалъ конный возильщикъ — высокій парень—остановилъ лошадей и принялся, вынувъ кисеть, свертывать папироску; генераль погрозилъ ему пальцемъ, крикнувъ:—я тебя, пожаръ надѣлаешь!—Парень спряталъ кисеть и улынулся; лицо у него было загорѣлое, чернобровое, ласковое; Сонечка подошла къ нему и взяла возжи:—дай-ка, я поѣду,—сказала она. Парень опять усмѣхнулся: «не справитесь, барышня», и хлестнулъ лошадей, зацѣпивъ доской большую кучу свѣжей соломы. Сонечка встала на доску и рукой взялась парню за кушакъ. Солома нажала ей колѣни, и, упираясь, лошадь повлекла и солому, и парня, и Сонечку... Дѣвки смѣялись; генераль кричалъ: смотри, не упади. Когда доѣхали до омета, парень сказалъ:—берегитесь, барышня, тутъ валко! и вѣхалъ на вороха; Сонечка, не успѣвъ соскочить съ доски, упала въ солому, нечаянно увлекая за собой и парня, но онъ, хрустнувъ мускулами, поднялся, какъ стальной, спросилъ:—что, барышня, не ушиблись? и, посмѣиваясь, ушелъ за лошадей, широко разставляя ноги, въ синихъ штанахъ.

Сонечка же осталась лежать, пока второй разъ не пріѣхалъ парень и закивалъ ей головой, какъ бы говоря:

какъ мы давеча-то опрокинулись! но ничего не прибавилъ, все такъ же разставляя крѣпкія свои ноги, и она увидѣла, что онъ былъ необычайно красивъ чисто русской, ласковой, о себѣ не знающей, красотой...

И понемногу она стала чувствовать, что все это уже видѣла—и вороха свѣтло-желтой соломы, и бархатную травку около омета, и парня, и рыжую лошадь, въ хомутѣ; все это было родное, ея собственное, какъ будто сонъ.

Она медленно вздохнула и только было хотѣла сомкнуть глаза, какъ засвистѣлъ локомобиль, призывая рабочихъ къ обѣду. Гулъ молотилки замолкъ и явственнѣе стали человѣческіе голоса. Народъ, подбирая съ земли одежду, шель къ стану, гдѣ курился дымокъ подъ чугуннымъ котломъ на треногѣ.

Поднялась и Сонечка, оправила волосы и пошла навстрѣчу Алексѣю Алексѣвичу, онъ взялъ ее подъ руку и сказалъ:

— Да ты, кажется, спала, дѣвочка, хороша работница...

— Мы въ станъ пойдемъ обѣдать?—спросила она, — а бы поѣла полевой каши.

— О, полевая каша,—воскликнулъ генераль, щелкнувъ языкомъ,—это штука, я всегда вспоминаю турецкій юходъ, когда ѣмъ кашу...

Около бочки съ водой и телѣги, полной печенаго хлѣба, бѣдали, сѣвъ на землѣ въ два отдѣльные круга, бабы и лужики. Мужчины сидѣли на корточкахъ или подсунувъ подъ себя одежду; подавали имъ въ деревянной чашѣ жижу, слитую съ каши и одобренную коноплянымъ масломъ. Каждый, откусивъ отъ ломтя, хлебаль и ложку мала на брезентъ, жуя медленно. Потомъ подали кашу, смѣшанную съ бараньимъ саломъ, старшей рабочей стукнулъ ложкой по котлу и только тогда всѣ начали брать. Бабы сидѣли прямо на землѣ, вытянувъ каждая за спину

сосѣдки лѣвую ногу и подогнувъ подъ себя правую. Каши бабы не кушали, а принесли съ собой кто луковку, кто кислаго молока въ горшкѣ, кто блиновъ. Порядка за столомъ у нихъ не было, всѣ тараторили, пересмѣиваясь между собой, инья глядѣлись въ круглыя зеркальца, обитыя жостью, поправляя на лицѣ, чтобы не загорѣть, густой слой бѣлилль, составленныхъ изъ мѣла, сала и сулемы. Мужики съ бабами обѣдать брезговали.

— Ыште, ѣште,—сказаль генераль, подходя съ Сонечкой къ телѣгамъ; беспалый кашеваръ принесъ въ новой чашкѣ каши, двѣ ложки и ломоть хлѣба, густо посоленный. Сонечка влѣзла на телѣгу и стала искать глазами давешняго парня.

Сидѣль онъ къ ней бокомъ, держа въ рукѣ ложку и опустивъ глаза.

— Красивый,—думала Сонечка,—счастлива будетъ дѣвушка, которая выйдетъ за него замужъ... Онъ навѣрно какую-нибудь изъ этихъ любить... Вонъ ту, что отвернулась, или эту съ зеркальцемъ; нѣтъ, она груба... Между нихъ нѣтъ ни одной хорошенькой...

Оглядѣвъ всѣхъ дѣвушекъ, Сонечка опять встрѣтила съ глазами съ парнемъ, чуть усмѣхнулась, онъ улыбнулся широко и закивалъ головой. По глазамъ было видно, что любитъ... Но тотчасъ она, уличивъ себя на недостойной мысли, рассердилась, гнѣвно сдвинула брови и стала ѣсть кашу.

— А вонъ и бабушка ѣдетъ за нами,—воскликнулъ генераль,—у меня, знаешь, отъ каши изжога началась...

Сонечка взглянула на дорогу; быстро, оставляя за собой пыльное облако, приближалась коляска, съ покачивающимся надъ ней краснымъ зонтикомъ Степаниды Ивановны. Сонечка быстро сказала:

— Она не одна, съ ней какой-то господинъ, въ бѣломъ.

Генераль, защитивъ глаза ладонью, сталъ всматриваться.

Послѣ примиренія съ женой, написавъ письмо княгинѣ Лизѣ, онъ не представлялъ себѣ хорошо прїѣзда Смолькова и всего, что должно за этимъ послѣдовать. Казалось—невѣроятно, чтобы взрослый человѣкъ за тысячу верстъ прискакаль жениться изъ-за каприза старой женщины.

Но теперь, разглядывая длинное и блѣдное лицо Николая Николаевича съ выдавшейся впередъ нижней губой, почувствовать генераль все, что скажетъ этотъ женихъ, всѣ фальшивыя, трескучія, петербургскія слова, нужная одной только Степанидѣ Ивановнѣ, и удивлялся, какъ это такъ вышло, и смутился, не отвѣчая Сонечкѣ на вопросъ:—кто же ѣдетъ...

«Какъ можно,—думаль онъ,—допустить, чтобы она вышла за этого фата; онъ чортъ знаетъ что надѣлаетъ, нѣтъ погоды, Степочка, отбрею я твоего жениха»; и генераль, расхрабрыясь, подбоченился, и сказалъ:

— По моему съ ней Смольковъ...

— Смольковъ,—повторила Сонечка и вдругъ густо покраснѣла.

Коляска остановилась, Николай Николаевичъ, одѣтый весь въ бѣлую фланель, ловко выпрыгнулъ, высаживая генеральшу.

Степанида Ивановна, улыбаясь и трясая головой, что къ ужасу ея начало дѣлаться при встрѣчѣ съ молодыми людьми, подняла зонтикъ, ступила на землю и распустила по соломѣ шлейфъ. Генераль, подбоченясь, стоялъ около бочки, ожидая кривляній со стороны генеральши, но она, подойдя со Смольковымъ, просто представила его; Николай Николаевичъ выставилъ передъ собой руку лопаткой, кланяясь, какъ опереточный пейзанъ; генераль даже понятился, но генеральша такъ посмотрѣла на мужа, что пришлось любезно отвѣтить на поклонъ.

«Погоди, доберусь я до тебя», подумаль Алексѣй Алексѣвичъ. Сонечку кинуло въ жаръ, потомъ похолодѣли руки, и она присѣла какъ дѣвчонка—«макнула свѣчку», не поднимая глазъ. Не подняла она ихъ, когда Смольковъ, задержавъ ея руку въ своей, сказалъ бархатнымъ голосомъ:

— Какъ миль на васъ крестьянскій костюмъ, вы должно быть работали, я помѣшалъ; я тоже хочу надѣть національный костюмъ и буду граблить сѣно.

«Какой у меня крестьянскій костюмъ, — удивясь, подумала она, — что онъ говорить! Граблить сѣно! — какое же это сѣно — рожь; что значить «граблить» — сгребать».

Негодую, она чуть подняла глаза и увидала сначала пиджакъ Николая Николаевича, изъ такой же матеріи, какъ ея парадная юбка — фланель въ полоску, потомъ красный галстухъ съ цвѣточками и булавкой, потомъ высокій, такъ что нельзя двигать шей, воротникъ и гладко выбритый подбородокъ; выше Сонечка не рѣшилась глядѣть и потупилась.

— Очаровательно, — продолжалъ Смольковъ, — работающіе крестьяне; я никогда не видалъ...

— Да! знаете ли, работаютъ, — проговорилъ вдругъ генераль басомъ и поглядѣлъ искоса на Смолькова, но Степанида Ивановна поспѣшно перебила:

— Господа, ѣдемъ; у насъ сегодня ботвинья. Но, вѣдь вы, m-r Смольковъ, ахъ, я все забываю — столичный житель; а мы настоящій черноземъ; вы должны привыкнуть къ деревенской простотѣ; у насъ только ѣдятъ и спятъ — такъ проходятъ дни.

— Что это съ ней, — подумаль генераль, подходя къ экипажу, — что-то новое; однако этотъ фертикъ больно ужъ смѣль.

Смольковъ и Сонечка сѣли на переднюю скамью, генераль съ генеральшей помѣстились на сидѣнны; лошади заржали, кучеръ ударилъ ихъ возжами и коляска пока-

тила по мягкой дорогѣ. На поворотѣ, около омета, Сонечка, сразу поднявъ глаза, увидала давешняго парня, онъ стоялъ съ вилами въ рукахъ и серьезно глядѣлъ на удаляющійся экипажъ... Она быстро отвернулась и стала разсматривать загорѣлыя свои руки.

«Ручищи, — думала она, — исцарапаны всѣ, ну и пусть!»

Николай Николаевичъ, обращаясь ко всѣмъ троицъ, рассказываль, что представлялъ сельское хозяйство сохой, за которой идетъ мужикъ, а помѣщикъ стоитъ подлѣ на горкѣ и молить Бога послать дождь.

— Да, — молвилъ генераль, — вродѣ этого, — и, подмигнувъ, тронулъ колъномъ Сонечкину ногу...

Послѣ хозяйственнаго разговора Смольковъ перескочилъ на восхищеніе природой и продекламировалъ небольшое французское стихотвореніе, потомъ спросилъ, знаетъ ли генеральша семью Собакиныхъ, и рассказалъ множество новостей.

Алексѣю Алексѣвичу очень захотѣлось спросить про генерала Собакина, но онъ былъ сердитъ и не хотѣлъ раскрывать рта. Смольковъ же какъ нарочно говорилъ только о знакомыхъ Собакина и перешелъ было къ анекдотамъ, тогда генераль, надвинувъ фуражку съ огромнымъ козырькомъ на глаза, воскликнулъ:

— Сотоварищъ мой, генераль Собакинъ, умеръ, жаль!

— Что вы, и не думаль, — обрадовался Смольковъ, и рассказалъ и о Собакинѣ, и о Токлинскомъ-Лапа, и о Кишкинѣ,

— Вамъ не интересны петербургскія сплетни; вы за пазухой у Бога живете, какъ говоритъ русскій народъ, — прибавилъ онъ подъ конецъ.

Подѣхали къ дому, всѣ взошли на крыльцо; Николай Николаевичъ снялъ шляпу и, сдѣлавъ постное лицо, сказалъ:

— Со свиданищемъ, генераль!—и полѣзъ троекратно цѣловаться, чему Алексѣй Алексѣевичъ былъ несказанно удивленъ, но, дернутый генеральшей за рукавъ, покорился.

Сегодняшній прїѣздъ Смолькова засталъ Степаниду Ивановну врасплохъ.

Аванасій встрѣтилъ Николая Николаевича въ одной рубашкѣ—распояской, въ снѣгахъ мыли полы, а сама генеральша, думая, что прїѣхали изъ монастыря, вышла на крыльцо въ утреннемъ неглиже.

Словомъ, ни въ чемъ не удалось выдержать торжественной свѣтскости—тона, который Степанида Ивановна хотѣла сразу же задать Смолькову и, зная, что исправить всѣ совершенныя ошибки было бы смѣшно, поспѣшила представиться опростившейся помѣщицей, сохранившей все-таки связи со свѣтомъ. Она прослезилась, когда Николай Николаевичъ, войдя въ домъ, сталъ истово креститься въ пустой уголь, поклонился въ поясъ и сказалъ:

— Я русскій человѣкъ и люблю все русское.

Поэтому она и повезла сейчасъ же Смолькова на гумно и всю дорогу говорила о хозяйствѣ. Николай же Николаевичъ, ожидая найти двѣ старыя песочницы, нащупывалъ теперь подходящій тонъ, потому что оказалось—въ деревнѣ не кланяются другъ другу въ ноги, не носятъ на себѣ образовъ и не мажутъ голову деревяннымъ масломъ.

Обѣдъ еще не былъ готовъ, и генеральша, поведя всѣхъ въ гостиную, начала легкой разговоръ... Николай Николаевичъ тотчасъ положилъ на колѣно ногу, обхватилъ ее руками и сдѣлалъ множество остроумныхъ замѣчаній, но видя, что генераль все еще хмурится, сказалъ со вздохомъ:

— Вы меня простите за легкомысленную болтовню, генераль, я болтаю, какъ ягненокъ на свободѣ.

— Гмъ,—сказала Алексѣй Алексѣевичъ, — пожалуй, болтайте...

Николай Николаевичъ приподнялъ брови. Но въ это время Аванасій, надѣвший нитяныя перчатки и сѣрую куртку, доложилъ: «кушать подано».

Степанида Ивановна, поспѣшно вставъ, взяла Смолькова подъ руку и повела въ столовую. Столъ былъ накрытъ старымъ серебромъ и цвѣтами; генеральша извинилась за простоту, а Смольковъ, прежде чѣмъ сѣсть, перекрестился и молвилъ:

— Люблю русскій обычай.

Сонечка взглянула на генерала, Алексѣй Алексѣевичъ толкнулъ ее колѣномъ и вдругъ, откинувшись на спинку стула, захохоталъ, такъ что подпрыгнулъ столъ.

— Что, что?—спросила Степанида Ивановна, блѣднѣя и поспѣшно обратилась къ Смолькову:

— У насъ простые обычаи, мы смѣемся и плачемъ, когда хотимъ...

— О это такъ важно,—молвилъ Николай Николаевичъ, настороживаясь. Очень не понравился ему генеральскій смѣхъ.

Онъ заговорилъ что-то о вліяніи нѣмцевъ на политику.

Сонечка еле притрогивалась къ фѣдѣ, со вниманіемъ слѣдя за всѣми перемѣнами Смолькова. То смѣшнымъ онъ ей представился, то слишкомъ сложнымъ. И все время она теряла ту легкую нить, по которой сущность одного человѣка переходитъ въ сердце другого. Генеральша дѣлала сердитые глаза, приказывая разговаривать, Сонечка хотѣла быть послушной, но не могла преодолѣть застѣнчивости. Николай Николаевичъ рѣшилъ пока не запугивать «захолустнаго птенца» и довольствовался краткими ея отвѣтами. Отъ хорошаго вина и фѣды онъ повеселѣлъ и насмѣшилъ даже генерала; Степанида же Ивановна была въ восторгѣ.

«Свѣтскій, элегантнѣйшій мужчина, — думала она, — но Алексѣя нужно усмирить...»

Послѣ обѣда Смольковъ поцѣловалъ ручку генеральши и вдругъ, разсѣяннѣе подойдя съ портсигаромъ въ рукахъ къ Алексѣю Алексѣвичу, воскликнулъ:

— Теперь послѣ ѣды и на боковую, генераль?

— Да, ужъ вы меня извините, — разсердясь крикнулъ Алексѣй Алексѣвич и, бросивъ салфетку, ушелъ...

— Ахъ, у него желудокъ — заторопилась генеральша и, быстро выйдя изъ столовой, нагнала въ коридоръ генерала, который лѣниво брелъ, ведя пальцемъ по обоямъ,

— Ты кажется намѣренъ извести меня своими замѣчаніями! — зашептала генеральша и топнула ногой.

— Степочка, онъ дуракъ, — сказала генераль, — неужели ты не замѣтила...

— Да, да, онъ женихъ Софьи и прошу тебя въ мои дѣла не вмѣшиваться, понялъ...

— Понялъ, отвѣтилъ генераль и разсердился: — дѣлайте, что хотите, только, пожалуйста, чтобы онъ не лѣзъ ко мнѣ со своей рожой цѣловаться и все тамъ прочее...

Генеральша вернулась въ столовую и, взявъ Николая Николаевича подъ руку, повела къ себѣ.

А Сонечка осталась стоять у окна, глядя передъ собой пустыми глазами:

— Боже мой, что-то будетъ, — шептала она.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

— Вотъ мое скромное убѣжище, — молвила Степанида Ивановна, введя Смолькова въ спальню — здѣсь я вспоминаю друзей, гляжу на ихъ портреты и думаю...

Она полулегла на канапе, прикрывъ платьемъ ноги, Николай Николаевичъ оглянулъ комнату.

На стѣнахъ висѣло множество портретовъ и миниатюръ, среди которыхъ Смольковъ многихъ узналъ; на шифоньеркахъ и бюро стояли всевозможныя шкатулочки и бездѣлушки, трогательныя своими воспоминаніями; столы, кресла и диваны были старыя, съ потемнѣвшей бронзой, хранящія за своей обивкой засунутое когда-то кѣмъ-то письмо или платокъ.

— Все это напоминаетъ кабинетъ моей покойной матушки, — сказалъ Николай Николаевичъ, цѣлуя руку генеральши...

— Рассказывайте, рассказывайте, — томно прошептала Степанида Ивановна, закрывая глаза, — что вамъ передала Лиза? и какъ вы надумали сюда пріѣхать?..

— Я не посмѣлъ послушаться вашихъ приказаній.

— Значить, вы читали письмо?

— Да.

Генеральша помолчала.

— Это мой другъ и собесѣдникъ, — вдругъ сказала она, показывая на попугая, — попочка, скажи «здравствуйте,

милый другъ!» онъ спитъ, бѣдный... Я очень рада, Николай Николаевичъ, что здѣсь вамъ нравится, я боялась—вы будете скучать—какъ вы нашли Sophie?..

— Она очаровательна...

— Правда? Она милое дитя и совѣмъ наивна. Ея отецъ Петръ Леонтьевичъ прекрасный воспитатель и, хотя не богатъ, но въ приданое даетъ имѣнье по банковской описи въ тридцать тысячъ.

При этихъ словахъ Степанида Ивановна искоса поглядѣла на Смолькова, онъ же, замѣтивъ ея взглядъ, сдѣлалъ слегка оскорбленное лицо, но генеральша продолжала:

— Я люблю ясность, мой другъ, любовь въ шалашѣ—это для грековъ, но мы привыкли пользоваться комфортомъ... Что?

Смольковъ сдѣлалъ жестъ, говорящій: увы, мы не греки; генеральша приподнялась немного и, положивъ ладонь на руку Николая Николаевича, посмотрѣла проницательно.

— Мы старые друзья, не правда ли. Будьте со мной откровенны...

— Степанида Ивановна,—воскликнулъ Смольковъ глухимъ голосомъ,—я прѣхалъ просить руки Софьи Петровны, но я не увѣренъ...

Генеральша облегченно вздохнула и, обнявъ голову Николая Николаевича, молвила:

— Я такъ за нее боюсь, она молода, но я люблю васъ, милый другъ, и вѣрю, ахъ, ахъ,—она подняла къ глазамъ платочекъ,—любите ее, она ангель; вы не повѣрите, какъ женщина чувствительна къ ласкѣ, семья—вотъ ея жизнь, а Соня...

Генеральша уже нюхала соль, а Николай Николаевичъ, тоже растроганный, объяснилъ, какъ жаждетъ онъ домашняго очага...

Въ это время Люба принесла кофе и нагнувшись прошептала что-то Степанидѣ Ивановнѣ; генеральша улыбнулась:

— Я хочу, Николай Николаевичъ, показать вамъ одну очень замѣчательную женщину... Люба, велите ей войти... О томъ, что мы говорили, пока ни слова, постарайтесь увлечь дѣвушку, а ваше сердце я увѣрена, точно такъ будетъ въ плѣну. Теперь объ этой женщинѣ... Ее послать ко мнѣ Богъ, внезапно, когда я сомнѣвалась во всемъ... Она появилась ночью, вошла ко мнѣ, поклонилась въ ноги и сказала:—мать, купи «Свиные овражки»... (Я васъ посвящу въ мое дѣло)... И представьте на слѣдующій день прѣзжаетъ игуменья и предлагаетъ за овражки десять тысячъ; конечно я немедленно совершила купчую...—Въ это время дверь поскребила ногтемъ.—Вотъ и она. Здравствуй, Павлина, какъ ты спала?

Николай Николаевичъ былъ крайне изумленъ, глядя, какъ въ дверь просунулась сначала голова, обмотанная шалью, потомъ и вся баба въ черной, порванной ярскѣ, перепоясанной фартукомъ, лицо же ея было темно-коричнево отъ загара, рябое, со вздернутымъ носомъ и толстыми губами, которыя все время прихлопывались, словно просили киселя. Павлина прокралась вдоль стѣны къ Степанидѣ Ивановнѣ, поцѣловала у нея ножку и сѣла на коверъ, говоря сладко:

— Спала я, кормилица моя, какъ въ раю ангелы спятъ: на одно крыло лягутъ, другимъ покроются, а головку ангельскую въ перышки спрячутъ, такъ и я спала.

Послѣ этихъ словъ Павлина уставилась совершенно круглыми глазами на Николая Николаевича.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ и поглядѣлъ на генеральшу, которая, касаясь плеча бабы, спросила:

— Знаешь, кто это прѣхалъ?

— Женихъ,—сказала Павлина быстро,—хватило бы на семерыхъ, а одной достался. Великій мужъ...

— Откуда вы меня знаете,—спросилъ Смольковъ.

— А я всѣхъ знаю.

— Она феномень,—сказала генеральша.

— Женись, женись,—продолжала Павлина,—сонъ я про тебя видѣла. Охъ, лютой сонъ, охъ, мать моя—мужъ мнѣ предсталъ, акурать на него схожій, и какъ гаркнеть. Тутъ я и проснулась.

— G'est splendide,—воскликнулъ Смольковъ...

Обрадованная генеральша сдѣлала значительные глаза:

— Она умна и провидитъ многое, я рада, что вы ей понравились. А теперь пойдите въ садъ и найдите Сонечку...

Смольковъ горячо поблагодарилъ Степаниду Ивановну и ушелъ, расшаркиваясь, генеральша погрозила ему пальцемъ:

— У васъ крылья на ногахъ, шалунъ.

Потомъ она вздохнула, и спросила Павлину:

— Каковъ, Павлинушка?

— Жеребецъ, мать моя, ты не смотри, что тощъ, въ здакихъ-то жилъ много...

— Что ты тамъ выдумала. Ахъ, женился бы только; люблю я, когда дѣвушки замужъ выходить.

— Всякій человѣкъ это любить; а ты послушай.—Павлина потянула генеральшу за рукавъ,—жениха осмотрѣть надо, можетъ быть порченый какой или кривобокій: я тебя научу; вечеромъ какъ спать ему ложиться, наловлю въ коробку блохъ и въ постельку ему запущу; какъ онъ, рубашку сорветъ и пойдетъ шарить, ты тутъ и смотри его.

Павлина развела руками, сидя на полу, а Степанида Ивановна, поглядѣвъ на бабу и закрывъ лицо, долго и много смѣялась.

Въ это время Сонечка шла любимой своей липовой аллеей, добѣгающей до стараго пруда Гнилопята, и по-

вторяла въ умѣ всѣ слова, сказанныя Смольковымъ, этотъ человѣкъ страшилъ ее и привлекалъ тѣмъ главное, что былъ совсѣмъ непонятенъ. Онъ словами, движеніями, привычюю своимъ возмущилъ и заколебалъ родное, привычное, спокойное, какъ камень, брошенный въ прудъ.

— Какъ все это вышло, я не ждала и не гадала,—думала Сонечка, дойдя до пруда, и глядѣла на тихую воду, по которой плавали сухіе листья ветель; бѣгали паучки, головастики, рябя гладь, ловили ихъ губами, а сверху летали радужныя коромысла. Сцѣпившись, коромысла сѣли на листь камыша, качнулись, опять полетѣли, мимо нихъ промчался съ тонкимъ свистомъ стрижъ, а изъ подъ ногъ Сонечки, подпрыгнувъ, шлепнулась въ прудъ лягушка, и пошли круги, колебя листь, паучковъ и водоросли... Вдругъ мыслями ея нечаянно завладѣлъ иной образъ.

— Конечно онъ нечаянно толкнулъ меня,—подумала она,—хотя ужъ черезчуръ смѣлъ, все-таки нужно было ему задать!

Она стала краснѣть, пока уши не стали пунцовыми, тогда она сломила вѣтку и ударила ею себя по щекамъ!

— Безнравственно-то я поступила конечно, не нужно было ѣхать на возилкѣ, и потомъ я такъ неловко упала... фу, какъ нехорошо, словно нарочно... Дался же мнѣ этотъ парень.

Сонечка, бросивъ вѣткой въ коромыслъ, оглянула прудъ.

По берегамъ его и плотинѣ росли старья, словно серебряныя, плакучія ветлы, шумливо кидаящія вѣтви свои во время непогоды, теперь онѣ свѣсили ихъ лѣниво. Изъ тѣни на зацвѣтшую воду выплывалъ выводокъ утокъ, оставляя позади себя борозды, словно скользя въ зеленомъ и зыбкомъ мху; грачи, летая надъ гнѣздами, неумолчно кричали.

— А этотъ здѣсь ничего не пойметъ,—продолжала

Сонечка, — «граблить сѣно»; онъ всегда жилъ въ Петербургѣ и не знаетъ здѣшнихъ словъ. Я никогда не скажу, какъ люблю все это, — она обвела глазами прудъ, мостки, аллею, изъ которой вышла. — Можеть быть, когда онъ увидитъ все это, и станетъ *моимъ*? Нѣтъ, у *моего* черные глаза, черные кудри, онъ много думаетъ, на него можно молиться. А вдругъ взять и сказать: я васъ не люблю и не могу выйти за васъ замужъ; я выйду за того, кого люблю.

Сонечка вздохнула:

— Господи, какая я глупая; откуда у меня это; Смольковъ даже и не подумаетъ дѣлать предложеніе. Вотъ, скажетъ, глупая, да толстая.

Сонечка, заложивъ руки за спину, привычку эту переняла она отъ отца, пошла назадъ по аллеѣ. Мысли ея были противорѣчивыя и все время три лица — герой мечтаний, сегодняшній красавецъ парень и Николай Николаевичъ вставали передъ глазами то порознь, то сливаясь въ одну фигуру, награжденную качествами всѣхъ трехъ; но о Смольковѣ проще было думать — онъ былъ дозволенъ и доступенъ и непонятностью своей любопытнѣе остальныхъ. Понемногу съ остальныхъ перенесла Сонечка хорошія качества на Смолькова и, когда живой Николай Николаевичъ появился, приподнявъ шляпу, въ аллеѣ, освѣщенный пятнами сквозь листву, она не узнала его и остановилась, подумавъ:

— Онъ совсѣмъ рыжій...

— Здѣсь очаровательно, — сказала Николай Николаевичъ, — мнѣ давно хотѣлось пожить въ старомъ дворянскомъ гнѣздѣ.

«Такіе парниковые огурцы бываютъ, — подумала она. Смольковъ дотронулся до ея руки, заглянулъ въ глаза и, повернувъ къ пруду, продолжалъ болтать, но до Со-

нечки доходили отдѣльные слова, которымъ она придавала *свое* значеніе...

— Я помѣшалъ вашей прогулкѣ, Софья Петровна, вы мечтали?

«Какъ это мнѣ можно помѣшать, — удивилась она, — да отвѣчай же ему, дура!»

— Я всю жизнь мечтала вотъ такъ же ходить по парку рядомъ съ любимымъ существомъ. Но жизнь, Софья Петровна, жизнь — тяжелая вещь, она сломила меня...

— Такъ вотъ что, онъ несчастный, — подумала Сонечка и сердце екнуло жалобно.

Такъ дошли они до пруда: — Какая роскошь, — воскликнулъ Смольковъ, — здѣсь есть лодка? мы покатаемся и вы споете? вы навѣрно поете?..

— Нѣтъ, — отвѣтила Сонечка, — была лодка да сгнила...

— Жаль, — Смольковъ сѣлъ на пеню, — я люблю лодку; знаете, — онъ прищурился и охватилъ колѣно, — я хотѣлъ, чтобы вы были со мной откровенны...

— Зачѣмъ?

— Вотъ! Вы сразу же мнѣ не довѣряете; не считаете меня за друга...

— Я васъ мало знаю...

— Я изъ людей, въ глазахъ которыхъ вы читаете ихъ душу. Видите ли, — онъ опять прищурился, тогда какъ дѣвушка стояла къ нему бокомъ, опустивъ глаза, — дружба между дѣвушкой и молодымъ человѣкомъ полезна для обоихъ всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, даже необходима...

«Къ чему онъ ведетъ? знаю къ чему ведетъ, сейчасъ скажетъ: прошу вашей руки. Господи, дай силы!» — Думала Сонечка и вдругъ сказала чужимъ, неприятнымъ себѣ голосомъ:

— Конечно, если у васъ какое-нибудь горе въ жизни, я должна помочь. Но только не знаю, какое найдете утѣшеніе въ моей дружбѣ.

— А нѣжная, дѣвичья привязанность?

— Такъ для этого нужно полюбить.

— Вотъ,—воскликнулъ Смольковъ, и взялъ ея руку. («Началось,—подумала она,—сейчасъ убѣгу»). Только любовь чистой дѣвушка можетъ спасти меня изъ того мрака, куда я погружень... Невинныя рѣчи. Чистыя взгляды... Прикосновение нѣжной руки...—Сонечка понемногу освободила руку:

— Господи, вы совсѣмъ не про то говорите, — прешептала она, отодвигаясь.

— Простите, простите меня,—продолжалъ Смольковъ, даже слегка пошатываясь.—Оставьте меня, мы затронули больное мѣсто. — Онъ отвернулся... Сонечка рада была удрать. Когда за кустами затихъ шорохъ ея платья, Николай Николаевичъ сѣлъ на пенъ и, сдвинувъ шляпу, закурилъ душистую папироску.

Сонечка пришла къ себѣ наверхъ, легла на постель и обхватила подушку. Когда волнение улеглось, принялась она опять думать о томъ же, что и давеча у пруда, но теперь представляла себя совершенно безчувственной, хотя въ слова Смолькова, гдѣ-то въ самой глубинѣ, не совсѣмъ вѣрила.

— Я буду съ нимъ очень сдержана,—рѣшила Сонечка,— пусть думаетъ, что хочетъ. Ахъ если бы папа былъ здѣсь. Подумавай еще, она рѣшила:

— Я лгунья, въ сущности я хочу замужъ, а оправдываться папой нечего; онъ бы сказалъ: Смольковъ достойный молодой человѣкъ, а ты не будь спесива; сдѣлай его счастливымъ и о себѣ думай поменьше. Папа точь въ точь такъ бы сказалъ и еще бы добавилъ: а не хочешь меня слушать—сиди вѣкъ старой дѣвкой. Смольковъ въ самомъ дѣлѣ одинокъ; я готовъ ему дать теплоту и семью; развѣ это плохо? Развѣ хорошо думать только о себѣ?

Сонечка вздохнула и сѣла на кровати, подбравъ ноги.

«Въ романахъ пишутъ о любви, а кто женится съ любовью? Никто. Любовь потомъ приходитъ и это очень хорошо, потому что любовь до брака—вредная страсть...»

Она повертѣлась на кровати, улеглась поудобнѣе и продолжила:

«Въ этомъ я опять лгу; очень хорошо любить, но только некого; даже есть кого—Николая Николаевича, господина Смолькова. Плохо, что у меня нѣтъ подруги—ей бы все рассказала; Смолькову небось не расскажешь; Ахъ что-то будетъ!»

Въ тревожныхъ и невеселыхъ мысляхъ прошелъ Сонечкинъ день; она сходила къ полднику и ужину, но старалась не встрѣчаться глазами съ Николаемъ Николаевичемъ, который загадочно усмѣхался, но въ общемъ былъ задумчивъ. Послѣ ужина она сослалась на головную боль и тотчасъ ушла наверхъ; посидѣла у окна; подумала; поглядѣла въ зеркало на себя, сказала, «тоже, рожа»; раздѣлась; и, сладко вытянувшись въ прохладной постели, раскрыла глаза въ темноту. Въ полночь постучали въ дверь и, со свѣчей въ рукѣ, вошла генеральша.

Степанида Ивановна въ ночной кофтѣ и красномъ платкѣ на головѣ, осторожно притворила дверь, знакомъ приказала молчать, быстро подошла и, освѣщая приподнявшуюся на постели Сонечку, спросила:

— Замужъ хочешь?

Лицо у генеральши было зеленое, какъ у мертвеца, глаза закатывались, а сухой ротъ съ трудомъ выпускалъ слова.

— Замужъ хочется тебѣ?—переспросила генеральша, и пальчики ея вцѣпились въ Сонечкино плечо.

— Бабушка, что вы, я боюсь,—пролепетала Сонечка, отодвигаясь къ стѣнѣ.

— Слушай, — продолжала генеральша и наклонилась

къ самому уху дѣвушки,—я сейчасъ смотрѣла на него, онъ всю рубашку на себѣ въ клочки разорвалъ.

— Что вы? О чемъ? Кто рубашку разорвалъ?

— Смольковъ. Павлина съ нимъ штуку подстроила. Онъ настоящій мужчина, Софочка, я давно не видала такихъ... Ты будешь съ нимъ счастлива.

И генеральша, внезапно обнявъ дѣвушку за плечи, принялась рассказывать о томъ, что считала необходимымъ передать дѣвушкѣ, готовящейся стать женой. Говорила она съ подробностями, трясла шиньеномъ, перебирала въ воздухѣ пальцами. Угловатая, рогатая ея тѣнь на стѣнѣ качалась, кланялась, вздрагивала. Слѣдя за словами ея со стыдомъ, потомъ съ ужасомъ, не пропустила Сонечка ни звука, чувствуя, какъ проваливается въ темноту, гдѣ стыдъ и любовь жестоко терзаютъ попеременно.

— Больно это и грѣшно,—шептала генеральша,—самый страшный грѣхъ на свѣтѣ—любовь, потому ея такъ и хотятъ, умираютъ и хотятъ, и въ гробу нѣтъ покоя чело-вѣку...

Долго еще бормотала Степанида Ивановна, подъ конецъ совсѣмъ уже несвязное и не замѣчала, что Сонечка уже лежала ничкомъ, не двигаясь; только тронувъ холодное лицо дѣвушки, громко вскрикнула генеральша и принялась звонить въ колокольчикъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Дней черезъ пять Павлина увидѣла сонъ первѣйшей важности и съ утра, поэтому, совѣщалась съ генеральшей, запершись въ ея комнатѣ на ключъ.

Сны видѣла Павлина часто, на всѣ случаи жизни, сама по себѣ и по приказанію Степаниды Ивановны.

Но эта особенность не была прирожденной, а накатила на бабу, послѣ случая съ офицерами, рѣзко измѣнившего ея судьбу. До того, жила она при монастырѣ, за свое безобразіе исполняя должность привратницы.

— Черезъ тебя, сестра, и дьяволъ не перескочитъ,—говорила ей мать Голендуха и спала спокойно, а Павлина, въ долгія зимнія ночи дремала въ келейкѣ у воротъ, иногда выходя въ сѣни, чтобы поколотить гвоздемъ въ чугунную доску...

Въ то время въ монастырѣ жила—чернобровая веселая монашенка, за свое пѣніе прозванная «дудка веселуха», и обязанность имѣла—ухаживать за мірянами, пріѣзжавшими во время праздниковъ на нѣсколько дней. Однажды къ обѣднѣ заѣхали бывшіе въ тѣхъ мѣстахъ два офицера; понравился ли имъ тихій монастырь, засыпанный снѣгомъ, или напугалъ бурань, но только они остались ночевать въ пустой келейкѣ, подъ грушей; увидѣли чернобровую сестру, немедля влюбились и рѣшили ее похитить... Часъ побѣга назначенъ былъ подъ крещенскій

сочельникъ, ночью, когда бѣсовское племя такъ и шмыгаетъ по всѣмъ заповѣднымъ мѣстамъ, а монашенки запираются по кельямъ, шепча со страха отговорныя молитвы; приготовили офицеры коней и возокъ, но мать Голендуха все это пронюхала, допытала красавицу и съ утра замкнула ее на ключъ.

Ничего не вѣдая прискакали на тройкѣ офицеры въ назначенный часъ и постучали замочнымъ кольцомъ, ожидая, что сейчасъ, по уговору, выйдетъ къ нимъ бѣглянка; дѣйствительно, ворота пріоткрылись и въ щель просунулась закутанная голова Павлины, вглядываясь—кого это принесло въ такую темную ночь.

— Садись! Живй! Ходу!—воскликнули офицеры, схватили привратницу, положили въ возокъ, одинъ вскочилъ рядомъ съ ямщикомъ на козлы, другой—застегнулъ изнутри полость и помчался. Павлина молчала. Кровь у офицера—военная, не теряя времени обнялъ онъ Павлину и, ободренный ея молчаніемъ, не посмотрѣлъ ни на возокъ, ни на зимнее время. Павлина и тутъ смолчала. Офицеръ удивился:—хорошо-ли?—спрашиваетъ,—тебѣ душенька?

— Хорошо,—отвѣтила ему Павлина медвѣжьимъ голосомъ.

Офицеръ тогда зажегъ спичку и, увидя передъ собой удивленное лицо привратницы, вскрикнулъ не своимъ голосомъ и, на всемъ ходу, выковырнулъ Павлину изъ саней въ снѣгъ. Такъ она и осталась лежать въ снѣгу у дороги, пока на разсвѣтъ не прибѣжали монашки... Обступили онѣ Павлину и спрашиваютъ:

- Что съ тобой, милая?..
- Бѣсъ меня искушалъ,—отвѣтила Павлина.
- Какой бѣсъ?
- Во образѣ.
- Что-же ты не кричала, голосъ не подала...

— И, милая, не всякій день бѣсъ тебя искушать станетъ, а зотъ былъ со шпорами.

Больше ничего и не добились отъ глупой привратницы; сѣла она опять у воротъ, но взглянула на дорогу и затосковала.

— Уйду я,—говорить,—мать игуменья, пускай бѣса изъ меня вѣтрами выдуетъ.

Собрала Павлина котомку и пошла по добрымъ людямъ, надѣясь втайнѣ—не встрѣтитъ ли опять двухъ бѣсовъ.

И съ той поры начала видѣть всевозможные сны.

Бродила Павлина, питаюсь подаяніемъ, иногда заживалась у помѣщиковъ или вдовыхъ купчихъ; возвращалась опять въ монастырь, исполняя въ міру кое-какія порученія матери Голендухи.

Такъ попала она къ Степанидѣ Ивановнѣ и теперь видѣла сны о «Свиныхъ овражкахъ».

Степанида Ивановна, наладивъ сватовство и приведя Сонечку въ крайнее возбужденіе, написала Рѣпьеву о предстоящей свадьбѣ, прося его пріѣхать, и все это окончивъ, снова предалась прерванному своему дѣлу.

Но на первыхъ же порахъ возникли затрудненія: хотя овражки и планъ подземелій были пріобрѣтены, но никто изъ монастырскихъ не могъ или не хотѣлъ указать мѣсто засыпаннаго входа, откуда начать копать; поэтому второй день партія землекоповъ, нанятая Аванасіемъ, сидѣла безъ дѣла, а генеральша въ отчаяніи гадала и думала, какъ начать, и разъ двадцать посылала Аванасію осматривать заколдованное мѣсто. Но сегодня, наконецъ, Павлина увидѣла жданный сонъ и рассказывала его обрадованной Степанидѣ Ивановнѣ.

— Нѣкій мужъ,—говорила Павлина,—явился мнѣ въ свѣтломъ облакѣ и указалъ перстомъ: крутись, говоритъ, раба, вокругъ себя десять и еще три раза, гдѣ остановишься, тамъ и бросай камень черезъ плечо. Гдѣ падетъ

камень, тамъ мѣсто сіе... Сказаль мужъ и подаль мнѣ камень, а самъ въ облакѣ пропалъ.

Павлина бережно развертывала тряпицы и показывала Степанидѣ Ивановнѣ камень.

— Пойми же,—горячилась генеральша,—мы не знаемъ мѣсто, откуда крутиться начать...

— Этого мнѣ нѣкій мужъ не говорилъ,—вздыхала Павлина,—надо опять поспать.

— Когда же ты? Раньше вечера не заснешь, а рабочіе ждутъ. Ахъ, Павлина, всегда что-нибудь напутаешь...

— Развѣ Аѳанасія позвать?

— Поди, позови Аѳанасія.

Павлина убѣждала и тотчасъ вернулась съ Аѳанасіемъ.

— Придумаль ты что-нибудь? — спросила его генеральша,—мученіе съ вами...

— Не извольте беспокоиться,—отвѣчалъ онъ,—я весь оврагъ излазилъ.

— Нашель что-нибудь?

— Не извольте беспокоиться, все въ порядкѣ...

— Поѣдемъ, мать,—молвила Павлина,—сомнѣніе пущій грѣхъ!

Аѳанасій же въ это время подаль генеральшѣ кусокъ кирпичика.

— Старинный, ваше превосходительство, отъ самаго подземнаго мѣста отломался.

— Кирпичъ,—воскликнула генеральша и набожно перекрестилась.—Слава Богу. Ыдемъ; веди, Аѳанасій, рабочіихъ, а мнѣ вели подать коляску.

И Степанида Ивановна, взволнованная, пошла къ Алексѣю Алексѣвичу въ кабинетъ.

Генераль за эти пять дней махнулъ рукой на семейныя дѣла...

Попытки его «отбрить» и выжить Смолькова въ самомъ началѣ были генеральшей прекращены; Сонечку, оче-

видно, женихъ волноваль, а самъ Смольковъ столь проявилъ веселости и добродушія въ отвѣтъ на генеральскіе подкопы, что Алексѣй Алексѣвич однажды за столомъ объявиль:

— Изморомъ меня взяли, быть по-вашему, — и занялся хозяйствомъ, чтобы разсѣять скуку. Для начала придумаль онъ проектъ особенной зерносушилки и велѣлъ, кузнецу сдѣлать трубу съ дырочками. Трубу нужно вращать на огнѣ, а сквозь сыпать зерно. Трубу сдѣлали, но погода назло стояла отличная, и хлѣбъ не подмокаль; тогда генераль рѣшилъ въ трубѣ вялить яблоки, чтобы всю зиму кормить рабочіихъ компотомъ; отъ такой пици, онъ высчиталь, производительность мужика увеличится на семь процентовъ. За опытами надъ новымъ проектомъ и застала генеральша Алексѣя Алексѣвича; стоя у окна, палочкой перемѣшиваль онъ высыхающія на солнцѣ яблоки и отгоняль мухъ...

— Алексѣй,—воскликнула генеральша,—благослови меня, я начинаю...

— Дай тебѣ Богъ,—сказаль генераль, оборачиваясь, и перекрестилъ жену,—только трать поменьше денегъ, я знаю твою широкую натуру.

— Ахъ, опять ты мнѣ не довѣряешь,—жалобно воскликнула генеральша,—руки у меня опускаются. Пойми; не для богатства, не изъ каприза ищю я этотъ кладъ, а для славы твоего имени. Сейчасъ я ничего не скажу, но потомъ ты узнаешь. Тебя, Алексѣй, ждутъ не только слава и почести, но могущество.

— Ну куда мнѣ его, Степочка, я старъ; вотъ яблоки...

— Ни старость, ни умъ не преграды твоего пути; ты подъ счастливой звѣздой, Алексѣй; твоя бабка Валдштремъ... вѣдь это шведская, королевская кровь... вотъ что важно!..

Сказавъ это, Степанида Ивановна подняла палецъ чепецъ ея сдвинулся на бокъ и щеки были красны...

Генераль поспѣшилъ со всѣмъ согласиться и проводилъ генеральшу до крыльца, гдѣ ее дожидались Павлина и Аванасій.

«Свинными овражками» называлась неглубокая котловина, поросшая шиповникомъ и сорной травой, на перевалѣ между Гнилопятами и Монастыремъ.

Со стороны Монастыря, откуда доходила до котловины дубовая роша, лежали на бугрѣ остатки фундамента, изъ котораго уцѣлѣли только нѣсколько ступеней и часть чугунной рѣшетки, овитая плющемъ... Между камней росъ шиповникъ, и корни деревьевъ разрушали неизвѣстно къѣмъ покинутыя эти развалины. Отъ ступеней оврагъ круто падалъ внизъ въ папортники и снова поднимался уже полого, вплоть до голаго выгона Гнилопятскихъ луговъ. Считая развалины и уголь роши, площадь «Свинныхъ овражекъ» не привышала пяти десятинъ...

Перегнавъ по дорогѣ рабочихъ, Степанида Ивановна оставила лошадей у края овражка и пошла пѣшкомъ внизъ черезъ кусты и папортники, которые заботливо передъ ней раздвигалъ Аванасій.

— Гдѣ-же, гдѣ твое мѣсто,—повторяла генеральша, задыхаясь отъ трудной ходьбы и волненія.

Аванасій смотрѣлъ подъ ноги, нагибался, легъ даже на землю отъ расторопности и наконецъ воскликнулъ, ударивъ сапогомъ ветхій полутесанный камень:

— Сюда становись, Павлина, начинай...

Павлина осторожно вывернула изъ тряпицы камень поджала дѣловито губы, попросила генеральшу и Аванасія отойти и, заборматавъ вдругъ источнымъ голосомъ, покрутилась и кинула камень неподалеку черезъ плечо. Генеральша подбѣжала къ тому мѣсту и увидала, что вокругъ павлининаго камня на землѣ набросанъ щепень...

— Кирпичъ самъ изъ земли пошелъ,—сказала Павлина,—дивно!..

Рабочіе осмотрѣли мѣсто, побросали въ траву одежду и баклажки, поплевали на руки и стали копать, но не очень быстро... Когда же генеральша, разгнѣванная ихъ лѣнью, обозвала мужиковъ безсовѣстными, старшой изъ нихъ сказалъ:

— Намъ бы только уваженіе отъ тебя увидать, барыня...

— Все, все будетъ, только копайте; что хотите? водки?..

— Безъ вина не наша вина,—сказали мужики всѣ сразу,—а вина поднесешь сами руки заходятъ...

Аванасій на пристяжной тотчасъ поскакалъ въ Гнилопята за водкой, а рабочіе быстро очистили мѣсто отъ корней и щепня и стали копать въ глубину.

— Вы зря-то не ковыряйте,—говорилъ старшой,— ты линію свою найди, какъ ее найдешь, такъ она и пойдетъ сама тебѣ голдареей... Дружнѣй ребята...

— Кирпичъ,—сказалъ одинъ...

— Цѣлый,—сказалъ другой,— ишь ты, къ чему бы туть кирпичу быть...

— Нашли, Степанида Ивановна,—сказалъ старшой,— голдарея...

Степанида Ивановна сама влѣзла въ яму и глядѣла по плану; но кирпичъ оказался единственнымъ и, порывъ еще, рѣшили рабочіе копать рядомъ, разыскивая, по приказанію генеральши, кирпичный сводъ. Скоро однако они утомились и сѣли курить. Генеральша въ отчаяніи пошла на гору посмотреть, не ѣдетъ ли Аванасій съ водкой...

Наконецъ Аванасій прискакалъ; мужики сняли шапки и каждый изъ стаканчика медленно потянулъ вино, словно полагая, что встанетъ отъ вина въ жилахъ богатырская сила... Выпивъ, поблагодарили и безъ шутокъ, быстро принялись рыть. На новомъ мѣстѣ открылись стѣны кирпичнаго колодца, идущаго наклонно внизъ. Степанида

Ивановна всѣхъ благодарила и, садясь въ коляску, сказала Павлинѣ:

— Сегодня, Павлинушка, всю ночь я не буду спать.

Въ это время Сонечка и Николай Николаевичъ сидѣли въ саду на качеляхъ, тихо покачиваясь. Сонечка похорошѣла за эти дни и похудѣла такъ, что подъ вѣсками легли у нея синіе круги, а глаза блестящи; держась за веревку, она отталкивалась ногой, въ шелковомъ синемъ чулчкѣ—подаркѣ бабушки—и говорила безъ умолку, боясь молчанія, той напряженности, когда сердце громко стучить и понимаются затаенныя мысли.

На полянѣ, позади качелей, на грядкахъ росли огурцы; Сонечкѣ очень хотѣлось сорвать одинъ изъ нихъ и дать Николаю Николаевичу; Смольковъ же все время намѣревался поцѣловать дѣвушку въ шею, гдѣ завиваются волоски; поэтому, глядя на краснѣющее отъ стыда это мѣсто, онъ вдругъ спросилъ:

— А что, дѣдушка вашъ цѣлуетъ еще бабушку, или нѣтъ?..

Сонечка взглянула на него, ахнула и медленно засмѣялась.

— Какія вы глупости говорите!

— Нѣтъ отчего, бабушка по моему еще красива.

— Знаете, у нее разъ карандашъ весь вышелъ, котормъ брови подводятъ, я ей обоженную пробку принесла, такъ она вотъ такія себѣ брови намазала...

— Вы злая.

— По-вашему, въ самомъ дѣлѣ, я злая?

— Конечно, я вотъ хочу одну вещь сдѣлать, а вы мнѣ не позволяете...

— Какую,—сказала Сонечка и рука ея, держа веревку, задрожала,—ну, вы что-нибудь мудреное попросите.

— Можно шею поцѣловать, одинъ разъ?

Одну только минуту подумала она: «что со мной, все какъ будто во снѣ!» но опять засмѣялась, отодвигаясь. Николай Николаевичъ нагнулся и нѣжно ее поцѣловалъ.

Она даже не вздрогнула.

— Съѣшьте огурецъ, я вамъ принесу,—проговорила она и, спрыгнувъ съ качелей, нагнулась надъ огуречными листьями. Николай Николаевичъ, не отрываясь, глядѣлъ на ея спину. Сонечка подала ему огурецъ, съ одной стороны пожелтѣвшій и опять сѣла на качели близко къ жениху.

На-дняхъ Смольковъ сдѣлалъ предложеніе. Случилось это просто и какъ-то никого не удивило. Одѣтый въ сюртукъ, при шляпѣ, онъ вошелъ къ Сонечкѣ въ комнату, извинился, сѣлъ на стулъ и заговорилъ о значеніи семи для государства. Глаза его были полузакрыты и все лицо каменное, точно передъ нимъ у окна стояла не Сонечка, а министръ. Затѣмъ, кончивъ вступленіе, онъ подошелъ на три шага и, совсѣмъ закрывъ глаза, предложилъ руку, положеніе и сердце... Сонечка ахнула только. Онъ ушелъ и немедленно ворвалась генеральша, обняла дѣвушку, поздравила, а про Смолькова выразилась, что онъ идеаль. Съ этой минуты для Сонечки все стало, какъ сонъ.

— Дни какъ черепахи ползутъ,—говорилъ Николай Николаевичъ, грызя огурецъ,—еще семь дней до свадьбы, а мнѣ кажется сто лѣтъ...

— Нетерпѣливый какой; а такъ рада, что побольше времени до свадьбы остается... Многія даже плачутъ. Когда вы начали мнѣ говорить: „Софья Ильинишна, я просилъ разрѣшенія у генеральши предложить вамъ свою руку...“ я такъ и присѣла отъ страха.

— Зачѣмъ же вы присѣли.

Она усмѣхнулась и не отвѣтила; Николай Николаевичъ

осторожно обнялъ ее сначала легко, потомъ все крѣпче, отыскавъ губами ротъ и медленно, мучительно и безстыдно поцѣловаль. Сонечка, вся пунцовая, вырвалась и закрыла лицо.

— Степанида Ивановна пріѣхала,—съ трудомъ выговорилъ Смольковъ,—пойду встрѣчать.

И, не оборачиваясь, онъ ушелъ, а Сонечка осталась сидѣть на качеляхъ. Возбужденіе ея сразу упало, опустились руки и сгорбилась спина. Нѣсколько часовъ смѣха, двусмысленностей и, ставшихъ особенно легкими, кокетливыхъ движеній утомили Сонечку и теперь ей было гадливо и съ отвращеніемъ глядѣла она на безсовѣстные свои чулки, одѣтые напоказъ, на вымазанныя съ вечера кремомъ, по совѣту генеральши, руки, на платьѣ, умышленно выдѣляющее бока и грудь.

«Откуда все это у меня взялось, — тоскливо думала она,—какъ онъ меня не остановить; вѣдь я, Богъ знаетъ, до чего такъ дойду»...

Она передернула плечами и поглядѣла туда, гдѣ за косматыми ветлами садилось красное передъ ненастьемъ солнце; снизу лиловыя, окаймленныя багровою каймой, облака розовѣли вверху, какъ перламутръ, а небо надъ ними и подъ ними казалось зеленымъ — цвѣта морской воды.

Въ саду затихли птицы, а дикій голубь все еще тосковалъ, сидя на верхушкѣ березы.

— Безъ меня закатилось солнце,—думала Сонечка,— и *этому* я стану чужая. А онъ любить ли меня? вѣдь любить. Поцѣловаль же такъ, будто я ему родная; должно быть для него я не совсѣмъ плоха. Надо очень строго слѣдить за собой; буду больше молчать и не надѣну этихъ чулокъ со стрѣлками. Такъ просто: перестану кривляться и скажу—я васъ должно быть очень люблю. Милый мой, милый Николай.

Думая она долго сидѣла, держась за веревку качелей и положивъ голову на руку, когда же невдалекѣ послышался голосъ Смолькова, идущаго съ генеральшей, выступили отъ умиленія слезы у Сонечки на глазахъ, захотѣлось тотчасъ же подойти и сказать что-нибудь очень душевное.

За ужиномъ Сонечка глядѣла на Смолькова «собачьими», какъ онъ опредѣлили, глазами; генеральша, подергиваясь, рассказывала о какихъ то кирпичачъ. У Николая Николаевича разболѣлась голова отъ волненія и вина, и онъ, захвативъ свѣчу, ушелъ къ себѣ.

Поставивъ свѣчу около кровати, Смольковъ снялъ пиджакъ, сунулъ руки въ карманы, и, наклонясь надъ Сонечкиной карточкой, закусилъ нижнюю губу.

— Я больше не могу—прошепталъ онъ, вдыхая свѣжій воздухъ,—здѣсь монастырь какой-то. Цѣловаться на качеляхъ выдумали. Конечно, она можетъ ждать хоть сто лѣтъ—птенецъ! А я то! что-же я—столбъ?..

Онъ забѣгалъ по комнатѣ, думая все объ одномъ, на чемъ мысли сосредоточились, какъ въ вершинѣ; точка эта была страшно чувствительна, остальной же міръ понемногу темнѣлъ, отпадая. И стали различимы запахи старыхъ книгъ, ветхой мебели, сада и неуловимыхъ женскихъ духовъ, пропитавшихъ старую мебель, на которой Богъ знаетъ кто сидѣлъ.

Наконецъ Смольковъ сталъ посреди комнаты подмигнуть, взмахнувъ рукой, точно говоря: «ну, что же я могу тутъ подѣлать», отворилъ дверь и громко прошепталъ:—Аванасій.

Аванасій пришелъ и сталъ затворять окно, но Николай Николаевичъ, потрепавъ его по плечу, сказалъ пересмѣявшимся голосомъ.

— Послушай, мой другъ, какъ у васъ насчетъ этого самаго...

— Что вы, баринь,—осклабясь отвѣтилъ Аванасій,— мы этимъ не занимаемся...

— Гдѣ-нибудь на селѣ навѣрно есть, что?..

— На селѣ какъ дѣвкамъ не быть, только вамъ не понравятся; солдатка есть, та ничего. Парни очень лютые у насъ. Дерутся.

— Ну вотъ, вотъ, своди меня на деревню, голубчикъ, а парнямъ мы денегъ дадимъ... Сейчасъ я переодѣнусь... постой... вотъ тебѣ на чай... Такъ ничего солдатка-то... а? Мнѣ вѣдь только пошалить.

Спустя время, осторожно, черезъ черный ходъ, пробрались Смольковъ съ Аванасіемъ, миновали сырыя аллеи, плотину и побѣжали лугомъ до села.

У крайней избы, въ травѣ, на пригоркѣ сидѣли три дѣвушки и негромко пѣли; въ темнотѣ лица ихъ подъ платками казались маленькими и странно блестящими. Аванасій, словно мимоходомъ, подошелъ къ нимъ, поклонился, разведя руки, и сказалъ:

— Наша вашимъ съ кисточкой!

— Кто такіе?—спросили дѣвушки.

— Хуторскіе, позвольте посидѣть съ вами, намъ разгуляться хочется...

Дѣвушки переглянулись, засмѣялись и одна сказала:

— Нѣтъ ужъ, намъ и безъ васъ весело; идите откуда пришли. Двѣ же остальные продолжали пѣть...

Аванасій сталъ приставать, но Николай Николаевичъ потянулъ его за рукавъ, шепча:

— Пойдемъ къ солдаткѣ...

— Придете на хуторъ — я вамъ припомню, — проворчалъ Аванасій, уходя; дѣвушки что-то крикнули вдогонку и вдругъ сорвавшись ушли за избу въ темноту.

Къ солдаткиной избѣ нужно было итти по задамъ, перелѣзть черезъ плетень и нависнуть собаку, которая сначала кинулась съ лаемъ, но узнавъ голосъ Аванасія,

побѣжала впередъ. Боязливо на нее поглядывая, Николай Николаевичъ покорно прыгаль въ какія-то канавы, изорвалъ штаны, промочился, попавъ въ навозную жижу и, наконецъ, выйдя на пустой дворикъ, увидаль стоящую на крыльцѣ высокую бабу.

— Марина,—сказаль Аванасій,— принимай гостей.

— Ахъ, батюшки, я-то испугалась,—низкимъ, веселымъ голосомъ молвила баба,—что же, если съ добромъ, заходите! А это кто?—шепнула она Аванасію и, послѣ отвѣта, еще привѣтливѣе закивала головой. Николай Николаевичъ снялъ шляпу, поклонился и взшелъ на крыльцо, но въ избу Марина его не ввела, а осталась въ сѣняхъ, сѣвъ на кровать. Привыкшіе къ темнотѣ глаза Смолькова различили постель со множествомъ подушекъ (воображаю,—подумаль онъ—каковы подушки), дойницу съ молокомъ и зыбку, висящую около на ремнѣ.

— Въ избѣ сестрица больная лежитъ,—прошептала солдатка и весело поглядѣла Николаю Николаевичу въ лицо.

— Ну, какъ же ты,—спросилъ Смольковъ, повертѣлся и обнялъ бабу.

— У насъ такъ не полагается,—сказала Марина весело,—вино надо пить,—но руки Смолькова не отстранила.

Аванасій, взявъ деньги, побѣжалъ за виномъ къ какой-то своей кумѣ, а Николай Николаевичъ остался наконецъ вдвоемъ съ женщиной и, сердясь на свою непредпримчивость, придумываль, что бы такое сказать, чтобы разрушить странную всю эту и какую-то необычайно простую дѣйствительность.

— Почему ты меня не поцѣлуешь,—сказаль онъ томно и подумаль: отъ нея пахнетъ молокомъ и чѣмъ-то съѣстнымъ, не то печенымъ.

— Чего?—совсѣмъ уже весело спросила Марина и,

закрывъ ротъ ладонью, проговорила, вся трясаясь отъ веселости:—что это вы, баринъ, ко мнѣ пришли... ну и баринъ!

Затѣмъ, не выдержавъ, она стала смѣяться, такъ что затряслась и заскрипѣла кровать.

Смольковъ разсердился; страсть его уменьшалась съ каждой секундой; онъ хотѣлъ придраться и выругать глупую бабу, но вмѣсто этого животъ его самъ по себѣ началъ подпрыгивать и Николай Николаевичъ, хвативъ Марину по спинѣ ладонью, визгливо захохоталъ.

— Я думала насчетъ молока, а онъ вонъ зачѣмъ пришелъ,—плача отъ смѣха, говорила Марина.

Но въ это время Аѳанасій, просунувъ голову въ свѣтлый четырехугольникъ двери, испуганно зашепталъ...

— Бѣда, баринъ, дѣвки къ намъ ребятъ подослали: убьютъ; ихъ человекъ восемь; слышь...

Дѣйствительно, съ улицы послышался топотъ ногъ, голоса, ударили въ ворота.

Николай Николаевичъ метнулся по сѣнямъ, но Марина догадалась—толкнула его на крыльцо и онъ черезъ дворъ, со двора по задмамъ и канавамъ побѣжалъ, обдираясь о плетни; за нимъ молча сигалъ Аѳанасій, а позади гоготали парни и камень оттуда, просвиставъ, упалъ у ногъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Утромъ, въ темной каморкѣ за лѣстницей, на лѣжанкѣ сидѣли Аѳанасій съ Павлиной и не то что разговаривали, а кряхтѣли больше да почесывались.

Передъ ними на столѣ, за ветхостью отнесеннымъ въ лакейскія, допискивалъ послѣднюю пѣсно самоваръ, въ топленномъ молокѣ плавала деревянная ложка и муха.. Особенно вздыхалъ и почесывался Аѳанасій, съ утра сегодня бѣгавшій два раза въ село и на «Свинные овражки»; а Павлина, умильно на него поглядывая, благообразно икала послѣ чаепитія и крестила ротъ. Конечно Павлина могла бы и не икать, но дѣлала это, чтобы показать, какъ она вотъ и сыта, и довольна; а когда человекъ сытъ и доволенъ, не грѣхъ ему и побаловаться.

— Полно, соколъ, вздыхать,—говорила Павлина,— не ропщи; тепло тебѣ и сытно, куда же еще больше; а что грѣховъ полонъ ротъ, такъ на томъ свѣтѣ все равно въ ноги поклонимся, простятъ, мы неученые...

— Ерунду ты, баба, мелешь,—отвѣчала ей Аѳанасій;— ищи себѣ лапотъ, а мы въ шавровыхъ башмачкахъ ходимъ... Скажи вотъ лучше, что дѣлать, генеральша-то наша совсѣмъ сбѣсилась: копайте, говорить, дальше, ничего я знать не хочу...

— Пѣтуховъ купилъ?

— Десять рублей выдала, я птицъ двѣнадцать штукъ

купилъ. Только по моему пѣтушки въ этомъ дѣлѣ ни къ чему. Что за глупость!

— Безъ пѣтуха шагу нельзя ступить,—сказала Павлина важно,—ты, соколы, уменъ, да мало понимаешь...

— Охъ, баба; а ты много знаешь.

— Какъ не знать, наши монастырскіе чай копали да бросили, взятыя не умѣли...

— А ты умѣешь?

Павлина опустила глаза, поджала губы и степенно вздохнула.

— Генеральша что теперь дѣлаетъ, надо бы ужъ ѣхать, —опять сказалъ Афанасій...

— Генеральша письмо читаютъ.

Афанасій потянулся, лѣниво спрыгнулъ съ лежанки и сказалъ:

— Вотъ что я тебѣ скажу, а ты помни, противъ меня не иди—плохо будетъ, а вмѣстѣ за дѣло возьмемся—деньгу зашибемъ,—при этихъ словахъ Афанасій трыкнулъ языкомъ, ткнулъ бабу подъ микитку и, захвативъ изъ сѣней лужокшко съ пѣтухами, поѣхалъ на работы.

Степанида Ивановна дѣйствительно читала въ это время письмо, собравъ всѣхъ у себя въ комнатѣ. Письмо было отъ Ильи Леонтьевича—четыре страницы, исписанныя мелкимъ и четкимъ почеркомъ.

„Благодарю васъ за ваши сердечныя заботы о дочери моей, — писалъ Рѣпьевъ. — Господь милостивъ, пославы мнѣ такихъ друзей. Въ лицѣ же будущаго любезнаго зятя моего я увѣренъ встрѣтить твердаго христіанина и наставника моей дочери. Такъ я сужу по вашему о немъ отзыву и заранѣе радуюсь счастьемъ Софьи. На бракосочетаніе пріѣхать не могу—привязываютъ меня къ дому хозяйственныя заботы и кромѣ того считаю, что столь важный шагъ въ жизни молодыхъ людей долженъ быть совершонъ скромно, по возможности безъ свидѣтелей.

Прошу поэтому много не тратить на свадебныя приготовления, а необходимыя издержки возмѣщу тотчасъ же переводомъ денегъ; обвинять молодыхъ надобно какъ можно скорѣе и направить ихъ къ намъ. Приданое Софьи давно готово, половинный же доходъ съ имѣнья «Сукино»—«Эльдорадо» тожъ, за пять лѣтъ положенъ въ банкъ на ея имя. У насъ молодые попируютъ по старому обычаю, на старомъ мѣстѣ, гдѣ всѣ наши предки пировали, а затѣмъ пуская вьютъ себѣ гнѣздо, гдѣ хотятъ, въ деревнѣ ли, въ Петербургѣ или за границей.“

Послѣ этого слѣдовали: благодарность генералу и генеральшѣ, а Сонечкѣ родительское благословеніе.

Сонечка очень огорчилась отказомъ отца пріѣхать на свадьбу, потому что знала—если онъ, увидавъ ея жениха и поговоривъ, одобритъ, всѣ сомнѣнія ея улетятъ, какъ дымъ, и она будетъ спокойна и счастлива.

Пожалѣвъ и Алексѣй Алексѣевичъ, давно ему хотѣлось повидать стараго друга. Но видно ужъ до смерти не придется.

Степанида Ивановна, обнявъ и перекрестивъ Сонечку и Николая Николаевича и заставивъ тоже продѣлать генерала, послала къ сельскому попу приказаніе—оглашать молодыхъ; присѣла съ вѣромъ въ рукахъ на канапѣ, рассказала о какой-то Симичевой, которая кому-то послала письмо, а сама умерла, при чемъ никто о Симичевой не понялъ, и собралась ѣхать на раскопки, приглашая съ собой Смолькова и Сонечку; это она дѣлала изъ двухъ цѣлей—боясь молодыхъ оставлять вдвоемъ и желая похвалиться передъ ними успѣхомъ своей работы...

По дорогѣ она рассказала, что работа на «Свиныхъ овражкахъ» до сегодняшняго дня шла успѣшно. Вынувъ изнутри кирпичнаго колодца землю, рабочіе наткнулись на сводъ, полого идущій подъ горою, образуя собой галерею, шириною въ полтора аршина. Но, пройдя около

трехъ саженой, галлерей уперлась въ скалу и сколько рабочіе, совмѣстно съ совѣтами Павлины, ни бились— не могли найти дальнѣйшаго хода. Очевидно въ этомъ мѣстѣ и началось заклятье, которое нужно отомкнуть. Это было вчера. Генеральша далеко къ полночь совѣщалась съ Павлиной и услала ее наконецъ видѣть сонъ. Чуть свѣтъ Павлина объявила, что нужно въ томъ мѣстѣ зарѣзать двѣнадцать пѣтуховъ—пролить кровь. Двѣнадцать потому, что Мазепа закололъ двѣнадцать казаковъ, пѣтухи же были выбраны, какъ единственный звѣрь, котораго боится вся нечистая сила.

— Я очень надѣюсь на средство это,—молвила генеральша и остановила лошадей около овражка... Рабочіе стояли всѣ въ сборѣ, Павлина сидѣла на камнѣ, закрывъ глаза, очевидно приготавливаясь къ заклятію, Афанасій въ обѣихъ рукахъ держалъ по шести пѣтуховъ, бившихъ крыльями, и почтительно глядѣлъ въ землю.

Степанида Ивановна пересчитала птицу и приказала начинать; Павлина сняла ватюшную кофту, попробовала на пальцѣ ножъ и приказала, поддерживая себя за подмышки, спускаться въ наклонный колодезь. Афанасій бросилъ ей чернаго пѣтуха, который билъ крыльями и кричалъ. Степанида Ивановна въ волненіи глядѣла, какъ баба сначала не могла словить птицу, потомъ, ухвативъ ее за шею, поползла внизъ и скрылась подъ землей; слышны были только ея причитанія и возня; потомъ все замолкло, и Павлина вынырнула на свѣтъ, протягивая окровавленную руку за новымъ пѣтухомъ.

Такъ продолжалось довольно долго; генеральша чувствовала, что ее мутитъ, и въ это время одинъ рѣзанный, но недорѣзанный пѣтухъ вылетѣлъ, шумя крыльями, изъ ямы, обдалъ генеральшину платье кровью, побѣжалъ по травѣ и упалъ... Степанида Ивановна поблѣднѣла, сказавъ:—это дурной знакъ!—но осталась стоять, превозмогая

себя. Наконецъ птицъ всѣхъ порѣшили; Павлина вытѣзла и, отирая о траву руки, сказала скороговоркой:

— Теперь камень, какъ воскъ, размякъ; копайте, ребята, прямо надъ собой, не въ бокъ и не впередъ. Охъ, силушки моей нѣтъ.

Рабочіе, посмѣиваясь, полѣзли подъ землю, а старшой, осклабясь, спросилъ

— Дозвольте намъ, Степанида Ивановна, курей въ обѣдъ сварить.

— Варите, ничего, — отвѣчала Павлина,—только святой водой впередъ опрысните, иначе пѣтухомъ самъ запоешъ.

Сонечка и Николай Николаевичъ сидѣли все это время на ступенькахъ среди шиповника и тихо разговаривали, посмѣиваясь надъ Степанидой Ивановной, которая, не смотря на зной и густую траву, бодро расхаживала въ лиловомъ своемъ шелковомъ платьѣ, подъ зонтомъ.

Смольковъ, послѣ ночного похождения, сдѣлался тише воды, деревня не казалась ему патриархальной и добродушной, какъ прежде, и онъ побаивался стоящихъ внизу рабочихъ, думая, не они ли за нимъ гнались.

Видя такую покорность жениха, Сонечка приписала это своему вліянію и размечталась о подвигѣ—сдѣлать изъ своего Коленъки борца (за что борца—она не знала хорошо, но непременно хотѣла борца), и прежнія ея сомнѣнія заволоклись этой мечтой.

Плечомъ касаясь плеча, сидѣли они на ступенькахъ, а поднявшееся солнце палило такъ, что ладонь, лежащая неподвижно, загорала. Сонечка молчала, а глаза ея, влюбленные и зеленоватые, не отрываясь глядѣли на Смолькова...

— Посмотрите, что это съ бабушкой, она хватается за шею, едва не слетѣла въ колодезь, что-то нашли должно быть,—сказалъ Николай Николаевичъ.

— Покажите какой; каменный? *католическій?*— до-
неся снизу голос Степаниды Ивановны.

— Долго быть, нашли крестъ,—отвѣтила Сонечка,—я
помню, что это *первая примѣта* по плану; другія двѣ—
орель и каменная голова. Видите, какъ все сбывается, я
знаю, что кладъ найдутъ; одинъ только дѣдушка въ него
не вѣритъ.

Николай Николаевичъ повернулся и сощурилъ глаза:

— А что бабушка думаетъ съ нимъ сдѣлать?

— Я не знаю что, навѣрно себѣ возьметъ.

Въ это время Степанида Ивановна закричала:—

— Дѣти, идите сюда!

И когда они сбѣжали съ горки, подняла обѣими ру-
ками до этого прижимаемый къ груди каменный крестъ,
четыре конца котораго были равны между собой.

Говорить генеральша не могла, маленькое лицо ея
покрылось подъ румянами лиловыми пятнами, шляпка
сбилась, и платье было испачкано кровью и землей...

Перепуганная Сонечка подхватила ее подъ одинъ ло-
котъ, Смольковъ подъ другой и повели генеральшу къ ко-
ляскѣ; усадили и повезли домой. Дорогой Степанида Ива-
новна плакала и цѣловала крестъ.

Прѣхавъ домой, Степанида Ивановна выпила черного
кофе и приказала просить къ себѣ генерала, но Алексѣя
Алексѣевича въ кабинетъ не оказалось; онъ ушелъ къ
амбарамъ, гдѣ насыпали смолоченную и просѣянную рожь
на воза.

Покупка «Свиныхъ овражковъ» и приготовления къ
свадѣбѣ заставили генерала поторопиться продажей хлѣба
и, рѣшивъ теперь вникать во всѣ мелочи хозяйства самъ,
присутствовалъ онъ при насыпкѣ, а вечеромъ сего-
дня ѣхалъ въ городъ, чтобы на утреннемъ базарѣ продать
рожь.

Довольный, что нашель дѣло по душѣ, Алексѣй Але-

ксѣевичъ стыдился немного приказчика, съ улыбкой вы-
слушивающаго рѣшительныя его приказанія, и, чтобы
устранить всякое постороннее вліяніе, послалъ приказчика
считать деревья въ заповѣдномъ лѣсу, хотя это можно было
сдѣлать и осенью. Приказчикъ обидѣлся, но ушелъ, а
генераль леталъ отъ вѣялокъ къ амбару, отъ амбара къ
возамъ и зычнымъ голосомъ покрикивалъ на рабочихъ,
красный весь, одухотворенный, словно на войнѣ.

Къ полднику въ пять часовъ Алексѣй Алексѣевичъ
явился въ промокшемъ насквозь кителѣ, и поспѣшно при-
нялся ѣсть. Очень этимъ недовольная Степанида Ивановна
начала обиженнымъ голосомъ издалека разсказъ о сего-
дняшней находкѣ, но генераль перебилъ:

— Хорошо, Степочка, отлично, ты нашла, кажется,
какую-то штуку... послѣ доскажешь.—И убѣжалъ, крича
Аванасію закладывать лошадей...

— Не штуку, а крестъ,—крикнула въ догонку ему
генеральша,—сумасшедшій человекъ, буреломъ... Я чув-
ствую, дѣти мои,—дѣло съ продажей хлѣба кончится плохо.

Вечеромъ того же дня Алексѣй Алексѣевичъ подѣ-
ѣжалъ по ровной и голой степи къ уѣздному городу.
Солнце сѣло и тусклыя тучи висѣли надъ темной степью
по которой бѣжала прямая дорога, отмѣченная телеграф-
ными столбами. Впереди за канавой торчали кресты клад-
бища, а еще далѣе заборы, крыши предмѣстья и колодез-
ные журавли. Тихой рысью бѣжали лошади, поднима-
я пыль, сбоку дороги валялась падаль, оскала зубы, и ста-
новилось тусклѣе съ каждой минутой вокругъ.

Алексѣй Алексѣевичъ сначала бодрился, откинувъ на
затылокъ генеральскую фуражку и подбоченясь, но то-
ска наконецъ и его приняла:

— Погоняй, что-ли,—сказал онь кучеру.

— Но, милья,—уныло покричалъ кучерь, помахалъ варажкой и опять сгорбился, такъ что линияля его рубашка надулась пузыряемъ. Наконецъ, поровнявшись съ первой избой, тарантасъ тяжело въѣхалъ въ песокъ улицы. У воротъ поклонился генералу съдой мѣщанинъ въ жилеткѣ; опустивъ крылья побѣжала подь лошадей курица; Алексѣй Алексѣевичъ прочелъ заржавленную вывѣску, синими буквами: «Портной Тяповъ изъ Лондона», поморщился и сердито крикнулъ на мальчишку, которой норювилъ присѣсть сзади тарантаса; дома были съ воротами и крашеными ставнями, но ближе къ центру стали попадаться и каменные, подь охру или дикаго цвѣта; на углу переулка дремалъ въ заплатадномъ кафтанишкѣ извозчикъ, линейка его и сивая лошадъ не то что были стары, а только не рассыпались какимъ то чудомъ... Въ переулкѣ появился первый керосиновый фонарь, и лошади въѣхали на большую площадь, гдѣ стояли соборъ, лавки и въѣзжій трактирь.

Алексѣй Алексѣевичъ приказалъ здѣсь остановиться на вопросъ кучера—не завернуть ли лучше въ «Американскую гостиницу Ливерпуль», отвѣтилъ, что прѣхалъ не спать, а дѣло дѣлать, и крикнулъ отворять ворота.

Рыжій мужикъ, въ нагольномъ полушубкѣ, но босой, со скрипомъ отворилъ ворота, и лошади, чавкая по навозной жиждѣ, въѣхали во дворъ.

— Не были еще воза изъ Гнилопята?—спросилъ генераль.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ мужикъ,—а что, овесъ у васъ свой, или хозяйскій?

— Хозяйскій, хозяйскій,—сказалъ кучерь,—у насъ господскіе кони, ѣдятъ овесъ безъ песку...

— Зачѣмъ хашь,—лѣнливо одвѣтилъ мужикъ,—у насъ овесъ безъ песку, овесъ хорошій.

Генераль вылѣзъ изъ тарантаса, разминая отекишія ноги, потянулся и черезъ широкое затоптанное грязью крыльцо вошелъ въ трактирь. Въ большой, низкой и грязной горницѣ у окна, за самоваромъ, сидѣли три личности въ суконныхъ чуйкахъ и негромко разговаривали. Одинъ былъ толстый, съ висячей губой, сопя втягивалъ онъ въ себя чай и крякалъ; другой—безбородый парень, круглолицый и курносый, говорилъ прибаутчками, вытирая полотенцемъ скулы, которыя были такъ крѣпки—колоти по нимъ кулакомъ—мозоли набьешь; у третьяго была сѣдая борода и умные, сѣрые глаза.

На вошедшаго генерала личности посмотрѣли равнодушно, но, когда онъ сѣлъ на лавку и отвернулся, хитро перемигнулись.

— Запашокъ!—подумалъ Алексѣй Алексѣевичъ и, разглядывая липкіе, ободранные обои, захарканный поль, замѣтилъ еще четвертаго посѣтителя—должно быть землевладѣльца изъ мужиковъ, въ суконномъ кафтанѣ, сидѣвшаго поодаль, подсунувъ подь себя руки... Мужикъ слушалъ, что говорилось, на генерала-же не обернулся... Говорили о прошлыхъ цѣнахъ, объ урожаѣ и о какомъ-то Нилѣ Петапычѣ Емельяновѣ.

— Вы тоже рожъ привезли?—спросилъ генераль мужичка, подсунувшаго руки.

Мужикъ зѣвнулъ, ладонью провелъ вверхъ и внизъ по лицу и кивнулъ головой.

— А какія, вы думаете, цѣны на завтра будутъ?

— А кто ихъ знаетъ, все отъ Бога...

— Цѣны, господинъ генераль, плохія,—бойко сказалъ парень,—ржи очень много навезли. Да вы подсаживайтесь, не угодно-ли стаканчикъ чайку...

— Э, да у нихъ я все разузнаю,—подумалъ генераль и пересѣлъ къ чайному столу,—у меня кажется съ собой бутылка вина есть и пирожики. Степанъ,—постучавъ паль-

цемъ въ окно, позвалъ онъ,—принеси-ка погребецъ. Такъ вы говорите, низкія цѣны?

— Хлѣбъ хоть въ рѣчку ссыпай, вотъ какія цѣны.— хрипло сказалъ толстый человѣкъ...

— Жаль, а у меня такъ сошлись семейныя дѣла, что вынь да положь сейчасъ деньги,—сказалъ генераль и спохватился. Хотя—не сойдуся въ цѣнѣ—отправлю хлѣбъ за границу,—окончилъ онъ небрежно...

Личности переглянулись и старикъ сказалъ:

— Нѣтъ, рожь за границу не идетъ...

— Куда ее съ базара повезешь, провозъ денежки стоить,—сказалъ толстый человѣкъ:—мы ужъ и такъ горюемъ,—подхватилъ парень и подмигнулъ... Но мужикъ, сидѣвшій на лавкѣ перебилъ ихъ съ сердцемъ:

— Горюемъ, горе твое вотъ у меня гдѣ,—и показало себѣ на шею...—Всѣ трое захохотали, а мужикъ, громко плюнувъ, снялъ кафтанъ и легъ, ворча:

— Мошеники, прасолы, осиновымъ васъ коломъ...

— Такъ вы мои завтрашніе покупатели?—спросилъ генераль...

— Нѣтъ,—отвѣчала парень,—гдѣ намъ, мы для себя беремъ возикъ или два.—И сталъ спрашивать Алексѣя Алексѣевича о хозяйствѣ и о томъ, почему самъ пріѣхалъ, а не послалъ приказчика. Генераль охотно на все это отвѣчалъ, радуясь, что ловко сумѣлъ угостить нужныхъ ему людей...

Потомъ пришла босая и страшно заспанная баба, унесла самоваръ и привернула лампу... Прасолы, вставъ изъ-за стола, пошли спать, должно быть на сѣноваль или въ телѣги; Алексѣй Алексѣевичъ разостлалъ на лавкѣ пледъ, подъ голову положилъ кожаную подушку и, не думая заснуть въ такой духотѣ и вони, скоро задремалъ, чувствуя, какъ дрожать стѣны и стекла, хлюпаютъ что-то, рвется, задыхаясь, будто ходитъ по горницѣ мокрый вихрь—

то похрапывалъ христіанской своей утробой землевладелецъ изъ мужичковъ... Потомъ пришелъ какой-то человекъ, сѣлъ на полъ и сталъ раздѣваться—оказалось, это былъ Смольковъ во фракѣ съ графиномъ кваса въ рукѣ... Дайте-ка напитокъ, сказалъ ему генераль! А по сорока семи копеечекъ за пудъ хочешь,—отвѣтилъ Смольковъ, и у него отвисла губа. На кого онъ похожъ?—со страхомъ думалъ генераль.—А да, это убитый турокъ! Ахъ ты!.. Но турокъ всталъ на четверенки и вдругъ ударилъ въ барабанъ. Въ ужасѣ генераль проснулся, сбросилъ ноги и посмотрѣлъ.

За окномъ брезжилъ разсвѣтъ и кричали пѣтухи; кто-то, выйдя изъ избы, ударилъ дверью.

— Зачѣмъ я сюда попалъ?—подумалъ генераль,—пить какъ хочется... Ахъ да... И, поспѣшно надѣвъ пальто, онъ вышелъ на дворъ.

На дворѣ очертанья крышъ четко рисовались на небѣ едва тронутымъ съ востока оранжевой зарей и было такъ тихо, что слышался хрустъ жующихъ сѣно лошадей. Кучеръ Степанъ, въ армякѣ отъ утренняго холода, подошелъ къ Алексѣю Алексѣевичу и не громко еще, по ночному, сказалъ:

— Вова пріѣхали, ваше превосходительство.

Алексѣй Алексѣевичъ кивнулъ головой и, вздрагивая отъ дремоты, вышелъ черезъ калитку на площадь.

Площадь, пустая съ вечера, теперь была заставлена возами, поднятыя оглобли которыхъ торчали, какъ лѣсъ послѣ пожара. Распряженные лошади жевали сѣно и слышались голоса проснувшихся крестьянъ. Предразсвѣтный вѣтеръ пахнулъ навозцемъ, сѣнной трухою и дегтемъ. Алексѣй Алексѣевичъ, ходя межъ возовъ, послѣ долгихъ разспросовъ, отыскалъ наконецъ свои сто сорокъ восемь телѣгъ, стоящихъ на дальнемъ концѣ площади у рѣки.

— Что, ребята, благополучно,—спросил генераль, под-
ходя къ своимъ.

Трое или четверо возчиковъ сняли шапки, одинъ
отвѣтилъ:

— Все слава Богу, Алексѣй Алексѣвичъ.

— Хорошо продадимъ—на водку получите.

— Благодаримъ покорно,—отвѣтилъ тотъ же голосъ.

Генераль влѣзъ на телѣгу и закурилъ папироску. Вче-
рашній задоръ соскочилъ съ него и продажа хлѣба вовсе
не казалась простой и веселой; къ тому же отъ душной
комнаты тошнило, болѣла голова и хотѣлось пить... Но
генераль пересилилъ себя и въ трактиръ не пошелъ, а
дождался, когда откроютъ пекарню и послалъ одного изъ
возчиковъ купить горячаго хлѣба и молока:

— Расскажу Сонюркѣ,—думаль онъ,—какъ я на возу
молоко пилъ, фантастично! Что же эти дураки купцы
не идутъ, пора бы; совсѣмъ свѣтло... А вдругъ они ко
всѣмъ подойдутъ, а ко мнѣ не подойдутъ? Гмъ!

Свѣтало быстро; лошади ржали, хотѣли валяться въ
росѣ.

Генераль, держа въ одной рукѣ калачъ, продолжалъ
думать, стараясь, чтобы не слиплись вѣки; вдругъ между
возовъ появилась синяя чуйка—вчерашній парень... Але-
ксѣй Алексѣвичъ сразу ободрился и помахалъ чуйкѣ
рукой; но парень, какъ будто не замѣчая генерала, за-
глядывалъ въ чужіе воза и сошелся со вчерашнимъ земле-
владѣльцемъ изъ мужичковъ, принявшись о чемъ-то кри-
чать и хлопотливо рыться въ его возу.

Алексѣй Алексѣвичъ огорчился такимъ невниманіемъ,
но рѣшилъ ждать терпѣливо. Солнце поднялось надъ
крышами, и многіе воза снялись съ площади и уѣхали.
Торгъ очевидно шелъ во всю и слышались пьяные голоса...

— Что за дьявольщина, почему ко мнѣ не подходятъ,

—думаль генераль и началъ сердиться, вертясь на возу.
Но вдругъ позади окликнулъ его дѣловитый голосъ:

— Послушайте, что продаете?..

Это говорилъ вчерашній парень и, морщась, пересы-
палъ рожь изъ ладони въ ладонь. Алексѣй Алексѣвичъ
опѣшилъ:

— Какъ что, рожь!

— Развѣ это рожь,—сказалъ парень, бросая зерно
въ телѣгу,—ржишка, прошлогоднее гнилье...

— Гнилье,—закручалъ генераль,—сегодняшній уро-
жай, да вы смѣйтесь! Гнилье!

— Намъ смѣяться не время. Сорокъ семь копеечекъ
отъ силы могу дать...

И, поправивъ картузъ, онъ отошелъ, а генераль, дер-
нувъ плечами, гнѣвно отвернулся, прошипѣвъ:

— Нахаль, мальчишка...

Цѣна ржи на нынѣшнемъ базарѣ стояла шестьдесятъ
три копейки за пудъ (такъ сообщили генералу возчики,
бѣгавшіе слушать, какъ торгуются), отдать же по сорока
семи значило потерять рублей пятьсотъ, вѣрнѣе—подарить
ихъ этому нахалу — прасолу. Веза продолжали развѣз-
жаться, и Алексѣй Алексѣвичъ все болѣе гнѣвался и
недоумѣвалъ. Тогда подошелъ къ нему вчерашній толстый
прасоль, подалъ жирные пальцы лопаткой и, ни хваля,
ни хая, предложилъ сорокъ пять копеечекъ за рожь...

— Шестьдесятъ,—сказалъ генераль не глядя и доба-
вилъ дрогнувшимъ голосомъ,—эхъ ты, безсовѣстный!

Прасоль развелъ руками и лѣнливо отошелъ.

Долго не могъ побороть гнѣва Алексѣй Алексѣвичъ,
и, насупясь въ сѣдые усы, не глядѣлъ на окружающихъ;
когда же поднялъ глаза, мимо, не замѣчая его, проходилъ
третій вчерашній знакомецъ—старикъ.

— Послушай, покупаешь... рожь,—спросилъ генераль,
—за пятьдесятъ девять отдамъ...

— Это не цѣна,— не останавливаясь проговорилъ старикъ,—цѣна сорокъ три копейки за твою рожь, баринъ...

— Дуракъ,—крикнулъ генераль—вотъ я тебя...

Воза развезли всѣ, и на площади, усѣянной объѣдками сѣна, остались одни Гнилопятскіе, посреди которыхъ на телѣгахъ сидѣлъ на людское посмѣшище генераль, сутулясь и поводя покраснѣвшими глазами; дворянская фуражка его съѣхала на бокъ и коробомъ торчало запачанное сѣрое пальто. По очереди подходили прасолы и, явно издѣваясь, давали сорокъ, даже тридцать пять за пудъ, а онъ не отвѣчалъ, выжидая, когда подвернется кто поближе, чтобы хоть ударить обидчика.

Возчики стояли поодаль и смѣялись; смѣялись приказчики, выйдя на порогъ своихъ лавокъ, подъ колесами вертѣлись босоногіе мальчишки, и по всей площади полетѣлъ слухъ о сердитомъ баринѣ, котораго травятъ прасолы и заставляютъ чуть не даромъ отдать хлѣбъ, или везти домой, что еще болѣе накладно и обидно.

Прасоловъ же подговорилъ купецъ Ниль Потапычъ Емельяновъ, который теперь и шелъ по площади въ длинномъ сюртукѣ, надѣтомъ на ситцевую рубаху, широко разставляя ноги и еще шире улыбаясь. Подойдя къ сердитому генералу, Ниль Потапычъ сдернулъ картузь съ помазанныхъ коровьемъ масломъ кудрей своихъ, отнесъ его въ бокъ и сказалъ съ широкимъ поклономъ.

— Съ почтеніемъ Алексѣю Алексѣвичу, поиграли и за щеку, какъ говорится, вели запрягать, даю пятьдесятъ пять копеечекъ съ половиной...

— Вонь!—вдругъ побагровѣвъ заревѣлъ генераль,— не позволю, зарублю!.. —и, спрыгнувъ съ телѣги, трясясь и брызгая слюной, побѣжалъ къ лошадямъ,—мужики! мужики! негодяи! запрягай! вали все въ воду... къ чорту!..

— Что ты, что ты,—говорилъ Ниль Потапычъ, отступая,—одурѣлъ человѣкъ...

Алексѣй Алексѣвичъ самъ отвязывалъ лошадей, за недоуздки тянулъ ихъ къ возамъ и, подставляя мужикамъ кулаки подъ самый носъ, кричалъ:—запрягаты! запрягаты! запрягаты!—Воза скоро зашевелились и генераль заметался около нихъ, хватать возжи, кнутомъ билъ лошадей по мордамъ и всѣ сто сорокъ восемь телѣгъ, скрипя и колыхаясь, понеслись подъ гору къ рѣчкѣ...

Кричалъ генераль сначала басомъ, потомъ пронзительно и наконецъ замолкъ — порвался голосъ, и онъ только шепталъ.

— Вали, въ воду, подвертывай,—самъ схватился за первый возъ, рванулъ брезентъ и съ шумомъ зерно посыпалось въ тихую рѣку. Мужики захохотали и съ крикомъ опрокинули телѣгу колесами вверхъ... Подводили еще и еще и перевертывали; на горкѣ у дома собрался народъ; Ниль Потапычъ стоялъ все еще безъ картуза, разставя въ изумленіи ноги и руки; заголосила какая-то баба, и густымъ золотымъ слоємъ по всей рѣчкѣ плыло зерно...

Долго глядѣлъ на рѣку Алексѣй Алексѣвичъ, потомъ повернулся къ народу и показалъ всѣмъ шишъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

— Уйди, Павлина, пропади съ моихъ глазъ,— въ отчаяніи говорила Степанида Ивановна, а Павлина, хватая ее за платье, вопила:

— Я ли не старалась; взгляни на меня, ягодка, глазочкомъ погляди на меня, дуру.

— Я тебѣ ввѣрилась, Павлина, а ты меня отблагодарила какъ?

Павлина ударилась головой о половицу и пуще принялась стонать:

— Разумъ отшибло; отъ сладкой пици жиромъ я, окаянная, заплыла; огорчила свою благодѣтельница...

— Пѣтухи понадобились тебѣ, Павлина, а зачѣмъ? Смѣяться надо мной, или денегъ выманивать? ты бы сказала просто, я бы тебѣ сколько хочешь денегъ дала...

— Охъ, смерть пришла, охъ, не кори меня,—причитывала баба.

— Уходи, Павлина, вонъ,—слабо молвила генеральша и повернулась на диванчикѣ лицомъ къ стѣнѣ...

Произошелъ такой разговоръ потому, что вчера ночью обрушился не укрѣпленный подпорками сводъ и землей завалило всю галерею; землекопы кобенились, увѣряя, что это чертова работа и просили расчесть; имъ прибавили поденную плату и поставили ведро водки, съ которой они напились въ лоскъ и завалились спать на «Свиныхъ

овражкахъ», въ густомъ папоротникѣ. Афанасій ходилъ ихъ будить, не добудился, самъ какъ-то нечаянно напился и, вернувшись, побилъ Павлину. На глупую бабу, не умѣвшую расколдовать заклятіе, пала вся вина.

— Что за глупость ты придумала—пѣтуховъ,— продолжала, послѣ молчанія, генеральша,—не знаешь ничего такъ и говори: ничего не знаю, ваше превосходительство: навѣрно и всѣ сны твои дурацкіе.

Павлина въ это время сидѣла на полу, пригорюнясь; съ покраснѣвшаго ея носа капали слезы; вдругъ она вскочила и ударила себя по бокамъ:

— Догадалась; лопни мои глаза, если вру; пѣтуховъ-то надо купить *неторгованныхъ*.

— Какъ неторгованныхъ?—спросила Степанида Ивановна и съ живостью обернулась, спустивъ ноги на коверъ.

— *Неторгованный* пѣтухъ *силу* имѣеть, благодѣтельница; а *торгованный* есть *суповая кура*; сколько спросили за птицу, столько за нее и давай; слава Тебѣ Господи, вспомнила; пожалуйста денежекъ, я сейчасъ побѣгу...

— Ну нѣтъ,—сказала Степанида Ивановна твердо,— хотя я вижу, въ чемъ была ошибка, но денегъ тебѣ не дамъ, сама поѣду и куплю.

Генеральша подробно разспросила, какимъ образомъ покупать пѣтуховъ, гдѣ и когда. Въ это время вошелъ Афанасій и, прикрывая ладонью ротъ отъ виннаго духа, доложилъ, что генераль вернулся, прошель прямо въ кабинетъ и никого къ себѣ не пускаетъ.

— Вонъ какая отъ тебя,—сказала генеральша,—ахъ ты пьяница!

— Это бензинъ-съ,—извинился Афанасій,—для чистки его превосходительства штановъ-съ.

— Поди узнай, хорошо-ли продали хлѣбъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, кучеръ мнѣ

говорилъ, что его превосходительство хлѣбецъ въ воду изволили высыпать.

— Что, въ воду? Павлинушка, ужасъ какой!.. Быть не можетъ!

Генеральша побѣлѣла какъ носовой платочекъ, ноги ея подкосились и она сѣла на диванѣ; но вскорѣ оправи-вилась и поспѣшила къ Алексѣю Алексѣвичу.

На стукъ въ дверь онъ не отвѣтилъ, услышавъ же го-лосъ жены, кашлянулъ, зашаркалъ туфлями и повернулъ ключъ; Степанида Ивановна толкнула дверь и ахнула: передъ ней стоялъ, сутулясь, Алексѣй Алексѣвичъ, жел-тый, со спутанными волосами и страшный, въ грязномъ военномъ пальто.

— Запахъ какой отъ тебя, Алексѣй, что ты надѣлалъ?— закричала генеральша...

Генераль пошевелилъ губами и, держась за косякъ, опустился на колѣни, сказавъ:

— Прости меня, Степанида Ивановна, я утопилъ весь хлѣбъ,—и, поднявъ плечи, покрутилъ поникшей головой.

— Милый ты мой,—охвативъ его руками, торопливо заговорила Степанида Ивановна,—ты боленъ, совсѣмъ боленъ... лягъ... лягъ... Афанасій, воды горячей. Что за слуги, ужасные,—вскрикнула она, звоня въ колокольчикъ.— Ложись, ложись и молчи.

Съ трудомъ поднялся генераль и, поддерживаемый генеральшей, прилегъ на диванъ, вздохнулъ судорожно, заморгалъ и слезы потекли по грязнымъ щекамъ. Степа-нида Ивановна молча прижимала его голову къ груди.

Принесли воды, омыли генерала, одѣли въ чистое бѣлье и спустили въ кабинетѣ шторы.

Генеральша сидѣла на диванѣ рядомъ, держа его руку; когда жъ онъ начиналъ шевелиться и вздыхать—повторяла:

— Не бываетъ счастья безъ горя, вотъ тебѣ горе было и прошло, а на смѣну счастье придетъ. Вѣрь только

мнѣ. Я найду тебѣ иныя сокровища. Крѣпись, Алексѣй, и терпи.

— Хорошо, буду терпѣть; только ты меня прости,—шепталъ генераль,—здѣсь мнѣ уютно. Ты вѣдь пожалѣла меня?—и онъ закрывалъ глаза. Генеральша дождалась, когда Алексѣй Алексѣвичъ уснулъ, и осторожно вышла въ коридоръ, велѣвъ позвать къ себѣ кучера; кучеръ раз-сказалъ все какъ было.

Степанида Ивановна ему и всѣмъ настрого запретила напоминать генералу о несчастіи и, не теряя времени по-ѣхала въ село.

Теперь, когда хозяйство потерпѣло такой уронъ, было совсѣмъ необходимо скорѣе окончить дѣло съ кладомъ; силы генеральши возросли и она объѣздила всѣ дворы, но пѣту-ховъ нашла только двухъ; бабы увѣряли, что безъ пѣтуховъ въ хозяйствѣ трудно, и за птицу держались крѣпко.

Въ сосѣднихъ деревняхъ могли тоже не продать или всучить какихъ-нибудь дохлыхъ кочетовъ, поэтому, чтобы сыграть навѣрняка, рѣшила Степанида Ивановна поѣхать въ городъ и попросила Николая Николаевича сопрово-ждать себя въ пути...

Николай Николаевичъ надѣлъ охотничій костюмъ и они поѣхали. Городской базаръ давно отошелъ, когда гнилопятскіе, взмокшіе отъ быстрой ѣзды, лошади оста-новились на большой площади около лавки со съѣстнымъ. На вопросъ Степаниды Ивановны: есть ли живые пѣтухи? расторопный приказчикъ принесъ безъ малаго половину туши говядины; генеральша разсердилась:

— Я у тебя пѣтуховъ спрашивала, а не говядину твою вонючую...

— Не извольте гнѣваться,—возразилъ приказчикъ, по-хлопывая по тушѣ,—говядина у насъ первый сортъ, а вамъ куда пѣтуха, естество у него лиловое, жесткое.

— Дуракъ ты, отецъ мой,—отрѣзала Степанида Ива-

новна и приказала кучеру пойти по домамъ—спросить: не продадутъ ли птицъ, барыня моль не торгуется...

Кучерь, передавъ Смолькову возжи, ушелъ; изъ сосѣдней галантерейной лавки вышелъ приказчикъ, держа картузъ на отлетъ, и предложилъ только что полученнаго сатинету; приглашали также зайти въ мучной лабазъ и въ квасную; какой-то лохматый мужикъ въ бабѣй кацавейкѣ привелъ продавать тощаго теленка на веревкѣ.

— Отъѣзжайте, Николай Николаевичъ,—воскликнула разгнѣванная генеральша,—вотъ сюда поближе къ рѣкѣ;—и, когда Николай Николаевичъ послушался, стала внимательно глядѣть на берегъ, гдѣ ходило множество куръ и испаривающихся голузей...

— Здѣсь его мучили,—прошептала она,—вонъ слѣды отъ колесъ, и эти птицы! Николай Николаевичъ, отъѣзжайте подальше отъ ужаснаго мѣста... Злые, гадкіе люди...

Генеральша заплакала въ платочекъ, не выдержавъ волненій сегодняшняго дня; Смольковъ растерялся, упустилъ возжу и въ утѣшеніе сказалъ:

— Ободритесь, побольше энергіи...

Кучерь явился и объявилъ, что бабы ломаютъ несуразную цѣну по рублю семи гривенъ, а онъ предлагалъ даже во семьдесятъ, а гусей, моль, сколько угодно.

— Ну, не глупъ ли ты,—вытирая слезы укорила его Степанида Ивановна,—говорила я—нельзя торговаться... Иди за мной...

У воротъ двухъэтажнаго дома генеральша вылѣзла и вошла во дворъ. Во дворѣ у чернаго крыльца стояла съ рѣшетомъ въ рукахъ худая мѣщанка, въ ярко-зеленомъ платьѣ и звала:

— Цыпъ, цыпъ, тега, тега, уть, уть,—бросая изъ рѣшета птицамъ размоченный въ водѣ хлѣбъ... Вошедшихъ Степаниду Ивановну и кучера она подозрительно оглянула, спросивъ:

— Вамъ что нужно?

— Продайте мнѣ вотъ этого,—сказала генеральша, съ волненіемъ глядя на голенастаго, краснаго пѣтуха.

— Самимъ надобень, ищите у другихъ.

— Я не торгуюсь, сколько хотите?

— А вамъ зачѣмъ?..

— Это не ваше дѣло,—вспылила генеральша,—я спрашиваю: продадите пѣтуха?

— Не мое дѣло, такъ на чужіе дворы не шляйтесь,—съ тоскливой злобой проговорила мѣщанка и пошла въ домъ.

На слѣдующемъ дворѣ оказалось, что пѣтуха вчера только задавила свинья, а то бы непременно продали, въ третъемъ мѣстѣ совсѣмъ было удалось купить, но, когда рябая дѣвченка стала ловить покупку, пѣтухъ закричалъ и улетѣлъ черезъ заборъ.

Послѣ долгихъ хожденій Степанидѣ Ивановнѣ удалось пріобрѣсти трехъ птицъ и кучерь посоветовалъ поѣхать въ слободку. Въ слободкѣ очевидно прослышали про барыню, которая не торгуется и бабы нанесли великое множество пѣтуховъ, прося за нихъ совсѣмъ ужъ несуразныя цѣны. Наконецъ лукошко, привязанное къ козламъ, наполнилось и генеральша приказала поскорѣе гнать лошадей домой, такъ какъ солнце зашло и съ запада надвигалась черная туча, усугублявшая вечернюю темноту.

Гладкая степная дорога, дойдя до пашни, испортилась: плугари, заворачивая плуги на обратную борозду, исцарапали путь; коляску стало подбрасывать такъ, что Николай Николаевичъ прикусилъ языкъ, лукошко трясло и одинъ изъ пѣтуховъ, приподнявъ плетеную крышку, высунулъ голову, оглянулся и, ударивъ крыльями, выпрыгнулъ побѣжавъ по пашнѣ; за нимъ высочилъ другой и сълѣ въ траву.

— Стой, стой! держи его, держи!—закричала генеральша, охвативъ лукошко; Смольковъ проворно вылѣзъ

изъ коляски и побѣжалъ за голенастымъ пѣтухомъ, мелькая бѣлыми панталонами по пашнѣ. Пѣтухъ загалдѣлъ и заметался; когда Смольковъ нацѣвливался, чтобы его схватить, нырять онъ между ногъ, и Николай Николаевичъ, потерявъ равновѣсіе, падаль; такъ они далеко забѣжали по пашнѣ и, только нагнувшись, можно было видѣть на вечерней зарѣ силуэты человѣка и впереди него птицы; Степанида Ивановна подобрала смирнаго пѣтушка, сидѣвшаго въ травѣ около коляски, поцѣловала, посадила въ лукошко и, вздернувъ юбки, побѣжала, спотыкаясь, на помощь Смолькову.

— Берегитесь, онъ страшно клюется,— кричалъ издали Николай Николаевичъ...

Промокшій и грязный вернулся онъ со Степанидой Ивановной къ экипажу—пѣтухъ же удралъ, гдѣ-то присѣвъ за кочкой.

Сталь накапывать дождь, подняли верхъ у коляски и скоро въѣхали въ удѣльный лѣсъ. Въ лѣсу стало совсѣмъ темно и пропала изъ глазъ сѣрая полоса дороги. Только дождь стучалъ въ кожанный верхъ экипажа да глухо роптали невидимые во мракѣ листья вокругъ. Лошади шли шагомъ, потомъ остановились совсѣмъ и кучеръ, нагнувшись, сказалъ, что придется переждать, пока прояснится, иначе можно сгубить коляску и коней, въѣхавъ на буреломное дерево или въ канаву. Генеральша очень разсердилась, но дѣлать было нечего, изъ саквояжа вынула она двухствольный, взятый изъ генеральской коллекціи пистолетъ, положила на колѣни и проговорила громкимъ шопотомъ:

— Я никому не довѣрю въ такое время.

— Развѣ есть опасность?—поспѣшно спросилъ Смольковъ.

— Посмотрите, какая темнота, я лица вашего не вижу, а здѣсь по дорогамъ шалятъ...

Лошади въ это время захрапѣли, кучеръ прикрикнулъ на нихъ, но они продолжали пятиться: кто-то очевидно приближался; вотъ чавкнула нога по грязи и хрустнула сукъ.

Степанида Ивановна, услышавъ, какъ стучать у Смолькова зубы, прошептала:

— Перестаньте, стыдно!—и, высунувшись изъ-за козуха, сказала громко:

— Не подходи, я стрѣляю...

— Зачѣмъ стрѣлять,—совсѣмъ близко отвѣтилъ кроткій голосъ,—я не лихой человѣкъ. Видишь—темень какая заслила и глазъ не надо...

— Кто ты?

— А сторожъ удѣльный. Изба моя неподалече, заходите, если не побрезгуете.

— Нѣтъ, благодарствуй. А что скоро прояснится?

— Прояснить,—отвѣтилъ сторожъ увѣренно,—Богъ милостивъ.

Въ голосѣ его было столько ласковаго спокойствія, будто не человѣкъ это говорилъ, а шумѣло дерево листьями. Въ лѣсахъ рождаются такіе голоса, въ широкихъ степяхъ, и нѣтъ въ нихъ ни злобы, ни страсти, утромъ они звонкіе, въ сумеркахъ вечерніе. Слушая ихъ чувствуешь, какъ во всемя: и въ камнѣ, и въ птицѣ, и въ человѣкѣ—одна душа.

Умиротворилось сердце Степаниды Ивановны, пропаль у Смолькова ночной страхъ, и долго еще слушали они, какъ, удаляясь, постукивалъ сторожъ палкой по стволамъ...

— Вотъ будто звѣзда проглянула,—сказалъ кучеръ негромко...

Дождь переставалъ; Степанида Ивановна, откинувшись вглубь коляски, улыбалась своимъ мыслямъ; Смольковъ вдругъ вполголоса принялся декламировать французскіе стихи...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Сегодня въ двѣнадцать часовъ въ монастырской церкви назначено было бракосочетаніе. Сонечка, не забывая объ этомъ ни на минуту, рано проснулась въ бѣлой своей постели и лежала, глядя на солнце, играющее на подоконникѣ и полу; въ окно невѣрнымъ полетомъ влетѣли бѣлыя бабочки и вновь унеслись на свѣтъ; Сонечка перевела глаза и на стулѣ увидѣла приготовленное тонкое, въ кружевахъ, подвѣчное бѣлье; платье, заколотое въ простыню, лежало около, и на немъ стояла пара бѣлыхъ туфельекъ. Вечеромъ, ложась спать, Сонечка очень боялась увидеть поутру эти бѣлыя приготовленные для нея вещи и долго не тушила свѣчи, думая объ ужасныхъ подробностяхъ, рассказанныхъ Степанидой Ивановной тогда ночью. Думы эти растрвили ее и распалили; подобравъ подъ себя колѣни, зарылась она съ головой и уснула только на разсвѣтѣ.

Но сейчасъ съ радостью чувствовала себя ясной и спокойной; можетъ быть только въ страшной глубинѣ сердца у нея была какъ бы натянута струна.

Сообразивъ, что не стоитъ два раза на дню переодѣваться, Сонечка спустила на коврикъ маленькія ноги и осторожно развернула шелковые чулки.

«Пожалуй протрутся,—подумала она,—такая тонизна», изъ тумбочки вынула ножницы и, поднявъ къ подбородку

колѣно, стала подстригать ногти на ногѣ, но не коротко, какъ обычно, а округленно ихъ выравнивая; уличивъ себя на этомъ, Сонечка покраснѣла, подумавъ:

— Вотъ глупости, кому это нужно,—и подошла къ умывальнику. Здѣсь опять, вмѣсто ежедневнаго—казанскаго мыла, лежало въ новой серебряной мыльницѣ—французское...

— Какое душистое,—еще подумала она, и тщательно вымыла себѣ руки, шею и грудь; надѣла бѣлье и оставилась въ раздумьи, какое выбрать платье—подвѣчное или простое. Пока она такъ думала, вошла Люба неся на обѣихъ рукахъ зеленое шелковое платье, въ которомъ (Сонечка его сейчасъ же узнала) генеральша снималась еще молоденькой, множество разъ.

— Ахъ, барышня, вы ужъ встали,—ласково сказала Люба,—генеральша вамъ этотъ туалетъ къ утреннему чаю приказали надѣть. Всѣ еще спятъ, вы не торопитесь.

— Все равно, я погуляю,—сказала Сонечка, краснѣя, и съ помощью Любы, надѣвъ пахнущее старыми духами платье, вышла въ садъ.

Садовникъ поливалъ въ клумбахъ георгины и отцвѣтающіе уже левкой и резеду; Сонечка ласково поздоровалась съ садовникомъ и, осторожно, чтобы не оброститься, пошла по дорожкѣ къ пруду.

— Прощай, прудъ, прощайте, мои липы,—сказала Сонечка громко и оглянулась—не подслушиваетъ ли кто-нибудь. Но было совсѣмъ тихо и не кричали, улетѣвшіе на поля, молодые и старые грачи.

Она сѣла на скамейку, усмѣхнулась и сказала:

— Вы такъ и не пришли, а я выхожу замужъ. До свиданья. Оставайтесь съ вашей *высокой шляпой и чернымъ плащемъ*.

Проговоривъ все это, она сломила соломинку и стала

дразнить козявку, у которой на спинѣ было нарисовано красными точками глупое лицо.

— Сколько этихъ козявокъ у насъ дома, — подумала Сонечка, и сердце ея сжалось воспоминаніями всего милаго, тихаго дѣтства...

— Нѣтъ, — громко сказала она, — объ этомъ думать нельзя...—И опутивъ голову, сложивъ на колѣняхъ руки, надолго задумалась.

Чай пили всѣ по своимъ комнатамъ. Аванасій, состоя въ этотъ день при Николаѣ Николаевичѣ, суетился ужасно; чистилъ штiblеты, выколачивалъ платье; разболталъ всѣмъ про какія-то необыкновенныя поддѣжки съ колесиками. Нѣсколько разъ раздавался изъ окна голосъ Смолькова: «Аванасій», и Аванасій бѣжалъ, топя ногами такъ, будто безъ него вообще ничего не можетъ случиться.

Когда Сонечка вошла въ генеральшину комнату—Степанида Ивановна стояла посреди большого безпорядка. Повсюду валялись платья, бѣлье, пахло духами и, царапая носомъ о клѣтку, кричалъ попугай. Брови у генеральши были подведены отъ переносицы почти до ушей, лицо пятнами обсыпано пудрой и въ шиньонѣ торчалъ испанскій гребень.

— Одѣваться, мать моя,—воскликнула она,—фу, какъ все дѣлается не по-настоящему. Снимай платье, я тебя сейчасъ одѣну...

— Развѣ пора,—спросила Сонечка и на одну только минуту затрепетала,—хорошо, я сейчасъ,—генеральша ей помогла раздѣться и, оглянувъ строго, сказала:

— Ну, нѣтъ, это не бѣлье, Люба, достань изъ шифоньерки—ты знаешь какое—съ брюссельскими... Да поворачивайся, мать моя.

Затѣмъ поворачивая Сонечку, трогая и разглядывая, генеральша заборотала:

— Здѣсь родимое пятно, это хорошо; бородавку свести

придется: не на удачномъ мѣстѣ; я, признаться, думала что ты кособокая; а это что? Софья! Ты по крыжовнику что ли ползала? Стыдно... Загарь съ рукъ свести разсоломъ.

Затѣмъ, притянувъ къ себѣ пунцовую отъ стыда дѣвушку, генеральша шепнула ей на ухо такое, отъ чего Сонечка похолодѣла, ахнула и замерла, чувствуя — вотъ рухнетъ все призрачное ея спокойствіе.

Но она превозмогла себя и, со слезами на глазахъ, стала глядѣть въ сторону, предоставивъ генеральшѣ возиться и бормотать сколько хочеть.

Съ этой минуты все происходящее потеряло для нея значеніе. Какъ во снѣ, она одѣлась; пошла въ кабинетъ, гдѣ на коврикѣ опустилась передъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ на колѣни; приняла благословеніе походнымъ образомъ, съ надписью отъ полка; поцѣловала дрожащую, съ синими жилами, руку генерала; потомъ продѣлала то же передъ генеральшей; вмѣстѣ съ нею сѣла въ карету и поѣхала въ монастырь, гдѣ за оградой въ деревянной церквенкѣ долженъ былъ ее повѣнчать заштатный попъ.

По дорогѣ, глядя въ окно, замѣчала каждый кустъ близъ дороги; узнала на «Свинныхъ Овражкахъ» флагъ съ изображеніемъ пѣтуха, поставленный иждивеніемъ Павлины, и улыбнулась; вѣтка орѣшника со спѣлымъ орѣхомъ-тройчаткой задѣла ее по рукѣ; у монастырскихъ воротъ поклонились двѣ монашенки, какъ куклы; на желтомъ пескѣ сидѣлъ глупый воробей и колесомъ его чуть не задѣло...

Сонечка сама отворила дверцу, вылѣзла на паперть, помогла выйти генеральшѣ и, подъ руку съ нею, пошла по чистому половику, подбирая тяжелый шлейфъ. Въ церкви было ярко и зелено отъ листьевъ, льнущихъ извнѣ къ окнамъ, и солнце оттуда, разбитое на множество пыльных лучей, играло на золотомъ иконостасѣ... Сонечка

вдохнула запах ладана и свѣчей и стала молиться Сладчайшему Спасу.

Когда послышался шумъ въ дверяхъ, она догадалась, что это прѣхалъ Смольковъ, угадала его голосъ, но, когда онъ, весь въ черномъ, съ испуганнымъ лицомъ, всталъ подлѣ, прошептавъ: здравствуй! не узнала его и улыбнулась.

Священникъ началъ обрядъ; Сонечка вѣрила всей душой въ совершающееся таинство; когда приказали ходить,—словно полетѣла, не чувствуя пола подъ ногами; рука ея не ощущала чужой руки; глаза не видѣли ничего, кромѣ огня свѣчи, и, когда махнули кадиломъ, вдохнула грудью ароматный дымъ ладана; свѣтъ свѣчи, все увеличиваясь, разлился по всему ея тѣлу и кто-то сказалъ: невѣстѣ дурно.

Но она знала, что не дурно ей, а легко; только, боясь испугать добрыхъ людей, рѣшила она опуститься на землю и, стукнувъ туфелькой о плиту, почувствовала, какъ все тѣло покрылось капельками пота, рука Смолькова поддерживаетъ ее и наклоняются странные его глаза.

Служба не прерывалась и скоро пришла къ концу. Сонечку поздравили, а она все глядѣла на блѣдное лицо Николая Николаевича, думая:

— Какой же онъ мнѣ мужъ!

Въ каретѣ на обратномъ пути Смольковъ сказалъ:

— Наконецъ-то, милая моя Соня,—и поцѣловаль ее въ губы, а она, поднявъ брови, глядѣла, не отклоняясь, на эти, такіе близкіе, странные и страшные сейчасъ, полузакрытые глаза мужа.

Генераль и генеральша, прѣхавъ первыми, встрѣтили съ образомъ молодыхъ и повели къ столу. Всѣ громко старались шутить и смѣяться, а Сонечка, слушая ихъ голоса словно издалека, чувствовала ту же легкость, какъ въ церкви, и не притрогивалась къ ѣдѣ; шампанское же, пригубивъ, выпила весь бокаль и попросила еще.

— Она труситъ, поэтому пьетъ,—увѣряла генеральша, слишкомъ много смѣясь; поминутно чокалась она, пролила вино на скатерть, а генераль сказалъ:

— Жаль, что музыки нѣтъ, я бы пошелъ трепака!

— Все равно, выходи, выходи,—воскликнула Степанида Ивановна; покачиваясь, вышла на середину комнаты и подняла платочекъ.

— Эхъ, старина,—крикнулъ генераль, вскочилъ и лихо затопалъ ногами; генеральша покачнулась и, визгливо смѣясь, упала бы, если бы не поддержалъ Смольковъ. Генераль продолжалъ топаться... Сонечка, подперевъ щеку, глядѣла на нихъ и глаза ея были полны слезъ.

Послѣ обѣда всѣ, съ тяжелыми головами, не отдыхая, начали слоняться, и не знали, что начать, потому что дѣлать обычное казалось неловкимъ.

Въ саду, около веранды, собрались дворовые и парни съ дѣвушками изъ села—всѣ въ красныхъ и синихъ платьяхъ... По насюганію генерала Николай Николаевичъ вынесъ имъ четверть водки, а Сонечка подносъ, полный орѣховъ и пряниковъ. Дѣвушки, ставъ полукругомъ, прославили молодыхъ, захопали въ ладоши, и пошли плясать подгѣвая:

Ахъ ты, Дуня, Дуня, Дуня, Дуня, ду!
Била Дуня Ваню коломъ на леду!

Выискался музыкантъ на жалейкѣ и подхватилъ припѣвъ, тогда изъ толпы парней выскочилъ одинъ, кривоногій, схватился за шапку, крикнулъ и, загребая тяжелыми сапогами, сталъ писать кренделя. Сонечка, отыскавъ глазами въ толпѣ своего красавца парня, теперь добродушно смѣяшагося пляскѣ, подумала, что между ней и этимъ міромъ встала несокрушимая стѣна.

Къ вечеру народъ ушелъ и долго еще съ плотины слышались пѣсни и дѣвичій визгъ; въ саду и на верандѣ стало тихо; вздохнувъ, генеральша принесла шкатулку съ фото-

графіями и показала портреты еще живыхъ и давно умершихъ; Алексѣй Алексѣевичъ снять былъ множество разъ, и о каждой карточкѣ рассказывала генеральша задумчивыя исторіи.

Генераль, въ свою очередь, принесъ военную карту и описывалъ походъ черезъ Дунай.

Такъ старики дѣлали, что могли, развлекая молодыхъ. Когда же сошла ночь и отпили послѣдній чай на той же верандѣ Степанида Ивановна сказала:

— Дѣти, проститесь съ нами и подите спать. Люба васъ отведетъ въ вашу новую комнату, я своими руками постлала бѣлье и приготовила все, что нужно.

Николай Николаевичъ скрылся незамѣтно; Сонечка такъ смутилась, что стояла посреди террасы, словно ища помощи у людей. Степанида Ивановна обняла ее и, ласково уговаривая, повела.

Генераль остался одинъ; задумчиво всматриваясь въ тусклую, давно отгорѣвшую полосу заката, курить онъ трубочку и думалъ о невеселой своей жизни. Наконецъ вернулась жена, сѣла близко около него и вдругъ, вся собравшись въ комочекъ, сказала:

— Алешенька, приласкай меня, ты ужъ давно меня не ласкалъ...

Генераль бережно обнялъ Степаниду Ивановну, прижалъ къ себѣ и сталъ гладить по волосамъ...

— Вотъ мы и отжили свой вѣкъ,—сказалъ онъ.

Генеральша покачала головой:—не говори такъ,—молвила она,—намъ еще много предстоитъ впереди; только сердце у меня очень ноетъ...

Въ нижнемъ окнѣ праваго крыла дома, противъ веранды, зажегся свѣтъ; это была комната молодыхъ съ особой дверью въ садъ—бывшая гостиная.

— Свѣтъ у нихъ,—сказала Степанида Ивановна,—глухая дѣти...

— Мнѣ показалось, будто вскрикнули,—послѣ долгого времени спросилъ генераль...—ты ничего не слыхала...

— Дай то ей Богъ,—прошептала генеральша.

Спустя немного стеклянная дверь изъ комнаты, гдѣ былъ свѣтъ, звякнула, отъ стѣны отдѣлился Смольковъ и быстро зашагалъ на длинныхъ ногахъ черезъ клумбы къ верандѣ, зовя задыхающимся съ перепугу голосомъ:

— Степанида Ивановна, помогите, пожалуйста, моя жена безъ чувствъ, я, право, не понимаю...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Налегая ногой на желѣзную лопатку, Илья Леонтьевич Рѣпьевъ окапывалъ розовый кустъ, боясь повредить главные корни. Ночью морозило и нѣжную китайскую розу надобно было, завернувъ въ войлокъ, отнести въ подвалъ до весны.

На черную безрукавку Ильи Леонтьевича, на сѣдую его вьющуюся бороду моросилъ мелкій дождь. Трава стояла сизая, и листья березъ и липъ отяжелѣли отъ влаги. Разрытыя клумбы, вороха опавшихъ листьевъ и заросли шиповника пахли прѣлюю, и одинъ только Илья Леонтьевичъ двигался неспѣшно среди этого умиранія, покряхтывая, когда лопатка попадала на корень. Тогда онъ опускался на колѣни и пальцемъ отковыривалъ корешокъ, бормоча по давнишней привычкѣ вслухъ:

«Терпѣніе можно испытывать лишь до извѣстной границы. Я человѣкъ и могу быть слабъ духомъ и мое раздраженіе есть слабость, и это конечно нехорошо. Но разъ это нехорошо, не значить, что я не могу быть раздраженъ». И такъ далѣе.

Раздраженіе это началось недѣлю тому назадъ, когда, отправляясь на дворянскіе выборы, вспомнилъ Илья Леонтьевичъ, что дворянскій свой мундиръ отдалъ племяннику Михайлѣ поносить, и послалъ за мундиромъ посланнаго.

Михайла мундиръ прислалъ; развернувъ, увидѣлъ Илья Леонтьевичъ не новый свой мундиръ, а какой-то обшарканный, съ помятымъ воротникомъ и порванными шитьемъ.

Съ этимъ же нарочнымъ Илья Леонтьевичъ отправилъ Михайлѣ отвѣтъ:

«Я оставилъ тебѣ мундиръ поносить, и мнѣ обидно не то, что ты взялъ мой мундиръ, приславъ негодный, а обидна эта манера, взгляды на вещи. Горько видѣть, что у Рѣпьевыхъ такія легкія воззрѣнія на чужую собственность и прочее... и прочее»...

Спохватился Илья Леонтьевичъ, пославъ такое письмо, горько упрекнулъ себя въ мелочности и, упрекая, еще болѣе раздражился.

Затѣмъ съ Сонечкой и мужемъ ея, прѣхавшими третьяго дня, вышла тоже непріятность.

Не извѣстивъ заранѣе, подкатили они къ Рѣпьевскому дому на почтовыхъ лошадахъ, и во всей ихъ повадкѣ сразу былъ замѣтенъ беспорядокъ и разгильдяйство: на дочери и зятѣ надѣты не чапаны, какъ полагается въ распутъе, а какія-то подергайки; ящикъ содралъ съ молодыхъ втридорога и не позаботился даже прикрыть брезентомъ желтые чемоданы, которые промокли и облѣпились грязью; экипажъ къ тому же въѣхалъ колесомъ на клумбу, и прістѣжная жевала вѣтку тополя, посаженнаго хозяйской рукой.

Увидѣвъ все это Илья Леонтьевичъ не съ достаточнымъ радушіемъ встрѣтилъ молодыхъ. Сонечка очень огорчилась и притихла. А Николай Николаевичъ, осовѣлый отъ дальней дороги, наслѣдилъ на полу и въ цвѣтокъ натякаль окурковъ. Словомъ, вышло нехорошо и нелюбовно, причиной же всего былъ проклятый мундиръ.

Да и зять не то чтобы очень понравился Ильѣ Леонтьевичу, легкій былъ черезчуръ человѣкъ — попрыгунъ! —

такъ съ перваго взгляда опредѣлили его Рѣпьевъ, и кряхтѣль и крѣпился, и за эти три дня ни разу не поговорилъ душевно съ молодыми.

Ковыряя сейчасъ пальцемъ черную землю, обдумывалъ Илья Леонтьевичъ предстоящій разговоръ, тѣ обязательныя слова, которыя онъ, какъ отецъ, долженъ сказать имъ на долгую жизнь.

Наконецъ кустъ подался. Отряхнувъ отъ комьевъ, Илья Леонтьевичъ завернулъ его въ рогажу и отнесъ на верхній балконъ, почистилъ ноги о скобку, прошелъ въ умывальную и затѣмъ въ зальце, гдѣ за чайнымъ столомъ сидѣли Сонечка и Николай. ↵

— Не сѣуйте на меня, что не въ духахъ,—проговорилъ Рѣпьевъ, подставляя щеку дочери, потомъ Смолькову,—много сержусь за послѣднее время, и все больше на себя. Ну, а ужъ вы со старика не взыщите.

И потирая озябшія сморщенные руки подсѣлъ къ самовару. Смольковъ разглядывалъ ногти, чищенные сегодня разъ двадцать отъ скуки. Скука вообще здѣсь была непомѣрная. Сонечка, въ новомъ шелковомъ платьѣ, въ удобныхъ для ходьбы башмакахъ, чувствовала себя при отцѣ словно виноватой. Окна заплаканы. Въ зальцѣ полусвѣтъ.../

— Мы хотѣли пойти тебѣ помочь, папочка, да очень дождикъ,—сказала Сонечка,—ты не промокъ?

— Я-то не промокъ, а вотъ надобно мнѣ съ вами серьезно поговорить,—отвѣтилъ Рѣпьевъ и, коснувшись пальцами пальцевъ, наморщилъ и безъ того морщинистый большой лобъ. Съдая его голова была покрыта скуфейкой.

— Вы думаете, что я все хандрю, все сержусь. Неправда, я по натурѣ не хандрунъ и сердиться мнѣ на васъ нѣтъ основанія,—сказалъ онъ, поднявъ сѣрые, нахмуренные свои глаза,—у хандруна всегда въ глазахъ потемки, я же вижу ясно, и вы должны повѣрить моей опытности и не

считать меня за ворчуна. Всѣ мы подвержены паденію, потому что не страшимся неумѣстной гордости, которая погубила Перваго Ангела и которая въ насъ извращаетъ понятія. Мы считаемъ высокими и славными то, что насъ окружаетъ, тогда какъ все это—Божіе. Наоборотъ—наше внутреннее, истекающее изъ свободной воли будто бы подлежитъ какому-то слѣпому закону фатализма. Что за грустный выводъ. Какое извращеніе понятій. А почему? Потому что мы забываемъ: все вокругъ дано не намъ однимъ, но и нашимъ предшественникамъ и будущимъ поколѣніямъ; мы только отвѣтчики за большее или меньшее радѣніе о нашемъ имуществѣ. Отъ непониманія этой простой истины всѣ наши пламенные желанія наслажденій, для которыхъ нужно богатство; оттого душевныя бури, помраченіе разсудка и слѣпота передъ Милосердіемъ...

«Ого,—подумалъ Смольковъ,—старикъ-то кажется вотъ куда гнеть... Нѣтъ, братъ, на это меня ужъ ловили, ша-лишь»...

Илья Леонтьевичъ продолжалъ:

— Я не предлагаю вамъ итти въ монастырь, отнюдь нѣтъ, я всею душой за бракъ, за большое счастье, и твоя мать, Соня, покойная Прасковья Ивановна,—голосъ его на минуту осѣкся,—не разъ ѣздила въ пустынь отдохнуть въ тишинѣ обители отъ того, чѣмъ я ее окружилъ. Я за большую любовь, со всѣми страстями, съ грѣхомъ и съ мукой. Но только за большую, малая лишь есть удовольствіе, пустая утѣха. Все, что въ человѣкѣ есть отъ наивысшаго, отъ божественнаго до послѣдняго грязнаго пога—все должно быть въ большой любви. Только тогда проникнетъ она во все наше существо и преобразитъ его и мы познаемъ смерть и превзойдемъ ее. Отнынѣ одна ваша забота — пусть каждая жилка начнетъ любить. Все же остальное—о чемъ думаете, чего хотите и добиваетесь—

обманъ и миражъ. Врагъ человѣческой внушаетъ намъ цѣнность вещей, чтобы отвлечь духъ отъ главнаго, прельстить его блескомъ золота, ожесточить гордостью. Бойтесь говорить «я». Говоря «я», убиваете любовь и недаромъ слово ядь начинается съ этой дьявольской буквы...

Долго еще въ томъ же родѣ говорилъ Илья Леонтьевичъ, вертя въ закорузлыхъ пальцахъ березовую тавлиночку съ нюхательнымъ табакомъ: то стучала ею о столъ... «не говори—я, говори—мы», то грозилъ ею пространству... «это онъ, врагъ человѣческой, ослѣпилъ насъ гордыней», и наконецъ, дернувъ тавлинку за кожаный хвостикъ, просыпалъ на скатерть табакъ.

Николай Николаевичъ давно пересталъ слушать и глядѣлъ на мокрое окно, за которымъ дождикъ лилъ и лило на траву, на листья, на рыхлыя клумбы, шумѣлъ въ водосточныхъ трубахъ.

«Дѣйствительно, ничего другое и не придетъ въ голову человѣку—такая здѣсь мокрая тоска, отъ самого себя отречешься»,—думалъ Смольковъ.

Илья Леонтьевичъ, высказавъ основное и не слыша сочувствія, помолчалъ, побряхтѣлъ и ушелъ по хозяйству на скотный дворъ, гдѣ; по донесенію скотницы, шибко бодались бычки—пѣгій и черный. Сонечка проводила отца до сѣней, стараясь точно извиниться передъ нимъ въ чемъ-то; затѣмъ въ сосѣдней пустой комнатѣ у пыльнаго венеціанскаго зеркала, повѣшеннаго неизвѣстно когда и зачѣмъ, поправляла волосы.

Пыль, сырость и скука проникли во всѣ запусѣлыя комнаты рѣшевскаго дома, гдѣ повсюду въ штукатуркѣ торчали гвозди отъ висѣвшихъ когда-то картинъ; на большихъ диванахъ лежали связки книгъ, пыльные вещи, заколоченные ящики; полукруглыя окна въ залѣ засижены голубями, затканы паутиной. Все это осталось въ такомъ видѣ послѣ смерти Прасковьи Ивановны, когда

въ отчаяніи собрался Рѣшевъ ѣхать въ городъ, да такъ и не собрался, очистивъ для жилья своего и дочери три комнатки поменьше и потеплѣй.

— Можетъ почитать хочешь? Есть «Вѣстникъ Европы» за прошлый мѣсяцъ,—сказала Сонечка, входя и съ тревогой взглядывая на мужа, сидѣвшаго все тамъ же у стола передъ недопитымъ стаканомъ.

— Уволь, пожалуйста, отъ твоего чтенія,—отвѣтилъ онъ тоскливо,—отецъ очень странный человѣкъ, или онъ сердится, или знаешь... гмъ...

Онъ не сказалъ, что гмъ; Сонечка перебила:

— Папа хочетъ намъ добра, онъ очень хорошій и мудрый человѣкъ и совсѣмъ не сердится...

Смольковъ поднялся наконецъ, потянулся и, подойдя къ женѣ, погладилъ у нея подъ подбородкомъ:

— А въ общемъ ваша слякоть нагнала на меня собачью тоску. Знаешь, что я рѣшилъ—до моего назначенія въ Парижъ, надо бы у отца перехватить нѣсколько тысячонокъ. Сама посуди—не стану же я здѣсь доить коровъ.

— Конечно, ты правъ,—отвѣтила Сонечка,—папа непременно дастъ денегъ... Даже и просить нечего. Но мы здѣсь немного поживемъ... Когда начнутся заморозки—такъ хорошо и вольно. Длинные вечера, бесѣды... Ахъ, мы еще успѣемъ пожить въ городѣ. Папа какъ будетъ радъ... Подумай—осень, а онъ останется одинъ. Какъ тяжело ему...

Во время ея словъ Николай Николаевичъ отошелъ къ окну и забарабанилъ ногтями.

— Прости, отъ разговоровъ о душѣ и всемірной любви меня тошнитъ,—истерическимъ голоскомъ проговорилъ онъ и, засунувъ пальцы въ кармашки замшевой жилетки, повернулся на каблучкахъ. Выпуклые глаза его усталились на Сонечку. И подъ этимъ взглядомъ у нея похолодѣла

спина, поднялись плечи... Она пробормотала что-то насчет его раздражения, и опустила голову, чтобы не видеть страшных глазъ.

— Я раздражёнъ, да-съ,—повысивъ голосъ продолжалъ онъ,—вообще ваша рѣпьевская закваска мнѣ не нравится. Только дуры и старыя бабы могутъ разглагольствовать о любви въ шалашѣ, о разныхъ Эдипахъ и прочей дряни—прежде всего ты моя жена и, пожалуйста, не думай, что я терпѣливъ.

Въ сумеркахъ стало замѣтно, какъ Сонечка поблѣднѣла, ротъ ея пріоткрылся, она подняла руку и быстро опустила ее. Смольковъ фыркалъ носомъ:

— Мы здѣсь только по долгу родственныхъ отношеній. Кромѣ того намъ нужны деньги, и я свѣтскій человѣкъ, а не пастухъ; а впрочемъ дѣлай и думай, какъ хочешь...

Онъ засвисталъ легонькій мотивчикъ и прошелъ въ бібліотеку. Сонечка осталась одна, сѣла у окошка, опустила ослабѣвшую голову на ладонь и оцѣпенѣніе овладѣло ею, темная истинная грусть; твердо и сознательно повторила она про себя слова, о которыхъ боялась и думать:

— Не любить меня и никогда не любить.

Все это время съ самой встрѣчи со Смольковымъ въ Гцилопятахъ жила Сонечка какъ въ забытіи—все было притушено въ ней и заглушено, кромѣ перваго робкаго женскаго любопытства. Его-то и сумѣла использовать генеральша, на немъ то и развилась вся ея дальнѣйшая жизнь. Но этотъ новый обликъ былъ не ея, чужой, не настоящей. Сонечка минутами стыдилась своихъ словъ, одежды, движеній, недоумѣвала—какъ можетъ такъ-то поступить, точно это была и не она. Но когда слишкомъ больно задѣвало ее противорѣчіе, заглушала его словами: «такъ нужно, такъ хочетъ Николай».

Правда, первая же свадебная ночь едва не окончилась катастрофой, когда Николай Николаевичъ; оставшись во

флигелѣ наединѣ съ молодой женой, не говоря, даже не лаская, только поблѣвъ ужасно, схватилъ ее за плечи, приблизилъ ея лицо къ своему, съ трясущимся подбородкомъ, задышалъ, зажмурился и повалился вмѣстѣ съ нею на кружевную постель. Молчала и Сонечка, думая, что ее убиваютъ, не могла выдать крика изъ стянутаго спазмой горла. Упала свѣча. Кончился этотъ ужасъ глубокимъ обморокомъ, прибѣжала генеральша, поила каплями, ставила припарки и компрессы, отъ которыхъ Смольковъ сразу же охладѣлъ и прогулялъ, къ великой своей досадѣ, по парку до утра. И до поздняго утра плакала Сонечка, сначала надъ тѣмъ, что она оскорблена, и онъ такъ жестокъ, затѣмъ отплакавъ это, раздумалась, и уже съ новыми слезами принялась корить и унижать себя—значить, плохая она женщина и негодная жена. Это настроеніе Николай Николаевичъ и догадался использовать, добившись своего на другой день.

Первое время Сонечка думала, что сойдетъ съ ума отъ страха и отвращенія; но не сошла, а отвращеніе сгладилось. Николай Николаевичъ былъ веселъ и много шутилъ о предстоящей поѣздкѣ къ Рѣпьеву. Веселилась и генеральша и Алексѣй Алексѣевичъ, удержавшіе молодыхъ почти на недѣлю послѣ свадьбы.

Пріѣзжала мать Голендуха, бесѣдовала съ молодой о мірскомъ и о божественномъ, говорила: «эхъ, міряночка, блѣлая голубица, да кабы не грѣхъ—какъ бы я на свѣтъ родилась? А вѣдь и я тоже—созданіе божественное».— При чемъ такъ поворачивалась на стулѣ, что онъ скрипѣлъ. Въ общемъ—посоветовала побольше нарожать дѣтей и отбыла, оставивъ пятифунтовую просфору, такую же круглую и рыжлую, какъ сама мать Голендуха.

Бываютъ люди, готовые къ жизни уже отъ рожденія; они или достигаютъ высокой мудрости, или стремительно летятъ по духовной лѣстницѣ внизъ. Но такихъ меньшинство.

А всё мы, обычно, до поздних лѣтъ остаемся дѣтми, черная опытъ свой изъ страданій и ошибокъ. Мы точно приходимъ въ жизнь съ закрытыми глазами и робкой и вмѣстѣ жадной улыбкой. Добрыя чувства, которыми полна еще темная душа—могутъ неожиданно осуществиться въ недобрыхъ поступкахъ. Я еще не знаю, куда поверну—къмъ стану—анархистомъ, или монахомъ; каждая женщина—проституткой или святой.

Не то было хотя бы полъ столѣтїя назадъ—тогда еще крѣпко сжимали каждаго суровыя рамки правилъ и обычасвъ. Теперь выскочили изъ нихъ, но попали въ новую бѣду: гдѣ добро, гдѣ зло? Что можно, что нельзя? пусть говорить сердце. Но сердце смячено, бьется вплотмахъ и не отвѣчаетъ.

Такой смутой исполнена была душа Сонечки, сидѣвшей въ глубокомъ раздумьи у темнѣющаго окна.

Ей то казалось, что все происходящее между нею и мужемъ такъ и должно быть въ порядкѣ вещей, то вдругъ противно становилось и отъ себя и отъ какого-то совершеннаго надъ чѣмъ-то насилїя.

Слова Ильи Леонтьевича дѣйствительно были черезчуръ отвлеченны и темны. Надо было первымъ дѣломъ выяснитъ насущный и простой вопросъ: «любишь ли?» и тогда все станетъ ясно.

Николай Николаевичъ возился вдалекѣ въ библиотечной комнатѣ. Сонечка вздохнула въ послѣдній разъ и, заложивъ руки за спину (отцовская привычка), прошла туда.

Библиотека была узкая и высокая комната съ тремя окнами въ садъ. Въ простѣнкахъ и напротивъ вдоль всей стѣны стояли черныя шкапы, полные книгъ. Каминная труба съ давнихъ временъ была заткнута вороньимъ гнѣздомъ, поэтому зимой въ библиотекѣ было холодно. Въ диванѣ водились клопы, которыхъ завезъ, однажды спавшїй здѣсь, землемѣръ.

Николай Николаевичъ стоялъ, прислонясь къ шкапу; увидѣвъ жену онъ сказалъ:

— Знаешь, здѣсь тысячь пять томовъ и все духовные; ничего не нашель подходящаго,—и, швырнувъ книжку на столъ, зѣвнулъ, даже завылъ при этомъ.

— Тебя все раздражаетъ, Николай,—отвѣтила Сонечка, а я помню, какъ покойная сестра, отецъ и я сиживали по вечерамъ вотъ у круглаго стола, и папа читаль вслухъ. Я мало понимала и глядѣла только, какъ двигались у папы борода и кончикъ носа; такъ и засыпала въ креслѣ; а иногда, такая бывала смѣшливая, начну носомъ двигать и покажу сестрѣ: мы терпимъ, терпимъ, да какъ засмѣемся, папа захопываль книгу, и отсылать насъ спать, а на утро звалъ въ кабинетъ; это было очень страшно; папа сидѣлъ, опустивъ глаза, и барабанилъ пальцами, потомъ начиналъ отчитывать; разъ я стояла передъ нимъ больше часу и вертѣла коробку со спичками, онѣ вспыхнули, и у меня отъ страха отнялся языкъ; я два дня пролежала въ постели, а папа сидѣлъ около и рассказываль про бѣлыхъ волковъ, что ходять по ночамъ на пасѣку воровать медъ. А тебя эти книги только сердять...

Стало совсѣмъ темно. Сонечка ходила по комнатѣ, иногда только смутнымъ силуэтомъ появляясь напротивъ окна, за которымъ повисли тяжелыя и мокрыя вѣтви. Смольковъ курилъ, и огонекъ папиросы освѣщаль кончикъ длиннаго его носа...

— Николай, ты прости, но я раздумалась слишкомъ, мнѣ кажется, что наши отношенїя не ясны, понимаешь,—проговорила Сонечка и остановилась около мужа. Онъ переложилъ папиросу въ другой уголокъ рта и спросилъ:

— А? Ты о чѣмъ? прости, ты что сказала?

— Я говорю—мы съ тобой цѣлуемся, хохочемъ, вотъ скуцаемъ теперь, но я не знаю, любишь ты меня или нѣтъ,

честное слово Коленька,—голосъ ея дрогнуль... Николай Николаевич, кажется, усмѣхнулся.

— То-есть, я хочу сказать, нужна ли я для тебя душевно? Если бы не любилъ, то не былъ бы моимъ мужемъ, это я понимаю, а вотъ думаешь ли ты обо мнѣ, Коленька, жалѣешь ли? Мнѣ кажется—нѣтъ...

Она сама не понимала, какъ выговорила эти слова. И сейчасъ же, вглядываясь въ молчащаго Николая Николаевича, подумала:

«Молчать, я сдѣлала больно, страдаетъ, бѣдный, милый, не онъ, а я его мало люблю»—и, словно залившись жалостью и нѣжностью, Сонечка схватила его за руки, и уже нагнулась, чтобы коснуться ихъ губами, но онъ выдернулъ руку, отшвырнулъ папиросу и, отстранившись, сказалъ:

— Sophie, мы не дѣти. Нужно смотрѣть правдѣ въ глаза. Подобныхъ разговоровъ прошу не возобновлять. Ты не глупа, мой другъ, и должна понять, что я женился на тебѣ только съ отчаянія... Да, да, да,—онъ поднималъ палецъ, остановивъ ея восклицаніе,—я былъ принужденъ обстоятельствами, и если бы ты была уродъ, я все равно бы женился, но къ счастью ты оказалась хорошенькой. Мнѣ приятно съ тобой. Я думаю это все, что можно требовать... Я вѣдь не спрашиваю, для чего ты вышла замужъ за меня.

— Николай, ради Бога, что ты говоришь.

— Пожалуйста, безъ этихъ удивленій, трагическихъ «Боже мой...» Ничего дурного въ моихъ словахъ нѣтъ. Вышла ты за меня потому, что всякой дѣвицѣ нуженъ мужъ и мужчина. Не съ парнемъ стала бы жить! И вообще все, что произошло—нормально. Я тебѣ, надѣюсь, тоже приятенъ, и мы квиты. Но, милая моя, когда ты начинаешь на меня насѣдать, требовать «духовнаго общенія», получается гнусная ложь, отвратительная сахарная замаска. Филистерство. Дурной вкусъ. Я не желаю быть сутенеромъ, себя я не

продавалъ. Поэтому для меня такъ отвратительно все, что говорить твой отецъ. Довольно, оставьте меня...—Онъ вышелъ, сильно хлопнувъ дверью, и слышно было какъ черезъ нѣкоторое время грустно засвисталъ въ пустой и темной залѣ мотивчикъ:

«Юбки всѣ подняла.
Идеальный чулокъ
И нога идеаль»...

Сонечка опять осталась одна. Темнота спустилась во кругъ и въ сердце, и только дребезжалъ дождь негромко, да вѣтеръ подвывалъ въ вороньемъ гнѣздѣ.

Илья Леонтьевичъ возился все это время на скотномъ дворѣ, куда пришелъ въ сопровожденіи скотницы, румяной, пахнущей молокомъ, бабы, подоткнутой со всѣхъ сторонъ.

— Бодаются, Илья Леонтьевичъ, такъ бодаются,—жаловалась скотница, нашмыгивая слезы,—я за Микиткой бѣгала, а онъ говоритъ—къ барину кинься, я ничего не могу.

— Предупреждалъ я тебя, глупая баба,—бранился Илья Леонтьевичъ,—вотъ я тебя... Зачѣмъ бычковъ изъ закутки выпустила.

На скотномъ дворѣ, широкою и топкомъ отъ размоченнаго навоза, бодались, глухо поревывая и сопя, два чистопородныхъ бычка—черный и пестрый. Глаза ихъ налились кровью, а изъ низко опущенныхъ мордъ текла пѣна на взрытый навозъ.

Илья Леонтьевичъ, крича:—ца, ца, шельмецы!—подбѣжалъ къ пестрому и схватилъ его за хвостъ... Скотница же начала голосить, махая лопаткой.

— Чернаго лови, за хвостъ его, чернаго!—кричалъ Илья Леонтьевичъ.

Прибѣжалъ пастухъ Микитка, схватилъ чернаго за

хвостъ, а скотница принялась колотить лопатой по бычьимъ головамъ. Бычки кружились, а Илья Леонтьевичъ и Микитка летали вокругъ, держась за хвосты, пока не растянули.

— Эхъ,—сказалъ Илья Леонтьевичъ,—что за народъ!— и, взявъ Микиткино ухо, повторилъ:

— Будешь бычковъ заирать въ теплушку, будешь, неслухъ.

Затѣмъ, захвативъ фонарь, побрелъ по лужамъ и мокрой травѣ къ дому, гдѣ ни въ одномъ окнѣ не было свѣта.

«Сумерничаютъ,—думалъ онъ,—ахъ, дѣти, дѣти, дай-то Богъ вамъ соединиться въ любви, итти рука съ рукой въ любви и радости до конца дней»...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Смольковъ былъ мудръ во всемъ, что касалось удовольствій, поэтому всегда передъ сномъ мирился съ той женщиной, съ которой ложился въ постель.

Такъ поступилъ онъ и съ Сонечкой въ ночь послѣ разговора въ библиотекѣ. Ужинъ прошелъ въ молчаніи, Илья Леонтьевичъ дремалъ, намаявшись съ бычками, а Сонечка сидѣла, какъ истуканъ, опустивъ глаза, не притрогивалась къ ѣдѣ. Николай Николаевичъ покушалъ обильно и сейчасъ же ушелъ наверхъ, раздѣлся, закурилъ папироску и завелъ исподволь разговоръ и мужскомъ самолюбіи, о лишннихъ словахъ, какія говорятся въ гнѣвѣ, о торжествѣ ясной правды и о нелѣпости мистической лжи и прочее и прочее. Говоря онъ увлекся и голосъ его сталъ бархатный.

Сонечка медленно чесала волосы у зеркала, между двумя свѣчами. Она не отвѣчала и не слушала. Сердце сжалось и не отпускало, и холодная лѣнь овладѣла ею. Раздѣться и лечь казалось очень труднымъ. Она зашла за распахнутую дверцу шкапа и медленно сбросила платье. Николай Николаевичъ проговорилъ:

— Ну, ну, дѣтка, это глупо, иди же ко мнѣ, ты знаешь какъ я люблю тебя такой,—потянулся и захлопнулъ дверцу. Сонечка со злобой вскрикнула, прикрываясь рубашкой, сжавъ колѣни. Онъ было притянулъ ее къ себѣ, но она

уперлась руками, выдернулась и стала вдруг такой ненужной и некрасивой, что Смольков воскликнул, рванув на себя одѣяло:

— Ну, и убирайся! Холодная, какъ лягушка! Деревяшка!—И повернулся на бокъ, прикрывшись съ головой.—Тебя съ отцомъ на небо возьмутъ живьемъ! Ханжи!—И задулъ свѣчу.

Сонечка легла рядомъ, съ самага краю, положивъ руки поверхъ одѣяла, и стала глядѣть въ потолокъ. Она понимала, что не заснетъ до утра, и приготовилась лежать терпѣливо.

Илья Леонтьевичъ, передъ прїѣздомъ молодыхъ, позаботился съ устройствомъ спальни, приказавъ перенести сюда лучшую мебель, повѣсилъ на окно тюль, а по стѣнамъ набилъ березовыя вѣтки, чтобы мужъ и жена, просыпаясь, чувствовали себя будто среди природы—чисто и беззаботно. Смольковъ обозвалъ эти вѣтки вѣниками, а спально баней. Сонечка и это припомнила, лежа на спинѣ.

Спустя долгое время задремавшій было Николай Николаевичъ заворочался и потянулся къ ней. Сонечка еще отодвинулась, когда же онъ явно принялся приставать, встала, захватила подушку и легла на диванъ. Николай Николаевичъ ужасно разсердился, но склонить жену на примиреніе такъ и не смогъ. Въ общемъ онъ не придавъ ссорѣ никакого значенія. На утро принялся, какъ обычно, шататься по комнатамъ, курить папирсы и зѣвать до слезъ. Не поминала и Сонечка о ссорѣ, но стала сдержаннѣе и на ласки отвѣчала мягкимъ, но непреклоннымъ жестомъ.

А дождикъ все лиль и лиль, надоѣднй и гнилой; безцвѣтныя облака проносились надъ садомъ, задѣвая лохмотьями своими вершины деревъ. И земля, не принимая больше влаги, взбухла и стала оползать на неровностяхъ дорожекъ и клумбъ.

Молодые доживали вторую недѣлю въ Рѣпьевкѣ, Николай Николаевичъ раскладывавъ пасьянсы; разыскавъ монтекристо и повадилса одно время на чердакъ охотиться за рыжимъ котомъ, но такъ и не убилъ его.

Часто, подходя къ балконной двери, стучаль пальцами въ стекло и думаль, какъ бы половчѣй подѣхать къ проклятому старику насчетъ денегъ.

Сонечка, казалось, не замѣчала теченія унылѣйшей этой жизни или притворялась равнодушной.

Поутру вставала рано, умывалась холодной водой и спѣшила въ столовую, гдѣ сидѣлъ уже Илья Леонтьевичъ, попивая чай съ теплыми лепешками.

Сонечка цѣловала отца въ морщинистую руку, и, свѣвъ напротивъ, справлялась, какъ онъ спалъ и хорошо ли молился сегодня.

Если сонъ былъ сладокъ у Ильи Леонтьевича, а молитва горяча и сосредоточенна—онъ киваль головой, улыбался глазами изъ-за густыхъ бровей и спрашиваль въ свою очередь:

— Ну, а ты, дочурка,—счастлива?

— Счастлива, папочка, благодарю васъ,—отвѣчала она собирая крошки на скатерти и ссыпала ихъ въ чашку. Если же Рѣпьевъ былъ въ хандрѣ—на вопросы только кряхтѣлъ и трясъ бородой, суя въ чай жесткій сухарь.

Затѣмъ отецъ и дочь надѣвали резиновые плащи и отправлялись на дворъ по хозяйству. Илья Леонтьевичъ застреваль гдѣ-нибудь въ темномъ каретникѣ, или шель на скотный, и, замѣчая безпорядки, сердился, крича:

— Эхъ, кляузники!

А Сонечка уходила къ пруду, мутному сейчасъ и полноводному. Подъ старыми осокорями стоялъ плоть, покрытый опавшими листьями и мхомъ. Здѣсь простаивала она подолгу, какъ зачарованная, вдыхая запахъ увяданія и влаги, точно набиралась силъ для большой бѣды.

Къ раннему обѣду возвращалась иззябшая, съ порозовѣвшими щеками, и пепельные ея волосы были покрыты сѣточкой дождевыхъ капель.

Николай Николаевичъ только что просыпался къ тому времени и пилъ съ краю обѣденнаго стола жидкій чай-брандахлысть.

— Сколько ни сплю, все спать хочется, скучища такая, что всего переворачиваетъ,—говорилъ онъ, потирая блѣдное лицо, небритое уже нѣсколько дней.

Однажды Илья Леонтьевичъ спалъ послѣ обѣда, Сонечка была въ паркѣ, Николай Николаевичъ, упершись локтями въ столъ, зѣвалъ до слезъ, думая:

«Продаль я себя за мѣдный пятакъ. Молодой, впереди вся карьера, доскакался! Въ Питерѣ очень всѣ довольны, что отдѣлались, ни одной собакѣ ненуженъ. Дядюшка тоже хорошъ. Посадилъ бы я его сюда съ глазу на глазъ съ Людовикомъ XIV. Эгоисты».

Въ это время на кухню пришелъ кривой и мокрый мужикъ съ сумкой, изъ которой вынулъ письмо и телеграмму на имя Смолькова. Стряпуха вытерла передникомъ руки, шмыгнула и понесла письмо и телеграмму въ комнаты.

Телеграмма была отъ Ртищева, который сообщалъ, что Смольковъ назначается въ Парижъ атташе. Она кончалась: «Обнимаю. Въ Петербургъ не заѣзжай».

Николай Николаевичъ прочелъ ее семь разъ и подскокилъ, ударивъ себя сзади пятками.

— Ура! — воскликнулъ онъ,—жизнь! Парижъ! Свободень!

Затѣмъ съ любопытствомъ, нюхая и оглядывая, распечаталъ письмо. На розовомъ листкѣ каракулями было написано:

«Я слышала ты женился. Дуракъ. Викторчукъ-шулеръ выигралъ для меня въ клубѣ двѣнадцать тысячъ.

И я его бросила, теперь богатая. Люблю тебя прямо мираю. Приѣзжай. Женѣ своей письмо не показывай. Цѣлую тысячу разъ въ носикъ. Мунька».

Старымъ, разгульнымъ, безпечнымъ временемъ пахнуло на Смолькова отъ розовой записочки. «Звѣрюга,—подумалъ онъ,—вотъ эта женщина любитъ меня. Беру ее съ собой въ Парижъ».

И слезы даже выступили у него отъ благодарнаго миленія: «Свобода, Мунька! Парижъ».

И онъ оглянулся дико: «Господи, какъ можно еще хоть день прожить въ этой дырѣ».

Надѣвъ пальто, обмотавшись поверхъ шарфомъ, сунувъ ноги въ огромныя калоши, Николай Николаевичъ вышелъ въ садъ. Сонечка въ это время переходила отъ дерева къ дереву въ липовой аллеѣ и читала вырѣзанныя когда-то на корѣ стволовъ инициалы и надписи родныхъ и подругъ и знакомыхъ. Иныя буквы совсѣмъ заплыли, а тѣ кто старался запечатлѣть ихъ давно умерли.

Березы уронили почти всѣ листья, стояли прозрачныя, и небо сквозь вѣтви казалось особенно глубокимъ. Дождя не было и въ закатѣ разливалась узкая бергровая полоса...

— Моя дорогая,—сказалъ Николай Николаевичъ, беря Сонечку подъ руку,—я получилъ чрезвычайно важное извѣстие (онъ показалъ телеграмму). Нужно скакать немедленно... Дипломатическій корпусъ не станетъ дожидаться, пока я здѣсь прохлаждаюсь. Понимаешь—или посылать отказъ, или ѣхать завтра.

— Завтра, въ Парижъ, отсюда?—съ ужасомъ переспросила Сонечка,—а какъ же отецъ?

Она растерянно оглядывалась. Николай Николаевичъ, качая головой, морщился, глядѣлъ на березу, гдѣ было вырѣзано: «Катюша Ангелъ милый», и сказалъ со вздохомъ:

— Дѣйствительно, жалко старика. Взять его съ собой, а?

Тяжело ему будетъ. Хотя я готовъ.—Они медленно двигались по бархатной землѣ аллеи, оставляя слѣды,— я готовъ здѣсь хоть всю зиму прожить, но сама понимаешь—въ концѣ-концовъ мы всѣ обязаны служить государству. Не сдѣлать ли такъ: я поѣду вперед и устрою тамъ гнѣздышко. А въ ноябрѣ, декабрѣ прїѣзжай и ты. Но какъ я буду тосковать по тебѣ, Сонюшка, мнѣ уже и сейчасъ тоскливо.

У него былъ озабоченный, печальный видъ; снявъ калоши, онъ взошелъ на ступеньки балкона, Сонечка стояла внизу, отпустивъ глаза, сжавъ губы, блѣдная и спокойная.

— Я буду тебѣ писать каждый день, моя крошка, и при каждомъ письмѣ прикладывать бесплатно тысячу поцѣлуевъ,—у него даже навернулись слезы,—ты все-таки моя прелесть, очаровательная крошка! Другъ мой, поговори съ отцомъ. Быть-можетъ онъ сегодня же дастъ хоть часть денегъ... Хорошо?..

— Говори самъ,—отвѣтила Сонечка медленно,—вообще дѣлай все что хочешь. Уѣзжай на сколько тебѣ нужно времени, хоть навсегда.

Она повернулась и опять пошла въ садъ, въ глушь, къ березамъ. Тамъ на полинявшей зеленой скамейкѣ сѣла, опустила руки на колѣни и, не сдерживаясь, принялась молча плакать. Слезы капали часто, крупныя, точно капли съ листовъ, она ихъ не вытирала и не жалѣла.

Издали звать голосъ мужа: «Соня, Сонечка», затѣмъ затихъ. На мшистой крышѣ садовой сторожки кричали галки, толкаясь и усаживаясь на покой.

Въ тотъ же вечеръ Илья Леонтьевичъ, запершись въ кабинетѣ, щелкалъ счетами, рвалъ какія-то бумажки, кряхтѣлъ и, муся пальцы, считалъ деньги.

Окончивъ счетъ и завязавъ пачку кредитокъ, суммой на пять тысячъ пятьсотъ рублей, онъ, морщась, съ трудомъ

поднялся и подоидя къ образамъ, освѣщеннымъ тремя лампадами, потеръ себѣ лобъ, чтобы разгладить житейскія морщины.

Кабинетъ былъ низкій и штукатуренный, въ немъ стояли письменный столъ заваленный книгами, «сельскохозйственной газетой», мѣшочками съ сѣменами и стаканчиками, подсвѣчниками, баулочками изъ корельской березы; у стѣны—наглухо запертый книжный шкафъ; напротивъ узкая кровать, покрытая кошмой; да въ углу кюветъ. Здѣсь прошло 58 лѣтъ—вся жизнь, и пахло воскомъ, пылью и уютнымъ запахомъ чистаго старика...

Ликъ Спасителя обращенъ къ Ильѣ Леонтьевичу—темный и строгій. Въ минуты, когда Рѣпьевъ молился со всею страстью—неподвижный Ликъ словно окутанный благодатью—теплымъ мерцаніемъ лампады—утверждалъ: «Прошу все. Вѣрь въ Меня»...

Такъ и сейчасъ—нѣсколько минутъ созерцанія Сладчайшаго Лика вернули спокойствіе Ильѣ Леонтьевичу. Онъ пошелъ по коридорамъ и скрипучей лѣсенкѣ наверхъ къ молодымъ—у нихъ происходило неладное, суета и не любовь.

Сонечка, склонясь русымъ пробормомъ у свѣчи, пришивала пуговицу къ рубашкѣ мужа... Онъ, морщась отъ дыма полуизжованной папироски, укладывалъ чемоданъ; увидавъ же Рѣпьева, и особенно въ рукахъ его пачку денегъ, нагнулъ голову, словно говоря—нѣтъ, нѣтъ, не надо, не надо,—пошелъ и обнялъ старика.

— Такъ грустно, такъ тяжело, отецъ, подумайте—люблю ее какъ Бога—и вдругъ разлука.

Илья Леонтьевичъ высвободился, отошелъ на шагъ и молчалъ. Сонечка откусила нитку, расправила рубашку и, вставъ, положила ее въ чемоданъ. Затѣмъ оглянулась комнату (на Николаѣ Николаевичѣ ни разу не остановилась) и, взявъ отца подъ руку, прижалась къ нему ласково:

— Пойдемъ внизъ. Ты не пиль чаю. Николай уложится и безъ насъ,—сказала она и сошла съ Ильей Леонтьевичемъ въ столовую.

Тамъ подъ большой не ярко горящей лампой съла близко къ отцу, налила ему чаю, и сама положила сахаръ, и прибавила сливокъ, и, обхвативъ его руку у плеча, прижалась щекой. Илья Леонтьевичъ сидѣлъ ссутулясь, улыбаясь, чуть тряся съдой головой, точно кивалъ преогромной чашкѣ, на которой было написано: «пей три и еще трижды три». Когда же почувствовалъ сквозь рубашку горячую влагу слезъ, охватилъ Сонечку за плечи и, не повертывая головы, спросилъ:

— Какъ же у васъ это вышло все?

— Слава Богу что скоро вышло, не такъ больно,—отвѣтила Сонечка.

— Навсегда что ли разстаетесь?

— Съ нимъ навсегда, папочка. Я его не люблю и онъ меня совсѣмъ не любитъ...

Сбоку въ изразцовомъ очагѣ догорали полѣнья. Въ дверяхъ показался котъ, поднялъ хвостъ въ доказательство полного благодушія и отправился по своимъ таинственнымъ дѣлишкамъ въ глубь полутемной комнаты. Илья Леонтьевичъ проговорилъ измѣнившимся голосомъ:

— Не понимаю; нѣтъ я не могу понять такихъ отношеній.

Тогда Сонечка принялась рассказывать все, какъ было. Прошлое въ этотъ часъ представилось ей просто, ясно и безбольно. Точно не она мечтала въ гнилопятскомъ паркѣ о знакомцѣ въ плащѣ и высокой шляпѣ, не ее заставилъ покраснѣть красавецъ парень на молотѣбѣ, и не ее глаза заслонилъ ото всего свѣта Николай Николаевичъ, смутивъ первый дѣвичій сонъ.

— Когда я съ тобой, отецъ, мнѣ легко и не страшно. Чтобы ни случилось—не оставлю тебя до смерти. Теперь

я понимаю—для чего ты отпустилъ меня одну туда: нужно было, чтобы я пережила своими силами самое страшное—первый любовный туманъ. Теперь я вижу—влеченіе къ Николаю, влюбленность эта, мечтательность—было очень дурное чувство; даже и не чувство, а просто игра въ крови, парниковое настроеніе. Мнѣ не нуженъ былъ именно этотъ человѣкъ, и не человѣка я полюбила, да и не полюбила—а затуманилась. Потомъ ужъ спохватилась, начала прикидываться и лгать... Слава Богу онъ меня отрезвилъ. Удивляюсь только, какъ все безбольно и просто случилось. Должно быть я холодный и разсудочный человѣкъ, вотъ что... Мнѣ хочется одного, чтобы онъ поскорѣ уѣхалъ, сію минуту.

Понемногу Илья Леонтьевичъ повертывался къ дочери, и теперь глядѣлъ на нее внимательно, почти сурово. Глаза у Сонечки высохли, потемнѣли, лицо обтянулось, приобрѣло опредѣленную, строгую форму. Сонечка—дѣвочка—умерла; передъ нимъ сидѣла незнакомая, новая, но еще болѣе родная—женщина—дочь. Слова ея и ужасали и радовали:

— Я рада, отецъ, что миновало мое дѣвичество: это былъ туманъ, быть-можетъ, и сладкій и очень прекрасный, но злой и пагубный. Теперь я женщина. Если придетъ когда-нибудь новое чувство, то это будетъ любовь благословенная и ясная. А не будетъ любви, не найдется такого человѣка, кого бы я полюбила всего и человѣка въ немъ и ангела, и онъ бы меня не за одну вотъ эту опоганенную кожу мою полюбилъ, не будетъ этого—не надо любви никакой. Такъ проживу. И даже не очень плохо...

— Сонюшка, послушай, откуда у тебя такія слова взялись?—Спросилъ наконецъ Илья Леонтьевичъ.—Многое бы я и самъ такое сказала, да не смѣю, а ты рискнула. Такъ-то все такъ, но неужто не жалко тебѣ просто взять и разстаться. Онъ все же мужъ твой. Вънчались...

— Ахъ, отецъ, милый мой Илья,—и быстро наклонившись къ его колѣнамъ, Сонечка задрожала отъ горькихъ вздоховъ и заново вскипѣвшихъ слезъ,—конечно, мнѣ такъ тяжело, такъ больно... Ахъ, какъ было оскорбительно! Но Богъ съ нимъ, со всѣмъ съ прошлымъ! Не поминай... Помоги мнѣ... Ты долженъ вмѣстѣ со мной сказать, что все случилось хорошо, и слава Богу.

Рано поутру Николай Николаевичъ уѣхалъ. На прощаньи онъ сильно задумался—смутило его спокойное равнодушіе жены. Не было ли въ этомъ ужасной ловушки? И совсѣмъ уже онъ призадумался, когда оглянуль Сонечку съ птичьяго полета (подобное чувство предвосхищенной отдаленности бываетъ часто передъ разлукой). Она показалась ему и выше ростомъ, и похудѣвшей, и прекрасной, какъ никогда. Матовая, спокойная, съ милой улыбкой на овальномъ своемъ лицѣ, стояла она въ бѣличьей шубкѣ и платочкѣ на волосахъ, держа обѣими руками подъ руку Илью Леонтьевича. У крыльца къ тарантасу привязывали чемоданъ.

«Эхъ, чортъ, а не захватить ли ее съ собой... Охъ, кажется, упущу большое удовольствіе»,—подумалъ онъ, нерѣшительно берясь за козырекъ американской шапки. Но Сонечка первая сказала:

— Поѣзжай, Николай, прощай, голубчикъ,—и поцѣловала въ щеку, Рѣпьевъ въ другую, приказчикъ посадилъ въ тарантасъ, и лошади тронули по безшумной дорогѣ. Отъ колесъ полетѣли комья грязи. На поворотѣ въ аллею онъ оглянулся. Крыльцо было пусто и подошедшая собака обнюхивала слѣды. Сжалось сердце у Николая Николаевича, точно оторвалось что-то незамѣтно прильнувшее. «Э, пустяки, черезъ мѣсяцъ напишу письмо, прискачетъ»,—утѣшилъ онъ себя и завернулся въ чапанъ.

А Сонечка и Илья Леонтьевичъ, заложивъ за спину

руки, шагали въ ногу по просторной столовой и Рѣпьевъ говорилъ:

— Я думалъ надъ твоими словами. Ты права: нужно много страдать и всѣмъ жертвовать, пока ты не отыщешь на землѣ сокровище. Для этихъ поисковъ ты и родилась. И плохо тому кто не ищетъ.

И тою же ночью увидѣлъ Илья Леонтьевичъ странный сонъ: будто появилась въ комнатѣ его деревянная вещь, и послышался изъ нея голосъ, до того неясный, будто у говорящаго шипѣлъ костенѣющій языкъ. Говорящій мучился подняться и не могъ. Сквозь шипъ выскакивали обрывки словъ. Наконецъ онъ опрокинулся, захлопнулся крышкой и явственно произнесъ: «руби наотмашь!»

Въ ужасѣ пробудился Илья Леонтьевичъ, творилъ молитвы и чувствовалъ, какъ смертельной тоской сжимается старое сердце.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Степанида Ивановна, пригорюнившись, сидѣла у окна, за котормъ опадали желтые листья. Солнце къ восьми часамъ пригрѣло и только въ тѣни дома да кое-гдѣ подъ кустами синѣла отъ студеной росы трава. Много птицъ улетѣло за море; молодые уфхали и домъ опустѣлъ; Алексѣй Алексѣевичъ, шаркая туфлями, ходилъ по комнатамъ и вздыхалъ Богъ знаетъ о чемъ; лицо его все желтѣло и гнулась спина, что очень заботило генеральшу. Утомилась ли она за это лѣто, или осень слишкомъ опечалила ея думы, но только рѣже ѣздила Степанида Ивановна на раскопки, особенно съ тѣхъ поръ, какъ едва не прогнали отъ дѣла Афанасія, провравагося вконецъ.

Афанасій однажды, въ присутствіи генерала, принесъ ворону и, держа ее за крыло, увѣрялъ, что это и есть вторая примѣта—*орель*, черный же онъ оттого, что долго лежалъ въ землѣ. Генераль немедля вышвырнулъ Афанасія вмѣстѣ съ вороной за дверь, а изъ города выписалъ нѣмца-спеціалиста по землянымъ работамъ.

Нѣмецъ повелъ раскопки аккуратно; поставилъ солидные крѣпи, въ слабыхъ мѣстахъ вывелъ сводъ, нанялъ иныхъ рабочихъ и подкрѣпленной *жертвой* двѣнадцати *неторгованныхъ* пѣтуховъ, разомкнувшихъ закланіе, дѣйствительно нашель старые ходы подъ землей, идущіе зигзагами, принесъ генеральшѣ птичьи косточки въ прозе-

ленѣвшемъ горшкѣ и, наконецъ, выкопалъ грубо высѣченную изъ камня *человѣческую голову*, на лбу которой былъ начертанъ дальнѣйшій планъ. Оказалось, что голова эта, съ закрытыми глазами, стояла на половинѣ пути, и отъ нея подземелья шли въ глубину горы, страшно запутанныя и рухнувшія почти вездѣ. Раньше ноября нечего было и думать добратъся до главнаго подземелья, и генеральша сильно гнѣвалась на медленность работъ.

— Копаемъ,—говорилъ прокуренный табачищемъ нѣмецъ,—еще три аршина прошли, пожалуйста денегъ...

Не такъ разговаривали Афанасій и Павлина. Слова ихъ были *таинственны* и волновали генеральшу; каждое утро она ждала, бывало, съ нетерпѣніемъ рассказъ о Павлининомъ снѣ, а вечеромъ Афанасій приносилъ ей какіе-нибудь черепки и рассказывалъ, какъ едва не утянула какая-то сила подъ землю рабочаго мужика. У генеральши глаза выкатывались отъ ужаса и любопытства: «Я такъ и знала, это очень опасно. Они охраняютъ, но мы побѣдимъ»,—повторяла она.

Павлина жила въ своей каморкѣ за лѣстницей, но на глаза показывалась рѣдко и то для того только, чтобы наговорить на проклятаго нѣмца въ пользу Афанасія, мрачно прислуживавшаго у стола.

— Мнѣ и самой надоѣлъ нѣмецъ,—сказала разъ генеральша,—но какъ его прогнать, когда онъ честный...

Видя такое недовольство Степаниды Ивановны, Афанасій поступилъ рѣшительно; ночью вошелъ къ спящей Павлинѣ, завалился къ ней на лежанку и на ухо объявилъ, что онъ и есть *огненный бѣсъ*, всю жизнь искушавшій бабу.

Павлина обмерла, а бѣсъ ей сказалъ, что если завтра же не прогонятъ пузатаго нѣмца и къ работамъ не приставятъ раба Афанасія, то онъ—бѣсъ, обрушитъ всѣ вырытые ходы, а Павлину сволочетъ въ пекло.

— Хорошо, батюшка, все такъ будетъ,—вся дрожа, шептала въ темнотѣ Павлина, бѣсъ же царапнулъ бабу по спинѣ ногтями и ушелъ...

Павлина все это, конечно, подробно рассказала генеральшѣ и Степанида Ивановна тотчасъ рассчитала нѣмца, выставивъ резонъ, что нѣмецъ молъ непременно зацѣпить подъ землей за что-нибудь толстымъ своимъ животомъ да такъ тамъ и останется. Повеселѣвшій Афанасій уѣхалъ на работы и въ тотъ же вечеръ привезъ извѣстіе, что «гудить». Всѣ повѣрили и удивились, хотя никто не зналъ, что—*гудить*.

Но теперь, когда съ кладомъ дѣло было налажено, началась у Степаниды Ивановны новая забота—тайная и усиленная переписка съ однимъ старичкомъ-шведомъ. Это и было то главное и огромное *дѣло*, изъ-за котораго начала она рыть кладъ, для чего, какъ ей казалось, жила на этомъ свѣтѣ.

Съ каждымъ днемъ заботъ становилось больше, а силъ уже нехватало, съ трудомъ оканчивала генеральша свой день и засыпала тяжелымъ, глухимъ, какъ смерть, сномъ. И постоянно томило какое-то безпокойство; она приписывала это усталости и суетѣ.

Но съ каждымъ днемъ все болѣе волновала ее Алексѣй Алексѣвичъ: генераль таялъ какъ воскъ отъ огня и тосковалъ, не притрогиваясь ни къ какой работѣ.

Началось это со злосчастной продажи хлѣба; простудился ли тогда Алексѣй Алексѣвичъ, или сердце его, перенесъ ударъ, слишкомъ поддалось волненію, неизвѣстно, только пышные его усы и короткіе волосы на головѣ замѣтно стали рѣдѣть и ночью, лежа подлѣ жены, генераль часто стоналъ во снѣ.

Невеселыя мысли проходили сейчасъ передъ Степанидой Ивановной; облокотясь о подоконникъ, глядѣла она

на желтый листъ, повисшій на паутинѣ, и трясла головой въ кружевномъ чепцѣ, съѣхавшемъ на бокъ.

По коридору, медленно шаркая ногами, шель Алексѣй Алексѣвичъ, и генеральша прошептала:

— Какъ онъ ноги волочить сталъ, а прежде бывало вбѣжить на пятый этажъ и не задохнется.

Генераль медленно, нѣсколько разъ нажимая скобу двери, вошелъ, кротно улыбнулся и, показавъ попугаю палець, сказалъ:

— Что, братъ, видно осень пришла...

— Онъ хвораетъ,—поспѣшно отвѣтила генеральша,—совсѣмъ не разговариваетъ...

Генераль постоялъ немного и ушелъ.

Степанида Ивановна, наморщивъ лобъ, глядѣла на то мѣсто, гдѣ стоялъ мужъ; все ей представлялась сутулая его спина и жалостливая улыбка.

«Ахъ, сколько разъ я его огорчала,—думала она,—а онъ такой добрый; видѣтъ не могу какъ онъ улыбается; бѣдной мой Алешенька, прости меня!»

Степанида Ивановна положила руки на подоконникъ, и голову на руки, и застыла, слушая, какъ бродитъ генераль по комнатамъ, словно не находитъ мѣста.

— Что онъ все ходитъ, все ходитъ... Въ самомъ дѣлѣ у насъ пусто и скучно въ домѣ;—когда же спустя долгое время генераль вошелъ опять въ ея спальню, генеральша проговорила:—сядь, Алексѣй, расскажи, что съ тобой? отчего у тебя такъ ноги шаркаютъ. Больнѣ? Или скучно тебѣ?

— Странная вещь,—отвѣтилъ Алексѣй Алексѣвичъ глухимъ голосомъ,—я нигдѣ не могу найти мой носовой платокъ... Куда...—не окончилъ онъ и сѣлъ на стулъ.

Послѣ долгаго молчанія Степанида Ивановна услышала странные звуки, словно во рту генерала вертѣлся отъ игрушечнаго органчика валь.

Содрогнулась она, какъ бы отъ толчка въ спину, и тупыя иглы забѣгали по всему тѣлу; понимая, что смертельно испугалась, она взглянула: одинъ глазъ у генерала сталъ оловянный и выпучился, другой былъ закрытъ; ротъ и все побагровѣвшее лицо его перекосило; изъ лиловыхъ губъ вылеталъ странный звукъ.

— Ай!—закричала генеральша, махая на мужа руками, а онъ все клонился на правую сторону, пока не съѣхалъ на коверъ.

На крикъ генеральши прибѣжали слуги, подняли огромнаго Алексѣя Алексѣевича, онъ двигалъ одной лѣвой рукой и ногою, не говорилъ, а только шипѣлъ, вращая глазомъ, и положили на диванъ.

Степанида Ивановна, пронзительно вскрикивая, забилась въ рукахъ Павлины и Афанасія; увидавъ же, что генераль живъ и шевелить пальцами по краю тужурки, метнулась, стала подлѣ на колѣни, и быстро, словно смаживая пыль, загладила волосы его и лицо, говоря:

— Алешенька, оправься; другъ ты мой, скажи, что тебѣ больно; скажи, что пошутить; помнишь, бывало я покричу на тебя, а ты ляжешь на кровать и притворишься, что умираешь... Алешенька! Алексѣй, гдѣ болитъ у тебя? Сейчас компрессъ положимъ; Афанасій, вина принеси и воды горячей. Выпей вина; ротъ разожми; не можешь? Отчего не отвѣчаешь? Постой, я другой глазъ тебѣ открою, больно? Алексѣй, что съ тобой, да ты живъ ли? живъ?

Она обѣими руками трясла мужа за плечи и снова бормотала:

— Не огорчай меня, сдѣлай усиліе, оправься; посмотри, какъ я боюсь; доставь мнѣ удовольствіе; я умру отъ страха. Алексѣй! Посмотри—вотъ я разсердилась, ужогу на крыльцо, буду плакать... Доктора! За докторомъ послать! Скорѣе!—вдругъ крикнула она, побѣжала, вернулась и опять припала.

Афанасій поскакалъ въ село за земскимъ врачомъ. Степанида Ивановна, увидавъ, что Павлина снимаетъ съ генерала туфли, оттолкнула ее, сама раздѣла мужа, закутала въ теплый пледъ и сѣла у изголовья, поминутно наклоняясь.

Жужокать генераль пересталъ и открытый его глазъ, смягчивъ выраженіе испуга, полузакрылся; тогда генеральша, снявъ башмаки, на цыпочкахъ подошла къ образу, опустила на колѣни и прошептала:

— Отче нашъ... иже еси...—обернулась посмотрѣть на мужа...

— Отче нашъ... иже еси на небесахъ... Не такъ нужно просить—Ему душа надобна, Онъ не пойметъ, почему я не хочу отдавать Ему Алексѣя... Отче нашъ, повремени, онъ не уйдетъ отъ Тебя... Ахъ, Ты меня не слышишь...

И генеральша припала головой къ холодному полу. Такой се нашель, любовно кланяясь и потирая руки, докторъ. Генеральша поглядѣла на желтоватые, въ рыжихъ волосахъ, короткіе и твердые пальцы врача, стремительно поднялась и поцѣловала ихъ. Врачъ отпрыгнулъ, смутился и тотчасъ занялся больнымъ.

Глядя доктору въ глаза выслушала Степанида Ивановна, что, если не будетъ еще удара, генераль выживетъ, случится же,—тутъ докторъ тяжело вздохнулъ и, разведя ладони, поклонился,—тогда конецъ.

— Конецъ,—твердо повторила за нимъ генеральша.

Быстро сдѣлавъ все, что было прописано, она затворила дверь на ключъ и съ рѣшительнымъ лицомъ подошла къ Алексѣю Алексѣевичу, готовая на крайнее, но вѣрное средство, которое, пробудивъ въ генералѣ духъ, поднять и тѣло, ослабѣвшее отъ бездѣлья и тоски.

— Алексѣй, — сказала Степанида Ивановна торжественно,—я открываю тебѣ тайну. Алексѣй, фамилія Брагинныхъ по женской линіи есть, престолонаслѣдная вѣтъ

шведскихъ королей Бернадотовъ. Теперешній король Бернадотъ бездѣтенъ и скоро умереть, послѣ него единственнымъ наслѣдникомъ престола явишься ты. Для этого все предварительное сдѣлано, остается теперь объявить себя претендентомъ, опираясь на русскія войска... Ты узналъ все и перстъ Всемогущаго указалъ на тебя: Алексѣй, корона шведскихъ королей, потерянная Карломъ Двѣнадцатымъ, утаенная Мазепой, *въ моихъ рукахъ*, Алексѣй, встань!

Сказавъ это, Степанида Ивановна, сверкая глазами, подняла палецъ; волненіе ея, должно быть, передалось Алексѣю Алексѣвичу и, когда генеральша приказала: встань! онъ здоровой рукой оперся о кровать, приподнялся до половины, вдругъ икнулъ громко, закинулъ голову и повалился съ дивана на коверъ... Свѣвъ около мужа, генеральша стала ногтями царапать себѣ лицо, потомъ легла на Алексѣя Алексѣвича и застыла такъ на много часовъ...

Омытый, одѣтый въ полный парадный мундиръ, со всѣми аксельбантами и орденами, сложивъ на груди большія ладони, третій день лежалъ Алексѣй Алексѣвичъ въ залѣ на столѣ, и третьи сутки сидѣла генеральша не раздвѣваясь и не смыкая глазъ.

Павлина, опухшая отъ слезъ и довольная, что сподобилась походить за такимъ покойничкомъ, распорядилась похоронами и всѣмъ хозяйствомъ дома. Монашенки попеременно читали, стоя у аналоя въ изголовьи, между двухъ высокихъ свѣчей, третья свѣча свѣтила въ застывшее лицо генералу; невѣрный ихъ свѣтъ смутно озарялъ большую комнату, съ закрытыми ставнями, завѣшенные чернымъ зеркала, дубовый гробъ и маленькую генеральшу, скорбленную на своемъ стулѣ.

Сложивъ руки на колѣняхъ, склонивъ голову, терпѣливо ждала Степанида Ивановна, когда въ столовой пробьютъ часы, тогда приподнималась и заглядывала

мужу въ лицо, зная, что Алексѣй Алексѣвичъ, очнувшись, улыбнется ей своими спокойными, совсѣмъ еще живыми губами и облизнетъ на нихъ полоску сукровицы.

Но ни одинъ волосъ генерала не шевелился, хотя сквозь желтую кожу щеки какъ будто проступалъ румянецъ: можетъ-быть игралъ это свѣтъ свѣчи.

Генеральша терпѣливо садилась опять и ждала, иногда жалобно въ недоумѣннн улыбаясь.

На третьи сутки появились въ комнатѣ священникъ, дякъ и мужики; отворили всѣ двери и ставни, въ который ворвался день и отъ синяго его свѣта генеральъ сразу позеленѣлъ. Степанида Ивановна испугалась и отошла къ стѣнѣ; священникъ облачился въ бархатную съ серебромъ ризку, дякъ кашлянулъ въ кулакъ, забасилъ густо, и всѣ молясь заплѣли, а генеральша думала, что Алексѣю Алексѣвичу пріятно слышать, какъ о немъ заботятся...

Наконецъ, Павлина брякнулась около гроба и всѣ пошли прикладываться къ мертвой рукѣ. Парни, съ бѣлыми полотенцами, толкаясь, отодвинули свѣчи и подняли гробъ на плечи; генеральша подбѣжала за ними и умоляла поосторожнѣе браться, не толкать и не тревожить милаго Алешеньку. Топоча, его понесли ногами впередъ въ раскрытую на обѣ половинки стеклянную дверь.

— Куда вы?—спросила генеральша, но ей не отвѣтили и все несли съ крыльца на дворъ, черезъ плотину по дорогѣ въ гору, мимо «Свиныхъ Овражекъ», въ монастырь.

За гробомъ по желтому полю тянулись крестьяне, съ боковъ дороги бѣжали мальчишки, а впереди всѣхъ, покрывшись отъ накрапывающаго дождя мѣшкомъ, плелся лысый попъ съ кадиломъ и пѣли монашенки, словно ангелы, опечаленные смертью.

Спотыкаясь, спѣшила генеральша за гробомъ и удивлялась—чего она не понимаетъ и для чего нужно ей такъ далеко бѣжать на одеревянѣлыхъ ногахъ.

Въ церкви подошла къ ней мать Голендуха и, поцѣловавъ въ губы, измочила слезами, такъ что генеральша отерлась платочкомъ. А послѣ службы, опять споря и толкаясь, понесли парни Алексѣя Алексѣевича на мокрый лужекъ и, опустивъ гробъ, наложили крышку, заколачивая гвозди молоткомъ.

— Тише вы, отчаянные,—сказала имъ генеральша и заглянула въ глубокую яму... Туда не веревкахъ опустили гробъ, и священникъ первый бросилъ горсть земли.

— Вы въ него землей бросаете?—спросила генеральша и снова заглянула внизъ, гдѣ на глинистомъ днѣ лежалъ Алексѣй Алексѣевичъ,—какъ можно, онъ всегда привыкъ спать на мягкой постели...

Она раскрыла широко глаза и часто-часто затрясла головой: поняла наконецъ то, что всѣ эти дни было отъ нея скрыто; не въ силахъ вскрикнуть, подобрала она платье, чтобы прыгнуть внизъ къ мужу, не оставить его навсегда одного. Но Степаниду Ивановну схватили и повели къ экипажу... Она вырвалась и опять побѣжала. Тогда ее съ руками закутали въ пледъ, положили на лошадей и погнали, и долго еще крестьяне, неторопливо расходясь, слышали удаляющійся по дорогѣ тонкій крикъ:

— Алексѣй! Алексѣй!

Дома генеральша обезпамятѣла и Павлина спрыснула ее съ угляка; это помогло, и Степанида Ивановна, какъ каменная, пролежала до вечера въ неубранной постели. На закатѣ внезапно поднялась, оправила платье и, кликнувъ Павлину, пошла со свѣчей по комнатамъ, заглядывая во всѣ углы...

Такъ обошли онъ весь низъ дома, гдѣ въ необитаемыхъ покояхъ пыльные окна были затканы паутиной, поднялись въ Сонечкины антресоли, спустились по скрипучей лѣсенкѣ обратно и остановились передъ кабинетомъ.

— Какъ ты спалъ, хорошо? — сказала генеральша

громко,—голова не болитъ? А у меня, знаешь, самое темя ломить...—И одна вошла въ кабинетъ.

А Павлина поползла по коридору, не помнила, какъ отворила дверь и кинулась на кухню, гдѣ сейчасъ же рассказала, что генеральша разговариваетъ съ мертвымъ баринномъ.

Въ кабинетѣ Степанда Ивановна поставила свѣчу на курительный столикъ и прилегла на диванъ, говоря:

— Знаешь, Алексѣй, любовь наша такая же сильная, какъ и раньше. Я много передумала за эти дни и рѣшила, что несправедливо тебя обижала; я хочу сегодня попросить прощенья.

Она оглянулась, вздохнула коротко, посидѣла еще, пригорюнясь, и побрела къ себѣ, сказавъ въ дверяхъ:

— Спи спокойно. Господь съ тобой.

У себя она затворила окно, черезъ которое дождь наплюхалъ на коверъ. Сильный вѣтеръ раскидывалъ сучья въ саду и, среди шума деревьевъ, въ темнотѣ скригѣла сосна.

Присѣвъ передъ зеркаломъ, Степанида Ивановна сняла чепецъ, изъ флакона налила на плечи и грудь густыхъ духовъ и, поднявъ свѣчу, стала, близко наклонясь, разглядывать свое лицо.

— Ничего еще,—сказала она,—я все-таки хороша. Особенно когда наряжусь.

Заячьей лапкой ярко нарумянила она щеки и уши, подвела дугою брови и надѣла парадную наколку изъ кружевъ.

— Видишь,—сказала она и жеманно улыбнулась,—это еще не все.—Вынула темно-красные кораллы, округлила ихъ кругомъ шеи, въ лѣвую руку взяла кружевной платочекъ, правую подняла и, погрозивъ пальцемъ, оглянула всю себя въ большее зеркало, тряся головой. Потомъ зажгла два канделябра на стѣнѣ, легла на постель и, повертѣвшись, вдругъ проговорила громкимъ шопотомъ:

— Я готова,—Что же ты не идешь?

Прошло время, и генеральша зашептала:

— Знаешь, Алексѣй, я почему-то все вспоминаю походить на Дунай; ты приходилъ усталый въ палатку и сейчас же засыпалъ, а на мнѣ было черное платье съ короткими рукавами, я садилась подлѣ тебя и все глядѣла; у тебя во снѣ усы путались и нельзя было не любоваться тобой. Теперь мнѣ очень жалко, что умерла наша дочка; ее вѣдь застрѣлили турки. Она очень мило перебирала передъ носомъ крошечными пальчиками... Алексѣй, я вотъ уже часъ, какъ разговариваю, а ты не идешь. Тебя навѣрно задерживаютъ по этому дѣлу. Пожалуйста, сразу не соглашайся быть королемъ, откажись по крайней мѣрѣ одинъ разъ, потребуй, чтобы весь народъ просилъ тебя взойти на престоль. У меня много жемчуга. Ты вѣдь знаешь, жемчугъ умираетъ, если его не носить на тѣлѣ, а въ землѣ опять оживаетъ. Мой жемчугъ двѣсти лѣтъ лежалъ подъ землей. Алексѣй, для тебя я добыла изъ земли всѣ сокровища... Иди. Что ты медлишь!

Генеральша прислушалась; вѣтеръ хлесталъ дождемъ въ окно, обсыпалась штукатурка въ печной трубѣ, и выль уголь дома.

— Алексѣй, можетъ-быть ты меня обманываешь,—приставъ сказала генеральша,—можетъ-быть къ тебѣ пришла она. Я понимаю твою комедію. Ты подстроилъ, чтобы тебя похоронили и тамъ встрѣтился съ ней. Она всю жизнь душила меня по ночамъ, а теперь смѣется... Иди ко мнѣ... Толкни ее... Это ты его убила... Алексѣй, Алексѣй...

Вскочила генеральша съ кровати и затопала босыми ногами, сжавъ кулачки.

— Ты пользуешься случаемъ, чтобы обмануть... Я накажу тебя...

Степанида Ивановна, стремительно отворивъ дверь, побѣжала въ кабинетъ, протянувъ руки, оцупала пустой

диванъ, кресло, углы за шкапами, остановилась, тяжело дыша и сообразила:

— Они не здѣсь, а тамъ, у церкви на погостѣ встрѣтились...

Снявъ со стѣны двухствольный пистолетъ, поспѣшила генеральша въ прихожую, накинула пледъ и отворила стеклянную дверь на веранду. Мокрый вѣтеръ подхватилъ ея покрывало, сорвалъ, изсѣкъ дождемъ, закрутилъ ея изсохшее тѣло, и, обезиленная, упала Степанида Ивановна на холодныя плиты.

— Дверь будто звякнула,—вздрагнувъ прошепталь Афанасій, сидя на лежанкѣ,—слушай-ка, крикнули, не случилось ли бѣды какой съ нашей барыней: Павлина, пойти, посмотреть...

Снявъ со стѣны коптилку, пошли они, подсовывая другъ друга, пугаясь скрипящихъ половиць, туда, гдѣ подъ дождемъ лежала, разметавшись, обезумѣвшая генеральша.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Хозяйскія хлопоты подходили къ концу; уже рубили капусту близь людской; кололи свиней и засаливали на зиму запасы; въ ригѣ не спѣша домолачивали ячмень, и Рѣпьевъ вернулся изъ города, хорошо продавъ урожай нынѣшняго года. Въ его отсутствіе Сонечка отъ самой зари до поздняго вечера сама ходила со связкой ключей и въ амбары, и въ кладовыя, и на погребницу; когда же вернулся отецъ—весь день стали проводить на диванѣ за книгой.

Въ Сонечкиной головѣ происходила сложная работа—нужно было припомнить до мелочей всю свою недолгую жизнь съ мужемъ и чего-нибудь понять изъ всей этой «кувырколегіи», какъ выразился недавно Илья Леонтьевичъ, пришедшій вновь и надолго въ отличное расположеніе духа. Рѣшимость Сонечки и внезапное проясненіе, въ день отъѣзда Смолькова, прошли, и съ каждымъ днемъ грустнѣе думала она о себѣ. Смолькова же даже не вирила; настолько—онъ казался далекимъ и безразличнымъ, какъ-будто было двѣ Сонечки—одна сидѣла въ сумеркахъ съ нераскрытой книгой на огромномъ, проѣденномъ мышами, диванѣ, въ кабинетѣ у отца, другая еще совѣмъ недавно выкидывала «кувырколегіи» съ чужимъ ей чело-вѣкомъ, одурѣвала какъ кошка, какъ мечтательный поросенокъ и прочее... «нѣтъ это была не я, не я»—повторяла

Сонечка, и пожалуй вотъ къ той второй чувствовала настоящую вражду.

Проходили дни однообразно и невесело. Суета на усадьбѣ замирала, отрубили капусту, и ячмень весь съсыпали въ закрома; небо было затянуто безцвѣтной пеленой; отъ раннихъ заморозковъ пожелтѣла и опала листва; за окнами пролетали неуклюжія вороны, какъ тряпки по воздуху, а Сонечка не только ничего не рѣшила, но воспоминанія острѣе теперь уязвляли ее, и казалось невозможнымъ отдѣлаться отъ «сентиментальнаго поросенка». И вмѣстѣ съ той другой приблизился и Николай Николаевичъ. Сонечка обвиняла его теперь, возмущалась имъ, называла чудовищемъ, и иногда, вся красная, отворачивалась, когда входилъ въ комнату Илья Леонтьевичъ, держа березовую тавлинку, чтобы на досугѣ, присѣвъ около милой дочки, помолчать и нюхнуть «на страхъ врагамъ».

Однажды, когда они сидѣли такъ, въ любимый часъ Рѣпьева, въ сумерки и съ села долеталъ медленный звонъ, Илья Леонтьевичъ покряхтѣлъ и проговорилъ не спѣша:

— Что-то мнѣ сонъ изъ головы не идетъ; будто посту-чались тогда ко мнѣ; ужъ не померъ ли кто изъ моихъ друзей? Ломаю голову—кто?..—Онъ взялъ Сонечкину руку, похлопалъ и продолжалъ, —нехорошо, когда въ безпокойствѣ помираетъ чело-вѣкъ—тогда уже и не смерть, не избавленіе, а убійство надъ собой. А, если ты покойна, Сонюрка, и у тебя все чисто внутри, нигдѣ нѣтъ заваловъ никакихъ и грязнаго тряпья—тогда никакая смерть тебѣ не страшна, хоть сейчасъ ударъ громомъ.—Онъ помолчалъ, вздохнулъ и крѣпче сжалъ ея руку, —ты все думаешь, дитя, разобраться одна не въ состояніи. Хочешь помогу?

— Ахъ, Боже мой, мнѣ несосно. Я думала—оборвала съ прошлымъ и забыла. А сейчасъ еще тяжелѣе, чѣмъ при Николаѣ,—отвѣтила Сонечка съ тихимъ отчаяніемъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, Сонюрка, что не такъ легко расчитываться со старымъ. Тебя потянуло устроить «кувырколегію» и я не препятствовалъ, хотя чувалъ, что кончится не добромъ. Въ этихъ дѣлахъ совѣтомъ не можется. Закусила дѣвка удила—держи вожжи—только, чтобы не въ оврагъ кувыркомъ. А теперь вдумайся хорошенько—что ты натворила? Натворила грѣхъ и очень жестокой, сама понимаешь какой, а если не поняла, такъ прости назову—блудь! (Сонечка хотѣла принять руку, но онъ не пустилъ). Грѣшна и передъ собой и передъ Николаемъ. Его не вини, и не старайся оправдываться. Прими грѣхъ, познай его силу. Еще не согрѣшивъ ты не была человѣкомъ; дитя, какъ цвѣтокъ, какъ птица—ты не была достойна войти въ человѣческія врата. Не обольщай себя гордыней: будто нѣтъ въ тебѣ грѣха и не будетъ. Безъ грѣха одинъ Господь. А тебѣ отпущень мѣрой грѣхъ, исполни его и воспылай тоской по чистотѣ. Только въ такомъ огнѣ калится душа.

— Не понимаю, отецъ,—сказала Сонечка,—неужто нужно грѣшить, по-твоему?

— Нѣтъ! Жить нужно, не боясь, не брезгуя загрязнить подолъ на дорожкѣ... А загрязнишь—вини себя. И падай и вновь поднимайся... Пока духъ твой не станетъ нищимъ... Не бойся расточить всѣ свои земныя сокровища, все равно—время имъ лѣто, а цѣна—горсть земли.

Онъ замолкъ, Сонечка затихла, сидѣла въ углу дивана, подобравъ ноги подъ платьемъ.

— Ты что же думаешь къ нему вернуться?—спросилъ Илья Леонтьевичъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила Сонечка...

— А полюбить бы ты хотѣла?

— Что ты, избави Богъ...

Илья Леонтьевичъ негромко и радостно засмѣялся:

— Вотъ видишь—теперь ты стала строга... Почуяла,

каково это полюбить,—мудреная и серьезная вещь. Ну ничего—поживи, построжись. А зимой, Сонюрка, думаю—махнемъ-ка мы съ тобой въ городъ до Пасхи. Пообсмотришься—Богъ знаетъ, возьметъ и кинетъ тебя куда-нибудь; съ большой, съ горячей душой—вездѣ хорошо... Хоть замужъ, хоть на службу, хоть въ актрисы. Весело жить, Сонюрка, дочка ты моя, разлюбезный другъ...

Сонечка такъ же молча повернулась къ отцу, обхватила руками за шею и, прижавъ, стала цѣловать въ щеки, въ бороду, въ глаза, въ старые виски.

Въ тотъ же вечеръ привезли почту и съ нею было получено странное и скорбное письмо. Писала мать Голендуха:

«Во Имя Исуса Христа. Любезнѣйшая дочь моя, Софія, приключилось у насъ великое горе—генерала Алексѣевича нашель Господь въ возрастѣ сына царствія Божія: генераль Богу душу отдалъ. Аминь. Передъ смертью языкъ у него вертѣлся какъ въ шарманкѣ—соблазна ради, по великимъ грѣхамъ нашимъ. Однако былъ погребенъ съ благочестіемъ. Старуха же Степанида Ивановна и совсѣмъ ополоумѣла. Не знаемъ, что съ нею дѣлать. На весь уѣздъ срамъ. Монашки мои, дуры, чистыя стали сороки. Народъ не столько молится къ намъ течеть, сколько ихъ безстыжю болтовню слушать. Видно за грѣхи помутилась моя голова, не рада что и связалась съ генеральшей. Увезите ее, Христа ради, въ лѣчебницу или на кислыя воды, говорятъ отъ дури хорошо помогаетъ. Въ Гнилопятахъ потокъ и разореніе, воруютъ кому не лѣнь. Простите и прочее».

Извѣстие о смерти Алексѣя Алексѣевича потрясло Сонечку и еще больше Рѣпьева. Припомнилъ онъ давешній сонъ и взволновался сильнѣе всего тѣмъ, что генераль, какъ ему казалось, умеръ неуспокоеннымъ, въ великомъ смятеніи, именно не «въ возрастѣ сына царствія Божія».

На утро Илья Леонтьевич и Сонечка собрались и выѣхали въ Гнилопаты, гдѣ мучилась одинокая, покинутая всѣми, генеральша.

Афанасій и Павлина подняли тогда ночью Степаниду Ивановну, лежавшую на проливномъ дождѣ, натерли водкой и водку же влили въ стиснутый ея ротъ, раскрывъ зубы ножомъ.

Докторъ, прискакавшій къ утру, думалъ, что настала генеральшѣ конецъ, «крышка нашей благодѣтельницацѣ», какъ повторяла Павлина, скуля на своей лежанкѣ, но Степанида Ивановна черезъ недѣлю встала, и только маленькое ея лицо, до костей изсушенное лихорадкой, огромные, въ глубинѣ черепа, глаза и засохшія полоски губъ незакрывающихъ десенъ показывали, что горить еще въ птичьемъ ея тѣлѣ послѣдній огонь, и спокойно генеральша не уйдетъ въ землю.

Днемъ Степанида Ивановна лежала на постели, не отвѣчая на слезливыя словечки Павлины, ничего не пила и не ѣла, а вечеромъ, словно поднятая рукой, вставала и, волоча по коврау смятое и порванное лиловое платье, ходила по спальнѣ, говоря вслухъ:

— На твою душу, Алексѣй, падетъ мой новый грѣхъ, ты самъ доведь меня до него. Знай—земля не успокоитъ меня, пока я тебѣ не отомщу.

И, заламывая руки, шептала:

— Видѣть не могу эти стѣны, и двери скрипятъ. Охъ, уѣхать, уѣхать,—и въ тоскѣ шла по комнатамъ. Въ залѣ, отогнувъ на большомъ зеркалѣ траурный креплъ, всматривалась въ себя, и дѣловито охорашивалась, и была похожа на маленькую, густо нарумяненную, дѣвочку, съ трясущейся головой и оскаленнымъ ртомъ. Ревность, злоба, неутоленные желанія изглодали ее, высушили какъ корешокъ. И вся воля была устремлена на одно—ото-

мстить: «Алексѣй нарочно завезъ меня въ эти проклятыя Гнилопаты, бросилъ одну, обманулъ, надругался и тамъ сейчасъ тѣшится со своей первой... Погоди, погоди,—добра генеральша,—ты тамъ утѣшаешься, а я здѣсь опозорю твое имя навѣкъ»...

Она вынимала изъ ларца драгоценности—колье, фермуары, браслеты и серьги, разсматривала и вновь приходила въ отчаяніе—нѣтъ, ей нужна царская роскошь, неслыханныя сокровища, чтобы затмить въ Петербургѣ всѣхъ красавицъ, заставить забыть и морщины свои и года.

Но для этого надобны, кромѣ еще ненайденныхъ сокровищъ Мазепы, большія деньги.

Послѣ смерти генерала были предъявлены ко взысканію нѣсколько крупныхъ векселей. Приказчикъ и главнымъ образомъ Афанасій, орудовавшій теперь по всему хозяйству, продали заповѣдникъ, затѣмъ запашку будущаго года, уплатили по векселямъ и сшили себѣ каждый по суконному кафтану со смушкой. Кромѣ того оказалось множество мелкихъ долговъ. Павлина докладывала о нихъ ежедневно, а генеральша только сердилась, требовала себѣ денегъ—золотыми монетами, и сыпала ихъ на дно ларца. Гнѣвалась она также на дождливую погоду, приостановившую работы по раскопкамъ. Дѣйствительно вторую недѣлю шумѣли въ паркѣ и по полямъ крупные, несносные дожди; земля взбухла и по дну Свиныхъ Овражковъ катилась мутная рѣка, размывая берегъ. Такихъ дождей не помнили даже отцы старожиль.

У матери Голендухи генеральша потребовала двухъ монашенокъ и усадила ихъ передѣлывать и обновлять многочисленныя, но уже пришедшія въ ветхость, бальныя и визитныя платья.

Монашенки эти, уходя со страху ночевать въ монастырь, рассказывали о чудесахъ въ гнилопатскомъ домѣ, о ночныхъ прогулкахъ Степаниды Ивановны со свѣчено, о раскры-

ваемыхъ въ залѣ послѣ полуночи зеркалахъ, въ которыхъ генеральша смотрѣлась, говорятъ, даже совсѣмъ нагишомъ, о странныхъ крикахъ въ кабинетѣ покойнаго генерала, о шумахъ и стукахъ, о филинѣ, что кричалъ каждую ночь на чердакѣ, заливался хохотомъ и стоналъ, и о многомъ такомъ, что передавалось шопотомъ на ухо, а волосы шевелились подъ платочками у черницъ.

Наконецъ дожди кончились и настало ясное, прохладное время. Степанида Ивановна сама поѣхала на Свиные Овражки и неподалеку отъ раскопокъ, въ мѣстѣ, куда все это время сильно била вода, обнаружила глубокой провалъ и часть обнажившейся древней кладки. Тотчасъ приказано было рыть, и четыре дня генеральша не отходила отъ работъ и ночевала тамъ же около выкинутой земли, въ каретѣ, нарочно привезенной для этого въ оврагъ.

На пятый день изъ-подъ земли послышался шумъ, и Афанасій, высунувшись, заоралъ не своимъ голосомъ:

— Ваше превосходительство, нашли.

Степанида Ивановна затрясла сухонькой головкой, въ ознобѣ застучала вставными зубами и полѣзла въ яму.

Въ концѣ ея въ стѣнѣ было рваное отверстіе, сквозь которое виднѣлось нѣсколько фонарей рабочихъ, двигающихся въ пещерѣ.

Низкая и квадратная, со сводами, пещера была выложена кирпичомъ, въ шести глубокихъ нишахъ подъ сводами стояли глиняные горшки, два были разбиты, одинъ валялся на полу... Афанасій, высоко держа фонарь, свѣтилъ. Генеральша, путаясь въ платьѣ, взобралась, какъ обезьяна, въ нишу, ухватилась за край горшка, заглянула, запустила руку туда и вскрикнула пронзительно:

— Пусть, пусть! Ограбили!..

Обхвативъ горшокъ она затряслась, заплакала отъ злобы и отчаянія. Подошедшіе рабочіе охали, разводили

руками, говорили: «ишь ты какое дѣло приключилось, воръ допрежь насъ догадался». Одинъ, размахивая фонаремъ, заглянулъ въ остальные горшки, они бѣли тоже пусты... Афанасій же наткнулся въ углу на зарытый до половины сундукъ, съ разбитой крышкой; обшарилъ его и въ пыли и прахѣ нашелъ камушекъ величиной съ грецкій орѣхъ, поплевалъ на него, отеръ, и затеплилась въ свѣтѣ фонаря молочно-розовымъ теплымъ свѣтомъ жемчужина, необычайной величины... Степанида Ивановна выхватила ее у Афанасія, зажала въ кулачкѣ, начала закатывать глаза, и опрокинулась. Ее вынесли, уложили въ карету и повезли.

Генеральша лежала навзничъ на двухспальной своей кровати и, отогнувъ голову, глядѣла на жемчужину, положенную около, на черной подушечкѣ для булавокъ. Подъ огромнымъ абажуромъ не яркая лампа освѣщала столикъ, смятыя грязныя простыни и кружевной уголъ подушки; все остальное было погружено въ красноватый полумракъ. Степанида Ивановна боролась съ видѣніями, возникающими, какъ ей казалось, въ живомъ, то молочномъ, то аломъ, то зеленоватомъ тѣлѣ жемчужины. Изъ видѣній самое страшное было одно, постоянно повторяющееся и длительное. Видѣла генеральша мокрое истоптанное поле, въ концѣ его тусклая вѣчная полоса заката; повсюду холмики, и вдругъ яма. Ноги скользятъ и сыплотся комья. Нужно прильнуть къ землѣ, чтобы не скатиться. А тамъ, на днѣ ямы лежитъ усатый огромный человѣкъ. «Алешенька,— зоветъ его генеральша,—я тебя все-таки нашла. Я живая, тепленькая. Холодно тебѣ одному, что ты какой мерзлый». Кругомъ нѣтъ ничего, нечѣмъ согрѣться, все мокрое, все холодное. А прыгнуть туда, прильнуть—страшно. Тогда вкрадчивымъ, сладкимъ голосомъ начинаетъ она вспоминать прежнія ласки, обольщаетъ его, щурится.

И вдруг из-под генерала заструился дымок и появились красные огненные язычки... Генераль розовѣет и скрещенныя руки его бѣлыя... Онъ шевелится на огнѣ, хочетъ разлѣпить глаза, привстаетъ... «Вѣдь это муки адскія», думаетъ генеральша. И силится оторваться отъ земли. А мелкіе огоньки уже около... Генераль подплясываетъ на пламени, раскрываетъ глаза. «Алешенька,—зоветь она,—взгляни на меня, мучаюсь». Онъ глядитъ на нее и не видитъ. И чувствуетъ генеральша—нѣтъ той силы, какая могла бы соединить ихъ глаза... А уже вся яма въ огнѣ, по всему полю танцуетъ огонь, не жаркій, а ледяной, адскій. И въ глубокую яму къ веселому генералу сходить тѣнь... Это она, *другая*, Вѣра...

Мечется генеральша по постели, стонетъ и вскрикиваетъ.

— Что, матушка моя, благодѣтельница, или болитъ чего,—гнусявымъ голоскомъ спрашиваетъ, наклонясь къ ней, Павлина...

— Боюсь я смерти, Павлина! Боже мой, какъ боюсь. Вѣдь потомъ будутъ только муки, муки, муки... Намъ разъ дано жить, чтобы насладиться, а потомъ темнота, холодъ, ужась...

У Павлины изъ головы не шель недавній разговоръ со Степанидой Ивановной, которая открылась бабѣ, что хочетъ отомстить генералу, ушедшему отъ нея для утѣхъ съ первой женой. Предполагалось найти блестящаго молодого человѣка, ослѣпить его золотомъ и кокетствомъ и предаться такому разгулу, чтобы всему свѣту стало зазорно, а генералу тошно. Даже сейчасъ въ бреду, истерзанная неудачей съ сокровищами Мазепы, видѣньями своими, ревностью, не отказалась Степанида Ивановна отъ мысли отомстить. Она цѣплялась за дни свои изъ послѣднихъ силъ, и съ каждымъ уходящимъ часомъ ея безпокойство и муки возрастали.

Павлина узнала, что найденная въ пещерѣ жемчужина одна стоитъ нѣсколько тысячъ, и, вынимая однажды ночью для генеральши драгоценности изъ ларца, прикинула и ахнула: если продать всѣ эти броши, серьги и браслеты да прибавить къ нимъ червонцы на днѣ ларца—навѣкъ можно стать богатѣйшей барыней... А попадетъ все это какому-нибудь хахалю съ усами. Ночь не спала Павлина, ворочалась на лежанкѣ и утромъ подѣхала къ Афанасію, пившему въ столовой кофе. (Генеральша просыпалась только вечеромъ и весь день прислуга въ домѣ дѣлала что хотѣла.)

Стала Павлина напротивъ у стола, вытерла губы и сказала умильно:

— Счастья твоего желаю, Афанасьюшка, бездолные мы съ тобой, безродные умереть наша благодѣтельница—куда пойдемъ?

— Ты куда мѣтишь, баба?—спросилъ Афанасій, закуривая генеральскую сигару и развываясь, — я ничего себѣ живу, хорошо. А старуха умереть—открою корчму при монастырской дорогѣ. Ты же пошла отъ меня прочь, видишь я сигару курю, на картину желаю смотрѣть, а не на твою рожу.

— Да я уйду, Афанасьюшка, уйду, коли гонишь. А быть бы тебѣ бариномъ, не въ корчмѣ сидѣть, а въ палатѣ—деньги считать... Въ двѣсти тысячъ могла бы тебя произвести.

— Что?—привставъ спросилъ Афанасій,—ты какое, дѣло, баба, задумала?

— У благодѣтельницы нашей деньгами и брошками аккуратъ эта сумма лежитъ. А безъ меня не видать тебѣ ломаного пятака. Женись на мнѣ—счастье найдешь, а не хочешь другого отыщу... Вашего брата много тутъ бѣгаетъ, покрасивѣй тебя, толстопузый.

— Ты не грабить ли, баба, задумала? Ой, смотри, донесу.

Но тутъ Павлина, присѣвъ рядышкомъ, подробно и толково принялась разсказывать все, что надумала за эту ночь. Афанасій, слушая, бросилъ сигару, потомъ началъ отплеиваться и наконецъ, хвативъ бабу по спинѣ, заржалъ на весь домъ.

— Не люблю, сударь, такого обращенія,—сказала на это Павлина,—у меня спина женская. Даю тебѣ день сроку, подумай и самъ рѣшай. Рожа я рожа, а ума ни у кого не займу. Прощай...

Къ утру Афанасій дѣйствительно додумался и поѣхалъ къ попу, а оттуда въ городъ, гдѣ взялъ себѣ у парикмахера, по совѣту Павлины, фракъ и все къ нему нужное. Павлина за это время не отходила отъ Степаниды Ивановны и, едва генеральша переставала бредить, заводила разговоръ о какомъ-то господинѣ Фіалкинѣ, нечеловѣчески, говорятъ, красивомъ мужчинѣ, который собирается заѣхать въ Гнилопята—познакомиться съ генеральшей: такъ и рвется, говорятъ, повидать.

— О какомъ ты Фіалкинѣ говоришь? О какомъ Фіалкинѣ? Не знаю такого,—отвѣчала Степанида Ивановна, развѣ могу я сейчасъ принять молодого человѣка; дай поправлюсь, пополнѣю немножко... Отстань отъ меня.

— Черный, сытый, на слова бойкій,—говорила Павлина,—увидить женщину—такъ весь на нее и прыгаетъ, какъ пѣтель. Ужъ сама не знаю, благодѣтельница—допустить ли его до вась?

Помолчала генеральша на этотъ вопросъ, потребовала зеркало, долго всматривалась огромными, совсѣмъ пожелтѣвшими, глазами въ ужасное свое лицо, безъ силъ уронила руки и сказала, едва слышно, съ отчаяніемъ:

— Не вижу ничего, Павлина, темно. Не слишкомъ ли я уродлива? Вотъ чего боюсь...

— И, благодѣтельница, нечего душой кривить—есть морщинки, чай вѣдь не шестнадцать лѣтъ... Но какъ нару-

мянитесь, да еще я лампу приверну—чистый ангель. Съ ума его скрутимъ нашего Фіалкина...

— Не знаю, ничего не пойму, путаешь ты меня, глупая баба. А впрочемъ, пріѣдетъ—проси.

Въ тотъ же день послѣ заката въ спальнѣ Степаниды Ивановны появился страннаго вида господинъ, съ невѣроятными черными усами, во фракѣ, при красномъ галстукѣ и скрипящихъ сапожкахъ. Снявъ шляпу, онъ низко поклонился генеральшѣ, лежащей на софѣ, и проговорилъ тошнотаватымъ голосомъ:

— Имѣю представиться—господинъ Фіалкинъ, ѣхалъ мимо по частнымъ дѣламъ, но принужденъ, вслѣдствіе поломки тарантаса, умолить ваше превосходительство переночевать. И кромѣ того охотникъ до женскаго пола, хи, хи...

Съ ужасомъ глядѣла Степанида Ивановна на черные усищи, не понимала бредъ это или явился самъ чортъ. Онъ же, присѣвъ около софы, чмокнулъ генеральшу въ ручку и началъ сопѣть, вращая глазами.

— Что вы какъ на меня смотрите?—спросила она.— Я, право, боюсь.

— Очень до женщинъ охотникъ,—отвѣтилъ Фіалкинъ и хлопнулъ себя по колѣнкѣ.

— Какой вы страшный...

— Эге, не то еще будетъ.

— Но вѣдь я стара... Послушайте, я не могу нравиться...

— Ну, какъ кому. А мнѣ сразу пришлись по вкусу... Грѣшить, такъ грѣшить, я, знаете ли, мастакъ до этого...— И онъ пальцемъ ткнулъ Степаниду Ивановну подъ ребро... Она вскрикнула, откинулась, вытянула руку... Онъ ткнулъ съ другой стороны. И точно теплая, текучая паутина поползла по всему тѣлу, затянула лицо, застлала глаза... «Поцѣлуетъ, значитъ, жива останусь—долго проживу... Не умру ни за что»,—подумала генеральша,—ахъ испытать бы еще разъ муки и сладость»...

Черные усы шевелились передъ глазами и гудѣлъ басокъ, поминалъ про какія-то брошки, про жемчугъ... Толстые пальцы защекотали у нея подъ подбородкомъ... Генеральша пожилаась... Но паутина плотнѣе опутывала все тѣло, застлала глаза мутнымъ свѣтомъ; точно усатый, толстенкій Фіялкинъ, какъ непомѣрный червякъ, быстро крутилъ вокругъ нея коконъ... Трудно было вздохнуть и рука, лежащая на подушкѣ, не чувствовала шелка...

— Оставьте меня, душно...—проговорила генеральша.

Фіялкинъ исчезъ, и за дверью испуганнымъ шопотомъ проговорилъ Павлинъ.

— Старуха-то умираетъ...

— Врешь, Афанасій...

— Посинѣла вся...

— Да ты зачѣмъ сразу-то облапилъ, надо легче...

— Молчи ужъ, дура... Что теперь дѣлать?..

Афанасій вытиралъ потное лицо рукавомъ. Усь отсталъ у него съ одной стороны. Павлина, прижавъ пальцемъ и безъ того несуразный носъ свой, думала:

— А помреть—деньги брать надо, да изъ вещей что подороже... Въ пещеру закопаемъ и знать ничего не знаемъ... Сказала она и толкнула его въ спину,—ну, иди къ ней...

— Ой, не могу, противно... Съ души воротить...

— Иди, говорю, поганецъ... Напугай ее хорошенько...

Одинъ конецъ...

Сопя, съ надутыми жилами на лбу, опять появился Афанасій въ спальнѣ. Генеральша лежала у софы на коврѣ, подвернувъ подъ себя руку, и тихонько, и часто стонала...

А у подъѣзда въ это время послышались бубенцы.

— Гости,—крикнула Павлина, отворяя дверь.

Афанасій, обрывая усы, выскочилъ въ переднюю... Вошли Илья Леонтьевичъ и Сонечка...

— Здравствуйте, Афанасій,—сказала Сонечка поспѣшно,—какое горе у васъ... А что бабушка?..

Афанасій свернулъ голову на бокъ, заморгаль, развелъ руки:

— Ея превосходительство отходятъ...

И съ воемъ брякнулась позади него на полъ Павлина, заголосила на три голоса сразу.

Генеральшу похоронили. Среди генеральскихъ бумагъ было найдено завѣщаніе, по которому послѣ смерти его и Степаниды Ивановны все движимое и недвижимое имущество переходило Софѣ Ильиничнѣ Смольковой...

Рѣшено было всю обстановку до мелочей оставить нетронутой: быть-можетъ настанетъ время когда въ гнилопятскомъ домѣ начнется новая жизнь. А пока, по просьбѣ Сонечки, рабочіе съ утра до ночи стучали молотками, заколачивая домъ, зашивая досками двери и ставни.

И все это время Сонечка сидѣла въ саду, гдѣ падали послѣдніе красные листья на дорожки, на поляны, въ прозрачный, какъ небо, гнилопятскій прудъ... Летѣли журавли высоко, и въ чистомъ воздухѣ доносился издадека печальный звонъ женскаго монастыря.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	26
Глава четвертая	36
Глава пятая	47
Глава шестая	58
Глава седьмая	69
Глава восьмая	79
Глава девятая	89
Глава десятая	103
Глава одиннадцатая	118
Глава двѣнадцатая	126
Глава тринадцатая	134
Глава четырнадцатая	147
Глава пятнадцатая	158
Глава шестнадцатая	170

«Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ».

Скатертный пер., д. 8., кв. 18.

Литературно-Художественные сборники «СЛОВО»

Сборникъ I. В. Вересаевъ. Аполлонъ, богъ живой жизни. Ив. Шмелевъ. Розстани. Изъ Рабиндраната Тагора, перев. съ англ., съ предисл. Дюнео. Гр. Ал. Н. Толстой. Овражки. Ив. Бунинъ. При дорогѣ. Б. Зайцевъ. Студентъ Бенедиктовъ. Н. Телешовъ. Ночлеги. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ II. Неизд. беллетрист. и драм. произведенія А. П. Чехова. Темы, мысли, замѣтки, отрывки. Изъ Записной книжки. Письма къ Чехову Д. Григоровича, Н. Михайловскаго, А. Плещеева и др. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ III. Гр. Ал. Н. Толстой. Большія непріятности. Н. Телешовъ. Мама. Л. Авилова. Осеннее. Ив. Шмелевъ. Поѣздка. Ив. Бунинъ. Братья. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ IV. Ив. Бунинъ. Весенній вечеръ. Б. Зайцевъ. Мать и Катя. К. Треневъ. Мокрая Балка. Г. Яблочковъ. Въ плѣну. Гр. Ал. Н. Толстой. Четыре вѣка. И. Сургучевъ. Пѣсни о любви. В. Вересаевъ. Марья Петровна. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

Сборникъ V. Ив. Бунинъ. Господинъ изъ Санъ-Франциско. Бор. Зайцевъ. Маша.—И. Сургучевъ. Мельница. Н. Тимковскій. Неугасимая.—К. Треневъ. По тихой водѣ.—Ив. Шмелевъ. На большой дорогѣ. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 75 к.

Сборникъ VI. (Печатается).
Материалы для исторіи русской журналистики: Письма Гл. Ив. Успенскаго, В. Короленко, Н. Михайловскаго, П. Якубовича и др. В. А. Гольцеву. Ц. 1 р. 50 к.

Въ спорахъ о театрѣ. Сборникъ статей Ю. Айхенвальда, Сергѣя Глаголь, Вл. Немировича-Данченко, В. Сахновскаго, А. Южина, Д. Овсяннико-Куликовскаго и друг. Ц. 1 р. 11. Авилова. Образъ человѣческой. Разсказы. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Леонидъ Андреевъ. Полетъ. Разсказы т. XVI. Ц. 1 р. 25 к.
— Сашка Жегулевъ. Романъ. (Сочин. т. XIV). Ц. 1 р. 25 к.
— Сочиненія т. XV. Ц. 1 р. 50 к.

А. Богдановъ. Краткій курсъ идеологич. науки въ вопросахъ и отвѣтахъ. М. 1914 г. Ц. 75 к.

- Ив. Бунинъ.** Иоаннъ Рыдалецъ. Разказы. 1912—1913 гг. Ц. 1 р. 50 к.
 — Суходоль. Повѣсти и разказы. 1911—1912 гг. Ц. 1 р. 50 к.
 — Переваль. Разказы. 1892—1902 гг., изд. 5-е. Ц. 1 р. 50 к.
 — Деревня. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
 — Разказы и стихотворенія. 1907—1910 гг., изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
 — Чаша жизни. Разказы 1913—1914 гг. Ц. 1 р. 50 к.
 — Стихотворенія. 1903—1906 гг., изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
 — Золотое дно. Разказы. 1903—1907 гг. Ц. 1 р. 25 к.
А. Бѣлорусовъ. Парижъ. М. 1915 г. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.
 — Его же. Франція. Ц. 1 р. 50 к.
Ив. Бѣлорусовъ. Атава. Стихотворенія. М. 1915 г. Ц. 1 р.
В. Вересаевъ. Разказы, т. I, II, III, V по 1 р. 25 к.
 — Записки врача (т. IV), изд. 7-е. Ц. 1 р. 25 к.
 — На войнѣ. Записки. Ц. 1 р. 25 к.
 — Живая жизнь, ч. I. (Толстой и Достоевскій.) } Изданіе
 — автора. Ц. 1 р. 25 к.
 — Живая жизнь, ч. II. (О Ницше.) Ц. 1 р. 25 к.
 — Архилохъ. Стихотворенія и фрагменты, перев. съ греческаго. Ц. 75 к. (Распродано.)
 — Сафо. Стихотв. и фрагменты, пер. съ греч. Ц. 75 к. (Распр.
 — Гомеровы гимны. (Готовится къ печати.)
Ив. Вольцовъ. Юность. (Готовится къ печати.)
И. Гольдбергъ. Тунгусскіе разказы. М. 1914 г. Ц. 80 к.
М. Горькій. «Сказки». М. 1913 г. Ц. 85 к.
Діонео. Мѣняющаяся Англія. Ч. I. М. 1915 г. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к. То же, ч. II. Ц. 1 р. 50 к.
С. Елпатьевскій. Разказы, т. I, изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
 — Разказы, т. II, изд. 2-е. М. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.
 — Разказы, т. III. Изд. 2-е. М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
 — За границей (т. IV). Ц. 1 р. 50 к.
 — Египеть, изд. 2-е. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. } Изданіе
 — Влискія тѣни. (Воспоминанія.) Ц. 75 к. } автора
 — Крымскіе очерки, съ иллюстр. Изд. 2-е. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
 — Литературныя воспоминанія. (Готовится къ печати.)
Бор. Зайцевъ. Земная печаль. (Разказы, т. VI.) (Печатается).
А. Кипецъ. Господская жизнь. (Разказы т. II), Ц. 1 р. 25 к.
Ив. Касаткинъ. Лѣсная быль. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.
М. Коцюбинскій. Разказы, т. III. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

- Ө. Крюковъ.** Очерки и разказы. Ц. 1 р. 25 к.
В. Лѣвовъ-Рогачевскій. Снова накануне. Критическія статьи. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
П. Масловъ. Война и демократія. Ц. 40 к.
Николай Мѣшковъ. Стихотворенія. М. 1914 г. Ц. 1 р.
Н. Никандровъ. Береговой вѣтеръ. Разказы. М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
Иванъ Новиковъ. Разказы. 1905—1912 гг. Ц. 1 р. 25 к.
А. Серафимовичъ. Снѣжная пустыня. (Разск., т. I.) Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
 — На рѣкѣ. (Разказы, т. IV.) Ц. 1 р. 25 к.
 — Со звѣрями. (Разказы, т. V.) Ц. 1 р. 25 к.
 — Разказы т. II. Ц. 1 р. 25 к.
 — Городъ въ степи. (Ром. т. VI.) Ц. 1 р. 50 к.
 — Сухое море. (Разказы, т. VIII.) Ц. 1 р. 25 к.
С. Сергѣевъ-Ценскій. Сочиненія:
 — Т. I. Разказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. II. Разказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. III. Поручикъ Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
 — Т. IV. Печаль полей и др. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. V. Движенія. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. VI. Медвѣжонокъ. Приставъ Дерябинъ. Нѣдра и др. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. VII. Наклонная Елена. (Печатается.)
И. Сургучевъ. Осенняя скрипки. (Разказы, т. III.) М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
Рабиндранатъ Тагоръ Гитанджали. Жертвенныя пѣснопѣнія. Перев. А. Пущешникова, подъ ред. Ив. Бунина. Изд. 2-е. Ц. 40 к.
Телешовъ. Разказы, т. I. Ц. 1 р.
 — Черною ночью. (Разказы, т. II.) Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
 — Золотая осень. (Разказы, т. III.) Ц. 1 р. 25 к.
Н. Тимковскій. Душа Л. Н. Толстого. Ц. 1 р.
 — Сергѣй Шумовъ. Разказы. Т. I. Изд. 3-е. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
 — Т. II. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. III. Корни жизни, изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. IV. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
 — Т. V. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. VI. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. VII. Ц. 1 р. 25 к.

- Т. VIII. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. IX. Золотой борь. Ц. 1 р. 50 к.
- Т. X. Передь жизнью. Ц. 1 р. 25 к.
- К. Треневъ.** Владыка. Рассказы. Изд. 2-е. М. 1915 Ц. 1 р. 25 к.
- Гр. Ал. Н. Толстой.** Сочинения:
 - Т. I. Заволжье. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
 - Т. II. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
 - Т. III. Рассказы. (По пути. Призраки. Минувшее.) Ц. 1 р.
 - Т. IV. Сказки. Ц. 1 р.
 - Т. V. Хромой баринъ, ром. М. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.
 - Т. VI. На войнѣ. М. 1915 г. Ц. 1 р.
 - Т. VII. Приключенія Растегина. М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
 - Т. VIII. Свѣтъ уединенный. Ром. (Печатается).
- А. П. Чеховъ.** Письма, т. I (1876—1887 гг.). Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 60 к. Изд. 2-е.
 - Письма, т. II (1888—1889 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к.
 - Письма, т. III. (1890—1891 гг.). Съ иллюстрац. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
 - Письма, т. IV (1892—1896 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 2 р.
 - Письма, т. V (1897—1899 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 2 р.
 - Письма, т. VI (1900—1904 гг.). (Печатается.)
- А. Черемновъ.** Стихотворенія. М. 1913 г. Ц. 1 р.
- Ив. Шмелевъ.** Распадъ. (Рассказы, т. I.) Ц. 1 р. 25 к.
 - Рассказы, т. II. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
 - Рассказы, т. III. (Человѣкъ изъ ресторана.) М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
 - Рассказы, т. IV. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
 - Волчій перекать (Рассказы, т. V.) М. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.
 - Карусель (Рассказы. Т. VI.) М. 1915 г. 1 р. 25 к.
- Г. Яблочковъ.** Рассказы, т. I. Ц. 1 р. 25 к.
 - Слѣпая душа. Рассказы, т. II. М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Проф. Крембъ.** Германия и Англія, пер. съ англ. М. 1915 г. Изд. 2-ое. Ц. 75 к.
- Д-ръ Чарльзъ Сароли.** Англо-германская проблема, перев. съ англ. М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Война и Польша.** (Польскій вопросъ въ русской и польской печати.) Предисловіе и редакція Л. С. Козловскаго. Ц. 75 к.
- Проф. Шимонъ Аскенази.** Конституціонная Польша (1815—1830), съ предисл. А. А. Кизеветтера, перев. съ польск. В. Высоцкаго. Ц. 1 р. 25 к.

- В. Лесевичъ.** Сочиненія, т. I. Статьи по философіи. М. 1915 г., Ц. 3 р.
- Т. II. Статьи по философіи. М. 1915 г. Ц. 3 р.
- Т. III. Статьи общенаучнаго характера. (Печатается).

Библиотека польскихъ писателей.

- Стефанъ Жеромскій.** Забвеніе. Рассказы, перев. В. Высоцкаго. Ц. 1 р. 25 к.
- Казимиръ Тетмайеръ.** Карпатскіе рассказы, перев. В. Высоцкаго. Ц. 1 р. 25 к.
- В. Органъ.** Морь. Повѣсть. Печатается.
- Ю. Жулавскій.** Рассказы. Печатается.

Народно-школьные изданія.

Ив. Вуничъ. Избранные рассказы. Содержание: Сонъ Обл. мова-внука.—Антоновскія яблоки.—Весна.—Скитъ.—Сверчокъ.—На край свѣта.—На чужой сторонѣ. Танька.—Кастрюкъ.—Велга. М. 1914 г. Ц. 65 г., въ папкѣ 90 к.

Уч. Ком. Мин. Н. Пр. признана заслужив. вним. при пополненіи безпл. нар. библ. и читаленъ.

А. Додэ. Джекъ и др. рассказы, Ц. 40 к., въ папкѣ 65 к.

С. Елпатовскій. Гекторъ и Рассказы о прошломъ. М. 1915 г. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ библ. высшихъ начальн. учил.

Н. Златовратскій. Избранные рассказы для юныхъ читателей, съ портретомъ автора, изд. 2-е. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р. 5 к.

Уч. Ком. Мин. Н. Пр. внесена въ списокъ книгъ для ученич. библ. среднихъ учебн. завед., допущена въ ученич. библ. городскихъ по Полож. 1872 г. училищъ.

Г. Сеневичъ. Избранные рассказы для дѣтей школьн. возраста. Содержание: Янко музыкантъ.—Старый слуга.—Фонаришкы.—Бартекъ побѣдитель. М. 1915 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 85 к.

А. Серафимовичъ. Морской волкъ и др. рассказы. Содержание: Морской волкъ.—Лѣсная жизнь.—Три друга.—Сережа.—Бѣгство.—Медвѣдь.—М. 1914 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 85 к.

Уч. Ком. Мин. Н. Пр. признана заслужив. вним. при пополненіи безпл. нар. библ. и читаленъ.

Н. Телешовъ. Вѣрный другъ и др. рассказы. Содержание: Вѣрный другъ.—Бѣлая цапля.—Косцы.—Старый ховяинъ.—Домой.—Елка Митрича.—Уха.—Пѣвецъ Богоматери.—Пѣснь о трехъ юношахъ. М. 1915 г. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич. библ. низшихъ начальн. учил.

Ив. Шмелевъ. Догонимъ солнце и др. рассказы. Содержание: Догонимъ солнце.—Солдатъ Кузьма.—На томъ берегу.—Правдивные герои. М. 1916. Ц. 60 к., въ папкѣ 85 к.

Дорогія мѣта. Съ иллюстр., подъ редакц. Ив. Бѣлоусова, изд. 2-е. Ц. 1 р. 10 к., въ папкѣ 1 р. 40 к.

Уч. Ком. Н. Пр. допущена въ ученич. библ. народн. учил.

11/10

Книги Гр. Алексѣя Н. ТОЛСТОГО:

565 2/4

- т. I. ЗАВОЛОЖЬЕ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
- т. II. НЕВѢРНЫЙ ШАГЪ. Ц. 1 р. 25 к.
- т. III. РАЗСКАЗЫ. (По пути.—Призраки.—Минувшее.)
- т. IV. СКАЗКИ. Ц. 1 р.
- т. V. ХРОМОЙ БАРИНЪ, ромъ Овражки.—Маша.
Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
- т. VI. НА ВОЙНѢ. Ц. 1 р.
- т. VII. ПРИКЛЮЧЕНІЯ РАСТЕГИНА. Ц. 1 р. 25 к.

19

ромъ

5 10

Цѣна 1 р. 25 к.